

ISSN 2686-9764

Том 14, № 4 (52)
2020

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

scientific and practical journal

of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Volume 14, № 4 (52)
2020

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN 2686-9764
Том 14, № 4 (52)
2020

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический журнал
«Пенитенциарная наука»
издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под названием
«Вестник института:
преступление, наказание,
исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России
Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации средства мас-
совой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019
ISSN 2686-9764

Журнал размещается
в следующих реферативных и
полнотекстовых базах данных:
EBSCOhost, Российский
индекс научного цитирования
(РИНЦ), научная электронная
библиотека «КиберЛенинка»

Все права защищены.
Перепечатка материалов
только с разрешения редак-
ции журнала. Авторские
материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет
за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения
рукописи

Выказанные в статьях
мнения и суждения могут
не совпадать с точкой зрения
редакции. Ответственность
за подбор и изложение
материалов несут авторы
публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2
Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Подписной индекс 41253
по Объединенному каталогу
«Пресса России»
Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России
Дата выхода в свет:
18.12.2020
Тираж 1000 экз.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваяева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Мальшев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Санташов А. Л. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуяева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN 2686-9764 science and practice journal
Volume 14, No. 4 (52) of Vologda Institute of Law and Economics
2020 of the Federal Penitentiary Service of Russia

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007. Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VIPE FSIN Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate of registration No. FS77-76598 dated August 15, 2019
ISSN 2686-9764

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: EBSCOhost, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka"

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher. Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation
Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation
Address of the printing office:

16, Kubinskaya street, apt. 74, Vologda, 160010, Russian Federation

Phones:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Subscription index is 41253 in the United Catalog "Press of Russia"

The price is open

© VIPE FSIN Russia

Date of publication:
18.12.2020

Circulation: 1000 copies

EDITOR-IN-CHIEF:

Evgeny L. Kharkovsky – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of VIPE FSIN Russia.

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of VIPE FSIN Russia.

EDITORIAL BOARD:

Yurii M. Antonyan – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Russian State University for the Humanities;
Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elvira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Demidov Yaroslavl State University;

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor of the Department of Criminal Justice and Security at the University of Maribor (Slovenia);

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;

Valeri Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, deputy rector for Academic Affairs of Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law Disciplines at Zhetysu State University after Ilyas Zhanasugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminology at the Belarusian State University;

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Peoples' Friendship University of Russia, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at VIPE FSIN Russia.

EDITORIAL COUNCIL:

Boris Ya. Gavrilov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation at VIPE FSIN Russia;

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;

Valentina I. Zubkova – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;

Evgenii P. Ishchenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law);

Lyubov' V. Kovtunenkov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor of the Department of Penal and Criminal Law at Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Nodar Sh. Kozaev – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ivan Ya. Kozachenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminal Law at the Ural State Law University;

Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of the Department of Philosophy and History at VIPE FSIN Russia;

Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;

Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;

Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure at Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);

Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Financial Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of State and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;

Andrei L. Santashov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Civil Law Disciplines at VIPE FSIN Russia;

Dmitrii V. Sochivko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of General Psychology at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;

Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law), professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;

Victoria V. Hatuaeva – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice;

Aleksandr S. Shatalov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the National Research University "Higher School of Economics".

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ453

ЛАПШИН В. Е., ШАХАНОВ В. В.
Пенитенциарно-правовая доктрина
как правовая категория и метаязыковое средство
формирования пенитенциарно-правовой
политики. 453

ПУДОВОЧКИН Ю. Е.
Меры уголовно-правового характера
и уголовная ответственность: научная дискуссия
и поиск решения. 460

АЗАРОВА И. В., ДВОРЯНСКОВ И. В.
Штраф в системе наказаний
за преступления против собственности
и некоторые проблемы повышения
его эффективности. 473

БЕЛОВ О. А., СПИРИДОНОВА Ю. Н., ОДИНЦОВ А. И.
Генная инженерия: проблемы уголовно-правового
регулирования. 479

ШАБАНОВ В. Б., БУДАНОВА Л. Ю., КРАМАРЕНКО В. П.
Исполнение приговора – самостоятельная стадия
уголовно-процессуальной деятельности. 485

ПОНИКАРОВ С. В.
Теоретические аспекты взаимодействия
подразделений специального назначения
ФСИН России, Росгвардии и МВД России
в сфере правоохранительной деятельности. 493

ШАТАЛОВ А. С., АКЧУРИН А. В.
О необходимости формирования
уголовно-процессуальных
и криминалистических профессиональных
компетенций у сотрудников
исправительных учреждений ФСИН России. 499

НАГОРНЫХ Р. В.
Государственная служба в правоохранительной
сфере и ее основные признаки. 507

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 514

ШЕХОВЦОВА Е. С., БУЛЫГИНА В. Г.
Регулятивные особенности лиц с расстройствами
личности и акцентуациями характера,
совершивших агрессивно-насильственные
правонарушения. 514

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 524

КОВТУНЕНКО Л. В., ПАРАМОНОВ Е. В.
Мотивационно-ценностная направленность
допризывной молодежи на военную службу. 524

ВИКТОРОВА Т. В., ЗАУТОРОВА Э. В.
Программа формирования
морально-психологической устойчивости
сотрудников отдела охраны
исправительного учреждения. 528

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ 534

ГОЛИК Ю. В.
Отзыв официального оппонента
о диссертации Бочкарева Сергея Александровича
«Теоретико-методологическое исследование
уголовного права как системы научного знания»,
выполненной на соискание ученой степени
доктора юридических наук по специальностям
12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учения о праве и государстве; 12.00.08 –
Уголовное право и криминология, уголовно-испол-
нительное право. 534

CONTENT

JURISPRUDENCE	537	NAGORNYKH R.V. State Service in the Law Enforcement Sphere and Its Major Features	576
LAPSHIN V.E., SHAKHANOV V.V. Penal and Legal Doctrine as a Legal Category and a Metalanguage Means to Shape the Penal and Legal Policy	537	PSYCHOLOGY	581
PUDOVOCHKIN YU.E. Criminal Law Measures and Criminal Liability: Scientific Discussion and Searching for a Solution . .	542	SHEKHOVTSOVA E.S., BULYGINA V.G. Regulation Features in Individuals with Personality Disorders and Accentuated Personality Traits Who Committed Aggressive and Violent Crimes	581
AZAROVA I.V., DVORYANSKOV I.V. Fine in the System of Punishments for Crimes against Property and Some Issues Related to the Enhancement of Its Effectiveness	551	PEDAGOGY	589
BELOV O.A., SPIRIDONOVA YU.N. , ODINTSOV A.I. Genetic Engineering: Issues of Criminal Law Regulation	556	KOVTUNENKO L.V., PARAMONOV E.V. Motivational and Value-Based Orientation of Pre-Conscription Youth toward Military Service . .	589
SHABANOV V.B., BUDANOVA L.YU., KRAMARENKO V.P. Execution of a Sentence – an Independent Stage of Criminal Proceedings	560	VIKTOROVA T.V., ZAUTOVA E.V. A Program for the Development of Moral and Psychological Stability /in Security Division Officers of Correctional Institutions	592
PONIKAROV S.V. Theoretical Aspects of Interaction between Special Forces Units of the Federal Penitentiary Service of Russia, the National Guard of Russia, and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Field of Law Enforcement	566	SCIENTIFIC REVIEWS	596
SHATALOV A.S., AKCHURIN A.V. On the Need to Develop Professional Competences in Criminal Procedure and Criminalistics in Corrections Officers of the Federal Penitentiary Service of Russia	570	GOLIK YU.V. Review by the official opponent on the Doctor of Sciences (Law) dissertation of Sergei A. Bochkarev “Theoretical and methodological study of criminal law as a system of scientific knowledge”, specialties 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state, 12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law	596

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-453-459

УДК 340.1:349.9.018.3

Пенитенциарно-правовая доктрина как правовая категория и метаязыковое средство формирования пенитенциарно-правовой политики

В. Е. ЛАПШИН

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

В. В. ШАХАНОВ

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Реферат. В науке уголовно-исполнительного права понятие «доктрина», в частности «пенитенциарно-правовая доктрина», с теоретических позиций не исследовалось. Вариативность использования в теории и на практике указанных терминов и их синонимов диктует необходимость ликвидировать существующий пробел. Понимание доктринальных оснований важно и для оценки состояния и перспектив развития пенитенциарной науки.

В статье анализируется практика использования терминов «пенитенциарно-правовая доктрина», «уголовно-исполнительная доктрина», «доктрина уголовно-исполнительного права», «пенитенциарная доктрина», «исправительная доктрина». Пенитенциарно-правовая доктрина рассматривается как часть правовой доктрины, понятие «правовая доктрина» соотносится со смежными категориями (наука, концепция, позиция), изучается влияние пенитенциарно-правовой доктрины на пенитенциарно-правовую политику.

Авторы приходят к выводу о том, что понятие «пенитенциарно-правовая доктрина» является системообразующим, выступает необходимой предпосылкой ведения научного анализа, и дают рекомендации по использованию термина «доктрина» в пенитенциарно-правовой сфере. Предлагается следующая авторская дефиниция понятия «пенитенциарно-правовая доктрина»: это поликонтекстуальное явление, отражающее как формальные аспекты пенитенциаристики (будучи ее источником), так и ее содержательную сторону (как система взглядов, средство выражения пенитенциарной мысли), выступающее носителем определенной пенитенциарно-правовой идеологии и метаязыковым средством формирования пенитенциарно-правовой политики.

Ключевые слова: пенитенциарно-правовая доктрина; правовая доктрина; уголовно-исполнительная доктрина; исправительная доктрина; доктрина уголовно-исполнительного права; пенитенциарно-правовая политика; метаязыковое средство.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история о праве и государстве.

Для цитирования: Лапшин В. Ф., Шаханов В. В. Пенитенциарно-правовая доктрина как правовая категория и метаязыковое средство формирования пенитенциарно-правовой политики. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 453–459. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-453-459.

Penal and Legal Doctrine as a Legal Category and a Metalanguage Means to Shape the Penal and Legal Policy

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

VYACHESLAV V. SHAKHANOV

Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: sahakhanov.vyacheslav@mail.ru

Abstract. So far, the science of penal law has not looked closely into the term “doctrine”, and, in particular, “penal and legal doctrine” from the theoretical point of view. Thus we find it necessary to eliminate this gap, since the use of these terms and their synonyms varies greatly in the scientific and educational activities of penal institutions. Understanding the doctrinal grounds is also important for assessing the current situation and prospects for development of the science of penal law. The article analyzes the usage of the terms “penal and legal doctrine”, “criminal-executive doctrine” “doctrine of criminal-executive law”, “penal doctrine”, “correctional doctrine”; penal and legal doctrine is considered as part of legal doctrine; we study the notion of “legal doctrine” in its relations with adjacent categories (science, concept, position); we also investigate the effects of penal and legal doctrine on the penal and legal policy. We conclude that the term “penal and legal doctrine” is the core one and acts as a necessary prerequisite for scientific analysis. We also provide recommendations for the use of the term “doctrine” in the penal law sphere and put forward our own definition of the term “penal and legal doctrine”. In the course of our research we used general scientific, sectoral (social narrative) and level methodology (methods of theoretical and metatheoretical levels of cognition in science).

Key words: penal and legal doctrine; legal doctrine; criminal-executive doctrine; correctional doctrine; doctrine of the criminal-executive law; penal and legal policy; metalanguage tool.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state.

For citation: Lapshin V.E., Shakhanov V.V. Penal and legal doctrine as a legal category and a metalanguage means to shape the penal and legal policy. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 453–459. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-453-459.

Любое научное исследование, как правило, начинается с анализа используемой терминологии, ибо, как гласит известная научная аксиома, «прежде чем спорить, необходимо определиться с терминами». Стоит обратить внимание и на термины, выступающие метаязыковыми средствами, которые могут не являться родовыми (видовыми) или смежными

понятиями и категориями, но быть системообразующими и рассматриваться в качестве необходимой предпосылки ведения научного анализа. К их числу можно отнести термин «доктрина» (в пенитенциарной плоскости – «пенитенциарная доктрина», «уголовно-исполнительная доктрина», «доктрина уголовно-исполнительного права» и т. п.).

Анализ информации, представленной на официальном сайте ФСИН России, позволил выявить следующие сочетания со словом «доктрина»: религиозная доктрина, дореволюционная правовая доктрина, военная доктрина, доктрина неопределенности в праве, доктрина военной науки, доктрина уголовного наказания, доктрина продовольственной безопасности, доктрина информационной безопасности, политико-правовая доктрина государства, исправительная доктрина и др. Как видно, термин «доктрина» достаточно вариативен. Он используется в сфере научной и общественной жизни исследовательских и образовательных организаций ФСИН России, а также в процессе воспитательной работы в исправительных учреждениях. Вариативность может иметь и негативные последствия в случае, если от этого страдает точность использования научной терминологии.

Осуществленный нами в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU поиск опубликованных результатов научных исследований по ключевым словам «уголовно-исполнительная доктрина» и «доктрина уголовно-исполнительного права» результатов не дал, в то время как ключевое слово «правовая доктрина» присутствует в 331 публикации, а «уголовно-правовая доктрина» (занимает вторую позицию в рейтинге ключевых слов в сочетании с термином «правовая доктрина») – в 30 публикациях. Термин «пенитенциарная доктрина» как ключевое слово встречается в двух публикациях [7; 15], а «пенитенциарная наука» – в 19. Словосочетание «исправительная доктрина» как ключевое слово в вышеназванной электронной библиотеке отсутствует, но фигурирует в названии одной из публикаций [12].

Все вышеупомянутые термины (уголовно-исполнительная доктрина, доктрина уголовно-исполнительного права, пенитенциарная доктрина, исправительная доктрина) могут быть рассмотрены как синонимы в случае, когда выступают в качестве средства выражения пенитенциарной мысли. Хотя здесь присутствует и некий дуализм: все они, за исключением термина «доктрина уголовно-исполнительного права», могут быть использованы как средство отражения уголовно-исполнительной политики, обнаруживая основной вектор последней, заданный в официальных документах. Для объективации вове факта использования пенитенциарно-правовой мысли логичнее применять термин «пенитенциарно-правовая доктрина», так как в рамках пенитенциар-

ристики исследуется не только правовая, но и, например, социологическая, психологическая, педагогическая проблематика.

В монографической плоскости понятие «пенитенциарно-правовая доктрина» и его синонимы не изучались, то есть не было проведено отдельных научных исследований, посвященных данной категории, не определялись ее место в соответствующем понятийном ряду, функциональная нагрузка, теоретическое и методологическое значение, соотношение со смежными понятиями и т. п. В рамках настоящей статьи мы постараемся частично восполнить данный пробел.

Важно подчеркнуть, что мы говорим о недостаточной разработанности понятия в значении правовой категории, а не социального феномена. Пенитенциарная наука (доктрина) как социальное явление исследована весьма скрупулезно, ее изучение продолжается усилиями достаточно большой плеяды ученых-пенитенциаристов, и качество достигнутых ими результатов не вызывает никаких сомнений.

С общетеоретических позиций правовую (юридическую) доктрину исследовали Р. В. Пузиков [11], А. А. Зозуля [5], С. В. Батурина [2] и Е. О. Мадаев [8]. По мнению Р. В. Пузикова, это «выработанная юридической наукой система взглядов на проблемы правового регулирования общественных отношений, выраженных в форме принципов, презумпций, аксиом и иных основоположений, которая является моделью позитивного права, служит регулятором общественных отношений, определяет приоритетные направления, закономерности и тенденции развития законодательства независимо от того, зафиксированы ли ее положения в каком-либо документе» [11, с. 73]. В контексте конструктивной критики данного определения хотелось бы обратить внимание на то, что доктрина не всегда выступает моделью позитивного права и не играет роль регулятора общественных отношений (таковым являются нормы права).

С точки зрения А. А. Зозули, «юридическая доктрина представляет собой общеправовую категорию, интегрирующую совокупность юридико-научных трактовок и суждений о позитивном праве, в рамках которых разрабатываются и обосновываются юридико-познавательные формы познания права и правовых явлений, принципы, понятия, термины, конструкции, способы, средства, приемы понимания и толкования позитивного права: его источников, системы, структуры, действия и применения, на-

рушения и восстановления» [5, с. 9]. Данное определение, на наш взгляд, не является интегрирующим, то есть не охватывает все подходы, совокупность которых позволяет говорить о поликонтекстуальности анализируемого явления.

Обратить внимание на родовой для пенитенциарно-правовой доктрины термин «доктрина» нас заставили публикации Ю. Э. Ибрагимовой, посвященные разработке понятия «судебная доктрина». Следует уточнить, что практика использования термина «судебная доктрина» не носит фрагментарного характера, но и не является обширной в отечественной юридической науке. Он применяется в зарубежных правовых порядках (прежде всего, в США) как средство обобщения судебной практики на основе принципа судебного прецедента.

Полагаем, что правовая доктрина не может быть привязана к конкретному профессиональному сообществу. Мы не согласны с позицией Ю. Э. Ибрагимовой, которая рассматривает судебную и правовую доктрину как два самостоятельных явления [6, с. 80]. Профессиональные сообщества следует отличать от научных сообществ. Доктрина – сфера деятельности именно последних. Так, говоря о «пенитенциарно-правовой доктрине», мы имеем в виду результаты научной деятельности ученых-пенитенциаристов вне привязки к их служебной деятельности (далеко не все из них продолжают нести службу в УИС, а некоторые никогда и не испытывали бремя несения этой службы).

Ранее один из авторов данной статьи обращал внимание на то, что «воззрения той категории правоприменителей, которые в процессе применения права не нуждаются в глубоком рефлексивном мышлении при вынесении правоприменительного акта можно охарактеризовать как корпоративные (корпоративный стиль мышления)» [16, с. 117–118].

Судьи в рамках выполнения своих профессиональных обязанностей по отправлению правосудия занимаются не формированием судебной доктрины, а осуществлением правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности. При этом в некоторых случаях они вырабатывают свои правовые позиции, но не судебную доктрину. Необходимо четко разграничивать разные виды деятельности. Деятельность судей – это профессиональная, а не научная деятельность. Да, в свободное от выполнения своих профессиональных обязанностей время они могут заниматься и доктриналь-

ной деятельностью по приращению научного знания, в том числе с опорой на результаты своей практической деятельности, и эти результаты будут объективированы не в судебных актах, а в научной литературе. Таким образом, можно констатировать тот факт, что разные виды деятельности отличаются друг от друга источниками объективации результатов вовне.

Итак, как уже было сказано ранее, пенитенциарно-правовая доктрина является средством выражения пенитенциарно-правовой мысли. В силу этого возникает вопрос о соотношении понятий «наука» и «доктрина». Далеко не все авторы их отождествляют. Так, на отличие правовой доктрины от правовой науки обращает внимание И. С. Зеленкевич [4]. Разграничение данных терминов происходит на фоне исследования проблематики источников права. Этот факт позволяет поставить вопрос о признании поликонтекстуальности терминов «юридическая наука» и «юридическая доктрина». В случае их рассмотрения в контексте использования как формы (источника) права термин «юридическая доктрина» выглядит предпочтительнее, так как более подходит для характеристики и формы выражения определенной правовой позиции. Не углубляясь в специфику данной проблематики, полагаем, что термин «правовая позиция» был бы более точным для обозначения научного (доктринального) воззрения как источника права. Юридическая наука в части использования терминологии весьма консервативна, что, очевидно, и объясняет практику продолжения использования для обозначения одной из форм права термина «юридическая доктрина», а не вошедшего в научный оборот преимущественно в последнее десятилетие сочетания «правовая позиция».

Е. О. Мадаев в качестве существенного признака, отличающего научное исследование от доктрины, выделяет научно-прикладной характер последней, ее нацеленность на юридическую практику [8, с. 56]. Он предлагает рассматривать правовую доктрину как «относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент правовой системы государства, который представляет собой научно обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов правовой системы и юридической деятельности, имеющие научно-прикладной характер и непосредственно регулятивные возможности» [8, с. 61–62]. Считаем, что нет никаких предпосылок для придания доктрине прикладного характе-

ра, скорее наоборот, доктринальность подчеркивает преобладание теоретической составляющей над эмпиризмом.

Разграничить в одной плоскости понятия «наука» и «доктрина» весьма проблематично. Научное исследование не может рассматриваться в качестве такового, если обходит вниманием авторитетные воззрения и теории, а прикладной характер – очевидная цель любого научного исследования (хотя и не во всех случаях достижимая), ибо наука направлена на «получение теоретического знания, служащего удовлетворению базовых человеческих потребностей» [13, с. 347]. Однако прикладной характер не может быть постоянным спутником науки. Некоторые ученые видят смысл ее существования в опережающем отражении действительности [3, с. 15].

Наука – это сфера деятельности, доктрина – это определенный результат научной деятельности, который не только воплощает знание, но и может быть использован как средство познания. Важно понимать, что не все идеи, составляющие «дисциплинарную матрицу» науки, поименованы. Многое можно рассматривать как результат коллективных усилий – обезличенный, неперсонифицированный, хрестоматийный.

Термин «доктрина» следует развести и с термином «концепция». В. М. Баранов считает доктрину категорией «преимущественно либо сугубо научного творчества» [1, с. 54–56].

Практика использования термина «доктрина» свидетельствует о его востребованности не только в сфере науки, но и в сфере правотворчества для обозначения нормативного документа стратегического планирования (например, Доктрина информационной безопасности, утвержденная Президентом Российской Федерации 09.09.2000 № Пр-1895). Это подчеркивает полиаспектность данного понятия, но не дает повода для его девальвации.

Важным моментом в исследовании пенитенциарно-правовой доктрины является ее разграничение с наукой уголовно-исполнительного права. Последний термин является родовым по отношению к первому. Доктрина более субъективна, с ее помощью легче отражать мнение отдельных ученых или их групп, но не всей плеяды ученых-пенитенциаристов, что, как правило, и не логично, так как единство взглядов в научной среде по отдельным вопросам не всегда достижимо. Безусловно, наука тяготеет к коллективным формам признания, но на фоне индивидуального творчества. Это один из немногих

оставшихся после девальвации духа коллективизма ее оплот. Доктрина обрамляет как продукт коллективного творчества, так и индивидуальные достижения, но в случае поддержки последних со стороны научной школы или научного сообщества, работающих в рамках определенной парадигмы.

Правовые доктрины могут быть классифицированы по различным критериям. Так, Д. А. Полянский и Р. В. Пузиков в зависимости от содержательной стороны выделяют общеправовую доктрину, отраслевую юридическую доктрину и доктрину отдельного правового института [10]. На наш взгляд, говорить о доктрине отдельного правового института нелогично, так как подобный подход девальвирует понятие «доктрина», обезличивает результат деятельности ученого или ученых. За этим термином должен стоять человек – исследователь с определенным стилем научного мышления (метатеоретическим багажом знаний).

Правовая доктрина является носителем определенной правовой идеологии и средством формирования правовой политики. Мы разделяем точку зрения С. В. Батуриной о том, что «правовая доктрина, являясь идейной основой российской правовой системы, в то же время выступает в качестве направляющего вектора развития правовой политики» [2, с. 11].

Попытка системного взгляда на феномен пенитенциарно-правовой политики была предпринята в рамках работы всероссийского «круглого стола», прошедшего на базе Самарского юридического института 12 декабря 2013 г. [9]. В научных публикациях чаще используют термины «пенитенциарная политика» и «уголовно-исполнительная политика». В названиях статей и ключевых словах к ним они встречаются в 214 и 407 публикациях соответственно. Это более емкие (широкие) термины, отражающие изменения и тенденции не только в праве, чем, очевидно, и более удобны при освещении соответствующего сегмента общественных отношений.

Под пенитенциарно-правовой политикой А. В. Малько предложил понимать «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность органов государства и институтов гражданского общества по оптимизации пенитенциарной системы и усовершенствованию механизма пенитенциарно-правового регулирования» [9, с. 106]. Говоря о необходимости создания концепции пенитенциарно-правовой политики, А. В. Малько использовал термин «доктринальный документ» [9, с. 107]. Мы

же полагаем, что документ не может быть доктринальным. Доктрина – это «учение, научная или философская теория, политическая система, руководящий теоретический или политический принцип» [14, с. 211]. Для характеристики документов логичнее использовать такие определения, как руководящие, основные, директивные, концептуальные и т. п.

Подчеркнуть влияние пенитенциарно-правовой доктрины на пенитенциарно-правовую политику мы сочли возможным, включив указание на это в предложенную ниже авторскую дефиницию в качестве одного из существенных признаков. Здесь же необходимо обратить внимание на то, что пенитенциарно-правовая доктрина выступает метаязыковым средством формирования уголовно-исполнительной политики. Ее познавательный инструментарий охватывает не только теоретический, но и метатеоретический уровень научного знания – стиль правового мышления, правовые парадигмы, правовую картину мира и др. Это позволяет при формировании пенитенциарно-правовой доктрины использовать инструменты междисциплинарного взаимодействия.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Наука уголовно-исполнительного права нуждается в самопознании с использованием общенаучных знаний и философских оснований. Это необходимо для систематизации знания в рамках отдельно взятой отрасли. Системность знания является важным критерием его истинности. Одним из инструментов систематизации выступает доктрина как система взглядов. Понятие «пенитенциарно-правовая доктрина» носит

системообразующий характер, является необходимой предпосылкой ведения научного анализа.

Соотношение терминов «наука» и «доктрина» представляется нам следующим: наука определяет прежде всего сферу деятельности, а доктрина – это определенный результат научной деятельности, который не только воплощает знание, но и может быть использован как средство познания. Термин «доктрина» логичнее применять в целях персонализации научных воззрений.

Можно сформулировать несколько рекомендаций по употреблению термина «доктрина» в пенитенциарной сфере:

- исходя из того, что понятие «наука уголовно-исполнительного права» является родовым по отношению к понятию «пенитенциарно-правовая доктрина», целесообразно использовать последнее для отражения мнения отдельных ученых или их групп, но не всего сообщества ученых-пенитенциаристов;

- логичным будет не использовать словосочетание «доктринальный документ», а оперировать терминами «руководящий документ», «основной документ», «директивный документ», «концептуальный документ».

В качестве итога исследования пенитенциарно-правовой доктрины как правовой категории предложим ее авторскую дефиницию: это поликонтекстуальное явление, отражающее как формальные аспекты пенитенциаристики (будучи ее источником), так и ее содержательную сторону (как система взглядов, средство выражения пенитенциарной мысли), выступающее носителем определенной пенитенциарно-правовой идеологии и метаязыковым средством формирования пенитенциарно-правовой политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, В. М. Концепция законопроекта : учебное пособие / В. М. Баранов. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД РФ, 2003. – 190 с.
2. Батурина, С. В. Традиции российской правовой доктрины : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Батурина Светлана Владимировна. – Краснодар, 2008. – 27 с.
3. Берков, В. Ф. Философия и методология науки : учебное пособие / В. Ф. Берков. – Москва : Новое знание, 2004. – 336 с. – ISBN 5-94735-053-X.
4. Зеленкевич, И. С. Правовая доктрина и правовая наука: некоторые аспекты соотношения и использования в качестве источников права / И. С. Зеленкевич // Северо-Восточный научный журнал. – 2010. – № 2. – С. 42–47.
5. Зозуля, А. А. Доктрина в современном праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зозуля Александр Александрович. – Санкт-Петербург, 2006. – 31 с.
6. Ибрагимова, Ю. Э. Роль судебных доктрин в устранении пробелов в законодательстве / Ю. Э. Ибрагимова // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 80–95.
7. Корсаков, К. В. Альтернативы лишению свободы как средство выхода из кризиса современной пенитенциарной практики / К. В. Корсаков // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 23–26.
8. Мадаев, Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мадаев Евгений Олегович. – Москва, 2012. – 254 с.
9. Малько, А. В. Пенитенциарно-правовая политика России: конституционные основы (обзор материалов Всероссийского «круглого стола») (Самара, 12 декабря 2013 г.) / А. В. Малько, Р. А. Ромашов, Е. А. Тимофеева // Государство и право. – 2014. – № 12. – С. 106–114.
10. Полянский, Д. А. Правовая доктрина как особое правовое явление / Д. А. Полянский, Р. В. Пузиков // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2013. – № 11 (127). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-doktrina-kak-osoboe-pravovoe-yavlenie> (дата обращения: 01.07.2020).

11. Пузиков, Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (проблемы теории и практики) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пузиков Руслан Владимирович. – Тамбов, 2003. – 196 с.
12. Селиверстов, В. И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания / В. И. Селиверстов // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 2. – С. 65–73.
13. Словарь философских терминов / научный редактор В. Г. Кузнецов. – Москва : ИНФРА-М, 2005. – 731 с. – ISBN 5-16-002328-3.
14. Современный словарь иностранных слов / составитель Н. М. Ланда. – Москва : Русский язык, 1993. – 740 с. – ISBN 5-200-01104-3.
15. Тепляшин, П. В. Теоретические основы современного компаративистского исследования европейских пенитенциарных систем / П. В. Тепляшин // Современное право. – 2015. – № 1. – С. 112–116.
16. Шаханов, В. В. «Горизонтальное» и «вертикальное» структурирование элементов правовой системы как отражение ее метафеноменальности (к вопросу о понятийных рядах правовых категорий) / В. В. Шаханов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 114–119.

REFERENCES

1. Baranov V.M. *Kontseptsiya zakonoproekta. ucheb. posobie* [Concept of a draft law: textbook]. Nizhny Novgorod, 2003. 190 p.
2. Baturina S.V. *Traditsii rossiiskoi pravovoi doktriny. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Traditions of Russian legal doctrine: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2008. 27 p.
3. Berkov V.F. *Filosofiya i metodologiya nauk: ucheb. posobie* [Philosophy and methodology of science: textbook]. Moscow: Novoe znanie, 2004. 336 p.
4. Zelenkevich I.S. Legal doctrine and legal science: some aspects of correlation and use as sources of law. *Severo-Vostochnyi nauchnyi zhurnal = North-Eastern Scientific Journal*, 2010, no. 2, pp. 42-47. (In Russ.).
5. Zozulya A.S. *Doktrina v sovremennom prave. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Doctrine in modern law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2006. 31 p.
6. Ibragimova Yu.E. The role of judicial doctrines in establishing and elimination of gaps in legislation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 80-95. (In Russ.).
7. Korsakov K.V. Alternatives to deprivation of liberty as a way out of the crisis of modern penal practice. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika = Law Enforcement Agencies: Theory and Practice*, 2018, no. 1, pp. 23-26. (In Russ.).
8. Madaev E.O. *Doktrina v pravovoi sisteme rossiiskoi federatsii. Diss. ... kand. yurid. nauk* [Doctrine in the legal system of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2012. 254 p.
9. Mal'ko A.V., Romashov R.A., Timofeeva E.A. Penal and legal policy of Russia: constitutional foundations (review of materials of an all-Russian round table) (Samara, December 12, 2013). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2014, no. 12, pp. 106-114. (In Russ.).
10. Polyanskii D.A., Puzikov R.V. Legal doctrine as a special legal phenomenon. *Vestnik TGU = Tambov University Review*, 2013, no. 11 (127). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-doktrina-kak-osoboe-pravovoe-yavlenie> (accessed July 1, 2020). (In Russ.).
11. Puzikov R.V. *Yuridicheskaya doktrina v sfere pravovogo regulirovaniya (problemy teorii i praktiki): dis. kand. yurid. nauk* [Legal doctrine in the sphere of legal regulation (problems of theory and practice): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Tambov, 2003. 196 p.
12. Seliverstov V.I. Correctional doctrine and its impact on the status of an individual exonerated from serving their sentences. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2018, no. 2, pp. 65-73. (In Russ.).
13. Kuznetsov V.G. (Ed.). *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moscow: INFRA-M, 2004. 731 p.
14. *Sovremenniy slovar' inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. Moscow: Rus. yaz., 1993. 740 p.
15. Teplyashin P.V. Theoretical foundations of modern comparative research on European penal systems. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2015, no. 1, pp. 112-116. (In Russ.).
16. Shakhnov V.V. "Horizontal" and "vertical" structuring of elements of the legal system as a reflection of its meta-phenomenality (revisiting the issue of conceptual series of legal categories). *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2019, no. 2, pp. 114-119. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАХАНОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Владимир, Российская Федерация, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: shakhnov.vyacheslav@mail.ru

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Personality Psychology and Special Education at Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

VYACHESLAV V. SHAKHANOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of Theory and History of State and Law at Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation, associate professor of the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Management at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: shakhnov.vyacheslav@mail.ru

Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения

Ю. Е. ПУДОВОЧКИН

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, e-mail: 11081975@list.ru

Р е ф е р а т. В статье анализируется содержание научной дискуссии о соотношении уголовной ответственности и мер уголовно-правового характера и доказываемая, что соответствующие понятия не являются соподчиненными и взаимозаменяемыми. Меры уголовно-правового характера определяются как установленные законом юридические средства, нормативные конструкции, при помощи которых государство реагирует на преступление. Уголовная ответственность определяется как реальное явление, особое сочетание мер уголовно-правового характера, реализуемое на основании приговора суда. Общность ответственности и мер уголовно-правового характера состоит в том, что они могут применяться только в случае совершения преступления. В связи с этим меры, назначаемые лицам, совершившим общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности или в состоянии невменяемости, надо исключить из списка мер уголовно-правового характера. Различие ответственности и мер уголовно-правового характера состоит в том, что ответственность требует официального признания лица виновным в совершении преступления, тогда как меры уголовно-правового характера могут применяться и в отсутствие решения вопроса о виновности, при освобождении лица от уголовной ответственности. Исходя из этого все меры уголовно-правового характера подразделяются на две группы: а) меры, применяемые вне рамок ответственности, б) меры, выступающие частью ответственности. Представлена номенклатура каждой из них, определены перспективные возможности их расширения. В частности, список мер уголовно-правового характера может быть дополнен общественными работами, ограниченно оплачиваемыми работами и административным надзором.

Ключевые слова: уголовная ответственность; меры уголовно-правового характера; уголовное наказание; условное осуждение; судимость; административный надзор; уголовно-правовое отношение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Пудовочкин Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 460–472. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-460-472.

Criminal law measures and criminal liability: scientific discussion and search for solutions

YURII E. PUDOVCHIKIN

Criminal Law Measures and Criminal Liability: Scientific Discussion and Searching for a Solution Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, e-mail: 11081975@list.ru

A b s t r a c t. The paper analyzes the content of scientific discourse on the relationship between criminal liability and criminal law measures and proves that the corresponding concepts are not subordinate and interchangeable. Criminal law measures are defined as legal means and normative structures established by law, which the state uses to respond

to a crime. Criminal liability is defined as a real phenomenon, a special combination of criminal law measures implemented on the basis of a court sentence. The common feature of criminal liability and criminal law measures is that they can only be applied in case of commission of a crime. In this regard, measures imposed on persons who have committed a socially dangerous act before reaching the age of criminal liability or in a state of insanity should be excluded from the list of measures of a criminal legal nature. The difference between liability and criminal law measures is that liability requires official recognition of a person guilty of committing a crime, while criminal law measures can also be applied in the absence of a decision on guilt, when a person is exempt from criminal liability. Based on this, all criminal law measures are divided into two groups: a) measures applied outside the scope of liability, and b) measures that are part of liability. We give the nomenclature of each of them and identify promising opportunities for their expansion. In particular, the list of criminal law measures may be supplemented with community service, limited paid work, and administrative supervision.

Key words: criminal liability; measures of a criminal-legal nature; criminal punishment; conditional conviction; criminal record; administrative supervision; criminal-legal attitude.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Pudovochkin Yu.E. Criminal law measures and criminal liability: scientific discussion and searching for a solution. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 460–472. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-460-472.

Признавая меры уголовно-правового характера правовым средством, при помощи которого в рамках уголовно-правовых отношений государство корректирует правовой статус лица, совершившего преступление, необходимо рассмотреть наиболее значимый вопрос о соотношении мер уголовно-правового характера и уголовной ответственности.

Современное уголовное законодательство в этой части дает основания для самых различных трактовок.

В ст. 2, 6 и 7 УК РФ, где встречается понятие «меры уголовно-правового характера», оно употребляется в общем смысловом ряду с наказанием. Но поскольку наказание немислимо без уголовной ответственности, то соответствующие законодательные формулировки дают основание юристам рассматривать меры уголовно-правового характера в качестве составной части уголовной ответственности. Так, А. В. Наумов утверждает, что «под уголовной ответственностью следует понимать все меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление... Уголовная ответственность подразделяется на наказание и иные меры уголовно-правового воздействия (например, меры медицинского характера), не являющиеся наказанием» [32, с. 96]. В подобных рассуждениях уголовная ответственность выступает родовым понятием по отношению к наказанию и иным мерам уголовно-правового характера.

В то же время в ст. 6 и 7 УК РФ утверждается, что меры уголовно-правового характера применяются к лицу, совершившему

преступление, при этом разд. VI УК РФ к мерам уголовно-правового характера относит принудительные меры медицинского характера, которые назначаются среди прочего лицам, состояние невменяемости которых в момент совершения предусмотренного уголовного законом деяния не позволяет рассматривать последнее в качестве преступления. Указанные нормативные предписания позволяют юристам говорить об ином соотношении уголовной ответственности и мер уголовно-правового характера. В частности, В. В. Мальцев пишет, что «гораздо больше аргументов в пользу того, что как раз содержание понятия "меры уголовно-правового характера" включает в себя содержание понятия "уголовная ответственность", чем наоборот» [25, с. 184–185]. Аналогичного мнения придерживается Н. А. Лопашенко, которая усматривает наличие следующего соотношения обсуждаемых понятий: «меры уголовно-правового характера включают в себя уголовную ответственность и иные меры уголовно-правового характера» [23, с. 66].

Как видим, рассматриваемый вопрос весьма дискуссионен. Основная проблема, решение которой разводит юристов по разным полюсам, состоит в следующем: являются ли меры уголовно-правового характера проявлением уголовной ответственности либо ее альтернативой или, напротив, уголовная ответственность есть одна из мер уголовно-правового характера?

Проблема многократно усложняется дискуссией по поводу самой уголовной ответственности. Так, например, Н. В. Щедрин,

рассуждая о введенных в УК РФ новых мерах уголовно-правового характера, пишет, что «восприятие существа новеллы затрудняет "бородатая" дискуссия о понятии уголовной ответственности и формах ее реализации. Представляется, что категория "уголовная ответственность" создает ненужные коллизии на практике, а также порождает бесконечные споры в теории». Далее автор задается вопросом: «Хотелось бы узнать, какие "ужасные потери" нас ожидают, если мы уберем этот термин из уголовного законодательства? Вместо него можно использовать обобщающий термин "уголовно-правовое воздействие", "меры уголовно-правового характера" или просто "уголовно-правовые санкции"... А вот выгоды от такого шага несомненны. Одна из них состоит в том, что будет положен конец бесплодным дискуссиям по поводу объема, форм реализации уголовной ответственности, момента ее возникновения и прекращения» [44, с. 46].

Столь пространная цитата, хотя и исчерпывает рассуждения Н. В. Щедрина о бесполезности категории уголовной ответственности, тем не менее не содержит, по сути, ни одного весомого аргумента против использования категории «уголовная ответственность», кроме необходимости прекращения дискуссии. Да и тот нельзя принимать во внимание, поскольку, как представляется, в рассматриваемом случае выход из проблемной ситуации состоит не в прекращении дискуссии, а напротив, в ее углублении, выводе научной полемики на более высокий, методологически важный уровень.

Как известно, категория уголовной ответственности наполнилась современным смыслом в середине прошлого века в связи с необходимостью, с одной стороны, интегрировать все меры воздействия на преступника, а с другой – отделить некоторые из этих мер от уголовного наказания и мер не уголовно-правового характера. Сегодня потребность в инструментальном сопровождении данной функции не только не исчезла, но напротив, обострилась.

Не ставя своей задачей полноценный анализ этой категории, тем более что данной теме посвящен значительный объем научной литературы, отметим лишь, что ценность категории уголовной ответственности для надлежащего понимания мер уголовно-правового характера напрямую зависит от того, что именно вкладывается в понятие самой уголовной ответственности.

По нашему убеждению, из большого количества существующих концепций наиболее

убедительной представляется та, в рамках которой уголовная ответственность понимается как основанное на законе и выраженное в приговоре суда ухудшение правового статуса лица, совершившего преступление, заключающееся в лишении или ограничении некоторых его прав и свобод [26, с. 52; 40, с. 104]. Такой подход предполагает, что ответственность как некий феномен может существовать лишь в рамках реально имеющих и развивающихся охранительных общественных отношений, порожденных преступлением [19, с. 26; 22, с. 33] и что ответственность – это «явление объективной действительности» [43, с. 100].

Если исходить из этих позиций, придется констатировать очевидный факт: ответственность – это нечто из области реальных отношений, она всегда индивидуальна. Меры уголовно-правового характера изначально находятся в совершенно иной плоскости. Будучи установленными законом средствами правового регулирования возникающих в связи с преступлением отношений, они прежде всего относятся к сфере нормативных конструкций. Иными словами, если ответственность – это некий элемент реализации, динамики уголовно-правовых предписаний, то меры уголовно-правового характера – элемент статичный, если допустимо так выразиться, модельно-нормативный. Они могут стать элементом действительности только в том случае, если будут реально применены к лицу, совершившему преступление, то есть когда будут выступать частью ответственности.

Предложенное объяснение уголовной ответственности, на наш взгляд, убеждает в необходимости и полезности данной научной и нормативной категории для понимания и совершенствования механизма уголовно-правового регулирования, хотя и не отвечает на вопрос о соотношении объемов понятий «ответственность» и «меры уголовно-правового характера».

Представляется, что выраженное в уголовной ответственности ограничение правового статуса лица, совершившего преступление, происходит за счет применения к нему тех или иных мер уголовно-правового характера, а реализация данных мер составляет содержание уголовной ответственности. Означает ли это, что в представленной выше дискуссии рассуждение А. В. Наумова о том, что меры уголовно-правового характера являются частью ответственности, следует признать единственно верным? Полагаем, что нет.

Как известно, уголовный закон допускает применение мер уголовно-правового характера и за рамками реализации уголовной ответственности. Заметим, речь идет лишь о мерах, которые применяются к лицам, совершившим именно преступление (что исключает из сферы анализа меры, применяемые к невменяемым лицам и лицам, не достигшим возраста уголовной ответственности, которые, по нашему убеждению, должны располагаться за пределами уголовного закона). В этом случае их осуществление происходит при освобождении от ответственности. Этот институт в последнее время стал весьма востребованным. Не углубляясь в его анализ, укажем, что некоторыми специалистами такое освобождение признается формой реализации уголовной ответственности [2, с. 13; 17, с. 101]. Следовательно, исходя из логики признания всех форм реализации ответственности мерами уголовно-правового характера, само освобождение от уголовной ответственности должно рассматриваться в качестве одной из таких мер. Об это прямо пишут в своих работах И. Э. Звечаровский [11; 35], В. К. Дуюнов [7, с. 68], Г. В. Назаренко [31, с. 266]. Вместе с тем, на наш взгляд, ошибочность такого вывода кроется в небезупречности исходной посылки.

Если при освобождении от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, освобождается от официальной отрицательной оценки своего поведения как преступного и необходимости перенести некоторые правоограничения, выраженные в приговоре суда, если он не претерпевает реальных правоограничений, то освобождение от ответственности не может служить формой реализации этой ответственности. Отсутствие чего-либо по определению не может быть формой реализации этого чего-то [9, с. 25].

При освобождении от уголовной ответственности происходит прекращение (иногда приостановление) уголовно-правового отношения по воле государства. Обладая своего рода субъективным правом на привлечение преступников к ответственности и их наказание, государство (при наличии установленных им в законе условий), по собственной воле и руководствуясь собственными соображениями, связанными с гуманизмом, справедливостью, целесообразностью и пр., разрывает правовую связь с лицом, совершившим преступление, отказывается от реализации принадлежащего ему права. По общему правилу никакие

реальные карательные или иные меры воздействия в отношении лица, совершившего преступление, при этом не применяются. Следовательно, само по себе освобождение от уголовной ответственности не относится к мерам уголовно-правового характера.

Однако из этого правила есть значимые исключения (ст. 76.2, 90 УК РФ). Определить правовую природу мер, которые могут применяться к лицу, совершившему преступление, при освобождении его от уголовной ответственности, весьма сложно. Сегодня это принудительные меры воспитательного воздействия и судебный штраф, а в перспективе, при условии реализации законодательной инициативы Верховного Суда Российской Федерации о введении в УК РФ категории уголовного проступка, и иные меры уголовно-правового характера. Значительная часть указанных ранее авторов признает их мерами уголовно-правового характера. При этом, однако, не всегда учитывается, например, то обстоятельство, что принудительные меры воспитательного воздействия могут применяться к трем категориям подростков: несовершеннолетним лицам, не подлежащим уголовной ответственности в силу недостижения возраста либо отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством; освобожденным от уголовной ответственности; освобожденным от уголовного наказания. В силу этого сложно в полной мере согласиться с мнением С. А. Боровикова, который предлагает игнорировать указанные различия и в любом случае относить меры воспитательного воздействия к мерам уголовно-правового характера [1, с. 16]. Иначе рассуждает А. В. Бриллиантов, утверждающий, что при применении ст. 90 УК РФ меры воспитательного воздействия в содержание уголовной ответственности, от которой лицо освобождается, не входят [2, с. 8]. Трудно разделить данную точку зрения, поскольку правовая природа тех или иных мер воздействия не может всецело определяться лишь процессуальным порядком их применения. О единой природе рассматриваемых мер пишут и иные авторы, которые в то же время усматривают в них меры не уголовно-правового, а административно-правового [15, с. 113] или общественного [35, с. 15–16] воздействия.

Представляя собственный взгляд на проблему, остановим внимание на следующих, как нам представляется, очевидных фактах:

1) меры, применяемые при отсутствии оснований для привлечения к уголовной

ответственности (меры медицинского характера в отношении невменяемых и меры воспитательного воздействия в отношении лиц, не достигших возраста уголовной ответственности), не относятся к разряду уголовно-правовых;

2) меры, применяемые к лицам, совершившим преступление в рамках реализации их уголовной ответственности (меры медицинского характера в отношении ограниченно вменяемых, конфискация имущества), выступают частью уголовной ответственности;

3) меры, применяемые при освобождении от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления (меры воспитательного воздействия, судебный штраф), не составляя части уголовной ответственности, сохраняют свойство мер уголовно-правового характера.

Таким образом, не все меры уголовно-правового характера являются частью ответственности, отношение между ними не является отношением соподчинения (части и целого). Однако это не дает аргументов и в пользу позиции В. В. Мальцева и Н. А. Лопашенко в представленной выше теоретической дискуссии, поскольку уголовная ответственность вовсе не обязательно выступает элементом мер уголовно-правового характера.

В данном случае нет оснований для обвинения специалистов в противоречивости представленных позиций или тем более их ошибочности. Нельзя не учитывать то немаловажное обстоятельство, что многие теоретические взгляды формировались и презентовались в ситуации действия уголовного закона, существенно отличающегося своим содержанием от действующей редакции. В этом отношении обе представленные точки зрения, находясь по разные стороны в теоретическом споре, на наш взгляд, объективно не учитывают кардинальных трансформаций уголовного законодательства и уже только в силу этого неточны.

Меры уголовно-правового характера в действующем УК РФ не образуют однородной группы. Часть этих мер применяется за рамками ответственности, другая – в ее рамках. Причем важно, что эти меры не пересекаются (принудительные меры воспитательного воздействия могут применяться в порядке ст. 90 УК РФ при освобождении от ответственности и в порядке ст. 92 УК РФ при освобождении от уголовного наказания, но это исключение, которое требует специаль-

ного исследования и, возможно, устранения). В силу этого выстраивать однозначные и линейные связи между ответственностью и указанными мерами логически неверно. Установление такой связи должно сопровождаться дифференцированным анализом мер уголовно-правового характера.

Итак, изложенное позволяет провести первую градацию мер уголовно-правового характера по признаку их соотношения с уголовной ответственностью. Первую группу образуют меры уголовно-правового характера, применяемые при освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности. Таковыми, согласно закону, являются принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) и судебный штраф (ст. 104.4 УК РФ). В перспективе не исключено дополнение этого списка общественными работами и ограниченно оплачиваемыми работами.

Вторую группу составляют меры уголовно-правового характера, которые применяются в рамках уголовной ответственности. Определение их перечня представляет собой отдельную исследовательскую задачу. Отталкиваясь от идеи о признании мер уголовно-правового характера элементом уголовной ответственности, специалисты весьма различно решают вопрос о том, какие именно правовые средства воздействия на правовой статус лица в рамках ответственности выступают мерами уголовно-правового характера. Так, представляется возможным в рамках этого направления научной мысли обозначить три ключевых подхода.

Самую широкую интерпретацию мер уголовно-правового характера предложил И. Э. Звечаровский. Он понимает под ними предусмотренные уголовным законом меры, применяемые независимо от юридической природы поведения лица, совершившего преступление, но с учетом изменений его уголовно-правового статуса. Такая трактовка позволила автору не только отнести к исследуемым мерам «гуманистические альтернативы» (все виды освобождения от уголовной ответственности, добровольный отказ от преступления, амнистию), но и учесть существование уголовно-правовых норм, в которых получает оценку отрицательное поведение лица после совершения им преступления (ч. 4 ст. 50 УК) [11, с. 35].

Близки к изложенной точке зрения и рассуждения С. И. Курганова, который предлагает в качестве оснований применения иных мер уголовно-правового характера

рассматривать в целом правонарушающее постпреступное поведение лица и относить к ним, помимо форм реализации уголовной ответственности, меры, применяемые к осужденным, не исполняющим требования приговора суда (отмену условного осуждения или продление испытательного срока (ч. 2, 3 ст. 74 УК РФ), отмену условно-досрочного освобождения (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ), отмену принудительной меры воспитательного воздействия, которая применялась при освобождении от уголовной ответственности (ч. 4 ст. 90 УК РФ), отмену отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей (ч. 2 ст. 82 УК РФ), замену наказания в случае злостного уклонения от его отбывания на более строгое (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 4 ст. 51 УК РФ)) [21, с. 59].

В данном случае мерами уголовно-правового характера объявляются все без исключения средства реагирования государства на абсолютно любое жизненное обстоятельство, признаваемое в уголовном праве юридическим фактом. На наш взгляд, такая концепция допускает неоправданно широкое толкование исследуемого феномена, включая в единую систему мер уголовно-правового характера принципиально различные по основаниям, целям и правовой природе меры. Замена назначенного наказания более строгим видом, отмена условного осуждения, отмена отсрочки отбывания наказания, отмена освобождения от уголовной ответственности – это не сами по себе меры уголовно-правового характера (материально-правовой феномен, правовое средство разрешения конфликта, вызванного преступлением), а скорее, правовые последствия нарушения уже урегулированных уголовным законом охранительных отношений между преступником и государством. Иными словами, эти средства направлены не на урегулирование уголовно-правового отношения, а на обеспечение незыблемости выраженного в приговоре или ином процессуальном акте варианта разрешения уголовно-правового конфликта. Они носят, таким образом, вторичный, обеспечительный характер. И уже в силу этого нельзя уравнивать их правовую природу с правовой природой мер уголовно-правового характера, которые служат реакцией именно на совершенное преступление, а не на постпреступное противоправное поведение.

Второй подход к пониманию мер уголовно-правового характера образуют воззрения группы авторов, вводящих дополнительные

критерии отнесения мер к уголовно-правовым и дающих их ограничительное толкование. Так, С. В. Землюков признает, что меры уголовно-правового характера применяются только к лицам, совершившим преступления, и направлены на решение задач уголовного права. Вместе с тем он полагает, что «иные меры уголовно-правового характера – это закрепленные в Уголовном кодексе меры воздействия, применяемые органами дознания, следствия или суда к лицу, совершившему преступление, взамен уголовной ответственности либо наказания и имеющие целью экономию мер уголовной репрессии, исправление лица и предупреждение совершения им новых преступлений» [12, с. 32]. К такого рода гуманистическим альтернативам С. В. Землюков относит меры, применяемые при освобождении от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ), меры, применяемые при освобождении от уголовного наказания (ст. 92 УК РФ), условное осуждение (ст. 73 УК РФ).

Гуманистической альтернативой наказанию признает меры уголовно-правового характера и В. М. Степашин [34, с. 398]. Схожими с приведенными следует признать рассуждения М. Ф. Гареева, который все связанные с ответственностью уголовно-правовые меры воздействия на лиц, виновных в преступлении, классифицирует следующим образом: 1) наказание и 2) иные некарательные меры уголовно-правового характера [3, с. 10]. На этих же позициях строит свою концепцию С. Ю. Скобелин: под иными мерами уголовно-правового характера он понимает иные, кроме наказания, формы реализации уголовной ответственности, которые могут применяться к лицу, совершившему преступление. Такие меры, по его мнению, носят правоограничивающий, но не карающий, а воспитательно-предупредительный характер [38, с. 61].

При некоторых существующих отличиях общими для представленных теорий являются признание специалистами наказания одной из мер уголовно-правового характера и ограничительное понимание иных мер только как гуманистической альтернативы наказанию.

Наконец, третий подход к пониманию мер уголовно-правового характера формируют специалисты, которые, признавая основанием применения исследуемых мер факт совершения преступления (и исключая тем самым из круга мер обеспечительные средства), тем не менее рассматривают иные меры уголовно-правового характера в ка-

честве не только альтернативы уголовному наказанию, но и его дополнения. Такие суждения высказаны авторами, разделяющими меры уголовно-правового характера на дополняющие наказание и выступающие его альтернативой [3, с. 17; 27, с. 46; 30, с. 7].

Анализируя представленные в отечественной науке подходы к пониманию мер уголовно-правового характера, следует признать, что каждый из них не только имеет право на существование, но и обладает определенным познавательным потенциалом, раскрывая, высвечивая ту или иную грань, свойство, признак данных мер. Вряд ли можно однозначно говорить о справедливости или несправедливости любого из них. Речь должна идти лишь о больших или меньших предпочтениях в отношении концепции, которая соответствует (или не соответствует) авторскому пониманию сути механизма уголовного права. Фактически любая частная теория мер уголовно-правового характера является базовой, определяющей для понимания уголовного права в целом, поскольку именно в ней перекрещиваются представления о предмете и методе уголовного права, юридических фактах, субъектах уголовно-правовых отношений, цели уголовно-правового регулирования и пр. В силу этого любая критика такой теории требует многочисленных предварительных оговорок относительно авторского понимания уголовного права. Она может быть плодотворной лишь при условии, что оппоненты говорят на одном языке, в рамках единой, разделяемой сторонами научной парадигмы.

Учитывая это, как уже отмечалось, мы не обращаемся к анализу концепций, признающих мерами уголовно-правового характера те, что применяются в случае отсутствия в содеянном признаков состава преступления. Оставляем в стороне и те меры уголовно-правового характера, которые применяются при освобождении лица от уголовной ответственности. Ограничимся только теми мерами, которые предусмотрены для лиц, способных нести уголовную ответственность, и являются частью последней.

Но здесь возникает проблема, без обсуждения которой дальнейший научный поиск затруднителен. Речь идет о содержании и формах реализации уголовной ответственности. Полноценный анализ этого вопроса в рамках статьи вряд ли необходим, а потому обратим внимание лишь на некоторые аспекты темы, имеющие непосредственное отношение к пониманию мер уголовно-правового характера.

Полагаем, не способен вызывать серьезную критику в науке тезис о том, что содержанием уголовной ответственности следует признавать осуждение лица и совершенного им деяния от имени государства в обвинительном приговоре суда, меры воздействия на это лицо, определяемые в приговоре суда на основании уголовного закона, а также судимость. В зависимости от того, какие именно меры воздействия определены в приговоре и каков порядок их исполнения, можно вести речь о различных формах реализации уголовной ответственности. Форма реализации уголовной ответственности не зависит от факта осуждения (он универсален и присутствует во всех случаях реализации уголовной ответственности). Она определяется как раз «серединой частью» содержания ответственности, то есть применяемыми государством мерами, тем или иным порядком их реализации, возможностью сочетания различных мер.

До недавнего прошлого закон знал только одну меру – наказание, различные вариации назначения которого определяли форму реализации уголовной ответственности. Сегодня в ряду мер, реализуемых в рамках ответственности, появились и меры уголовно-правового характера, отличные от наказания. Закон прямо называет только три таких правовых средства: меры воспитательного воздействия, которые применяются при освобождении от уголовного наказания (ст. 92 УК РФ), принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях (ч. 2 ст. 99 УК РФ), конфискацию имущества (ст. 104.1 УК РФ).

В уголовно-правовой литературе этот список иногда корректируется прежде всего в связи с обсуждением таких уголовно-правовых институтов, как условное осуждение и освобождение от уголовного наказания.

Ряд специалистов усматривают в освобождении от наказания самостоятельную меру уголовно-правового характера [11, с. 35; 16, с. 287; 31, с. 266]; еще больше сторонников приобрело признание мерой уголовно-правового характера условного осуждения [18, с. 57; 20, с. 24; 29, с. 23–25; 33, с. 88; 39, с. 290]; группа авторов мерами уголовно-правового характера признает не само по себе условное осуждение или освобождение от наказания, а те ограничения и обязанности, которые возлагаются на условно осужденных или освобожденных от наказания [6, с. 128; 8, с. 211; 14, с. 173].

Представляется, что при всей внешней схожести условное осуждение и освобож-

дение от наказания требуют отдельного анализа.

В ситуации освобождения от уголовного наказания назначаемой в приговоре суда мерой уголовно-правового характера выступает прежде всего уголовное наказание. Особый порядок исполнения этого наказания является обстоятельством, которое определяет форму реализации уголовной ответственности, но не выступает самостоятельной мерой уголовно-правового характера. Возможные требования к поведению лиц, освобожденных от ответственности, включая их обязанности воспитывать детей или пройти курс медико-социальной реабилитации, также следует рассматривать не в качестве самостоятельных мер уголовно-правового характера, которые назначаются за совершение преступления, а в качестве предусмотренных законом последствий оценки тех или иных юридических фактов, которые влияют на динамику уже существующего уголовно-правового отношения, то есть в качестве уголовно-правовых последствий.

Что касается условного осуждения, то, не имея цели вступить в давний и непрекращающийся спор относительно правовой природы этой меры, позволим себе в этой части исследования без дополнительных аргументов поддержать уже высказанное в науке мнение и соотнести его с интересующим нас предметом. Единственной значимой оговоркой в данном случае будет вопрос о том, признавать ли мерой уголовно-правового характера собственно условное осуждение или меры, которые применяются по приговору суда к условно осужденным в целях их исправления и предупреждения новых преступлений. Представляется, что условное осуждение само по себе выступает формой реализации уголовной ответственности, при которой назначается две меры уголовно-правового характера: одна (наказание) – обязательно и условно, вторая (ограничения и требования к поведению) – альтернативно, но реально. В этой связи при обсуждении условного осуждения в контексте учения о мерах уголовно-правового характера целесообразно специальными, самостоятельными мерами считать все-таки не условное осуждение в целом, а именно те назначенные по приговору суда меры, исполнение которых выступает условием, позволяющим не исполнять уголовное наказание. Как верно замечают специалисты, «институт условного осуждения в том виде, в котором он закреплен в действующем УК, представляет со-

бой не что иное, как сочетание применения двух самостоятельных инструментов уголовно-правового принуждения: наказания и испытания. Отсюда более правильно рассматривать условное осуждение не как одно из проявлений наказания или испытания по отдельности, а как форму реализации уголовной ответственности... Исходя из такого подхода к пониманию смысла условного осуждения неизбежно возникает <вопрос> о статусе испытания. Вполне очевидно, что это самостоятельная мера уголовно-правового характера, которая по своей сути выступает альтернативным наказанию средством уголовной ответственности. Потому она заслуживает отдельного места в уголовном законе» [28, с. 109].

Отдельного внимания в рамках обсуждения вопроса о связи мер уголовно-правового характера и содержания уголовной ответственности заслуживает оценка судимости. В современной науке она рассматривается весьма неоднозначно. Традиционным можно считать взгляд на судимость и связанные с ней правоограничения как составную часть уголовной ответственности [10, с. 39–40; 24, с. 11]. В то же время В. В. Мальцев пишет: «Судимость по закону не может выступать (что важно, и не выступает) в качестве средства лишения или ограничения прав и свобод лиц, отбывших наказание, но имеющих непогашенную или неснятую судимость. Отсюда, не входя в противоречие с уголовным законом, ее нельзя считать "ни несением бремени ответственности" либо продолжением наказания, ни уголовной ответственностью в форме наказания. Никаких ограничений в реализации прав и свобод человека и гражданина в связи с судимостью не зафиксировано и в Конституции, нормативных актах других отраслей права. Отсюда наличие судимости в целом не ухудшает правового статуса лиц, отбывших наказание» [25, с. 202; 26, с. 67]. Думается, что это не совсем так. Перечень правоограничений, которые законом возлагаются на лиц, имеющих судимость, крайне широк. В связи с этим возникает потребность в определении их природы, а также природы самой судимости.

Так, например, ст. 45 Уголовного кодекса Республики Беларусь связывает судимость с самим фактом осуждения и признает ее последствием осуждения, которое создает предпосылки для применения наказания или иных мер уголовно-правового характера: «осуждение лица за совершенное им преступление создает правовое состояние судимости, заключающееся в возможности

применения к осужденному наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с приговором суда и настоящим Кодексом» [42]. А. В. Бриллиантов пишет, что судимость как определенное правовое состояние лица является не составной частью уголовной ответственности и не ее предпосылкой, а последствием [41, с. 71]. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» определил судимость как «правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление». С. Г. Келина указывала, что судимость является мерой уголовно-правового характера [16, с. 287].

Как видим, разброс мнений велик. Оценивая их, прежде всего укажем на недопустимость признания судимости самостоятельной мерой уголовно-правового характера. Она не закреплена в качестве таковой в законе и не является ею по существу, поскольку не предполагает некоего материализованного выражения в виде тех или иных ограничений. Вряд ли верно определять судимость как последствие осуждения или уголовной ответственности. Судимость, как это следует из положений ст. 86 УК РФ, порождается не просто осуждением лица, но назначением лицу уголовного наказания. В связи с этим подход, предложенный Конституционным Судом Российской Федерации, можно признать оптимальным.

Вместе с тем судимость, как известно, предполагает определенные правоограничения, находящиеся за пределами уголовного закона. В науке отмечалось, что ограничения общеправового характера не входят в содержание судимости [5, с. 8]. С этим сложно согласиться, учитывая, что непосредственно в УК РФ никаких правоограничений, связанных с судимостью, не установлено. Они все закреплены в законах иной отраслевой принадлежности. Трудовое законодательство, законодательство о военной службе, избирательное, конституцион-

ное законодательство содержат целый ряд весьма существенных правоограничений для лиц, имеющих судимость. Кроме того, наличие судимости является неременным условием применения к некоторым лицам такой меры правового воздействия, как административный надзор, согласно Федеральному закону от 06.03.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы» [13, с. 307].

Говорить, что все эти меры не ограничивают правовой статус судимых, бессмысленно, равно как невозможно отрицать связь этих ограничений с совершенным преступлением. Поэтому справедливым будет не изымать состояние судимости из содержания ответственности, не исключать связь общегражданских правоограничений с судимостью, а напротив, включать обусловленные судимостью меры правоограничительного свойства в орбиту анализа мер уголовно-правового характера, прежде всего на предмет решения принципиального вопроса о том, могут ли какие-либо связанные с судимостью правоограничения быть признаны ограничениями уголовно-правового характера. Нельзя, полагаем, считать, что все такие правоограничения являются мерами уголовно-правового характера, но некоторые из них вполне могут обладать такой природой. Понимая, что решение этого сложного вопроса требует отдельного исследования, позволим себе без дополнительных аргументов присоединиться к высказанной в науке точке зрения о том, что административный надзор в полной мере отвечает признакам меры уголовно-правового характера [36, с. 98–103].

Еще одной важной теоретической проблемой в рамках учения об уголовной ответственности и мерах уголовно-правового характера является их соотношение с санкцией уголовно-правовой нормы. Под санкцией понимается та часть нормы, которая содержит описание видов и размеров наказаний, возможных в случае совершения преступления, описанного в диспозиции этой статьи. Поскольку наиболее древней и классической формой ответственности выступает предусмотренное санкцией наказание, ответственность обычно выглядит как реализация санкции. Практически об этом пишет А. А. Магомедов: «уголовная ответственность есть реализация в форме охранительного уголовного правоотношения уголовно-правовой нормы» [24, с. 32–33]. Но в целом ряде случаев предусмотренное

санкцией наказание становится либо чрезмерным, либо недостаточным. С учетом некоторых относительно часто встречающихся индивидуальных особенностей преступления законодатель предусматривает дополнительные средства дифференциации ответственности, позволяющие корректировать санкцию за счет применения к виновным иных мер воздействия. При этом, исходя из соображений системности права и законодательной техники, данные средства помещаются за пределами санкции Особенной части УК РФ. На соответствующий признак иных мер уголовно-правового характера уже обратили внимание специалисты [16, с. 285; 37, с. 322]. Полностью признавая его наличие, подчеркнем, что он заставляет корректировать представления либо об ответственности как реализации санкции, либо о санкции как описании лишь наказаний. В любом случае этот факт позволяет уточнить крайне важный признак мер уголовно-правового характера: они могут выступать либо альтернативой уголовному наказанию, либо его дополнением.

Осуществленный сквозь призму предмета настоящего исследования далеко не полный анализ содержания и форм реализации уголовной ответственности позволяет плотнее приблизиться к пониманию сути и номенклатуры мер уголовно-правового характера, той их разновидности, что выступает частью уголовной ответственности. Полагаем возможным поддержать в данном случае точку зрения В. И. Горобцова, который к числу мер уголовно-правового характера причислял наказание, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера и условное осуждение [4, с. 36], а также разделить позицию Т. Г. Понятовской о возможности отнесения к таким мерам административного надзора.

Все эти меры (по аналогии с видами наказаний в ст. 45 УК РФ) могут быть поделены на основные, которые назначаются самостоятельно и не могут быть соединены с другими мерами, и дополнительные, которые назначаются только в совокупности с какой-нибудь основной мерой уголовно-правового характера. Альтернативные наказанию меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним, условное осуждение являются основными, а принудительное лечение, конфискация имущества и административный надзор – дополнительными мерами уголовно-правового характера.

Подведем итог:

1. Меры уголовно-правового характера не представляют собой однородной группы и в зависимости от их соотношения с уголовной ответственностью могут быть классифицированы на две группы: а) меры, применяемые вне рамок ответственности, б) меры, выступающие частью ответственности. Общим интегративным признаком этих мер выступает их основание – совершение преступления, общим разграничительным признаком – наличие или отсутствие официального осуждения лица в приговоре суда.

2. Мерами уголовно-правового характера, не связанными с реализацией уголовной ответственности, выступают принудительные меры воспитательного воздействия и судебный штраф, а в перспективе – общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы.

3. Меры уголовно-правового характера, реализуемые в рамках уголовной ответственности, подразделяются на основные (уголовное наказание, принудительные меры воспитательного воздействия, условное осуждение) и дополнительные (принудительное лечение, конфискация имущества, а в перспективе – административный надзор).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Боровиков, С. А.** Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних / С. А. Боровиков. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 192 с. – ISBN 978-5-93295-430-0.
2. **Бриллиантов, А. В.** Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики : научно-практическое пособие / А. В. Бриллиантов. – Москва : Проспект, 2014. – 111 с. – ISBN 978-5-392-16395-3.
3. **Гареев, М. Ф.** Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гареев Марат Фаизович. – Казань, 2005. – 198 с.
4. **Горобцов, В. И.** Развитие теории уголовно-правового принуждения в новом Уголовном кодексе РФ / В. И. Горобцов // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск : КрВШ МВД РФ, 1997. – С. 60–67. – ISBN 5-7889-0002-6.
5. **Грамматчиков, М. В.** Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Грамматчиков Михаил Владимирович. – Красноярск, 2002. – 23 с.
6. **Гребенкин, Ф. Б.** Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера / Ф. Б. Гребенкин // Системность в уголовном праве : материалы II Российского Конгресса уголовного права. – Москва : Проспект, 2007. – С. 125–127.
7. **Дуюнов, В. К.** Уголовно-правовое воздействие: теория и практика / В. К. Дуюнов. – Москва : Научная книга, 2003. – 520 с. – ISBN 5-94935-019-7.

8. **Егоров, В. С.** Вопросы правового регулирования мер уголовно-правового принуждения / В. С. Егоров. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального ин-та ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. – 309 с. – ISBN 5-89502-743-1 (МПЦИ).
9. **Ендольцева, А. В.** Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ендольцева Алла Васильевна. – Москва, 2005. – 50 с.
10. **Загородников, Н. И.** О пределах уголовной ответственности / Н. И. Загородников // Советское государство и право. – 1967. – № 7. – С. 39–46.
11. **Звечаровский, И.** Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды / И. Звечаровский // Законность. – 1999. – № 3. – С. 36–39.
12. **Землюков, С. В.** Понятие и содержание мер уголовно-правового характера / С. В. Землюков // Государство и право на рубеже веков : Криминология, уголовное право, судебное право : материалы Всероссийской конференции. – Москва : Ин-т государства и права РАН, 2001. – С. 29–36. – ISBN 5-8339-0027-3.
13. **Калинина, Т. М.** Административный надзор как иная мера уголовно-правового характера / Т. М. Калинина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IX Международной научно-практической конференции. – Москва : Проспект, 2012. – С. 300–307. – ISBN 978-5-392-04825-0.
14. **Каплин, М. Н.** О мерах уголовно-правового характера / М. Н. Каплин // Актуальные проблемы дифференциации уголовной ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе : сборник научных статей. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 2003. – С. 169–176.
15. **Карелин, Д. В.** Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Карелин Дмитрий Владимирович. – Томск, 2001. – 269 с.
16. **Келина, С. Г.** «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права / С. Г. Келина // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Международной научно-практической конференции. – Москва : Велби, 2007. – С. 283–288. – ISBN 978-5-482-01463-9.
17. **Келина, С. Г.** Меры ответственности, предусмотренные уголовным законом, и основания их применения / С. Г. Келина // Советское государство и право. – 1982. – № 5. – С. 100–108.
18. **Келина, С. Г.** Наказание и иные меры уголовно-правового характера / С. Г. Келина // Государство и право. – 2007. – № 6. – С. 51–58.
19. **Келина, С. Г.** Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности / С. Г. Келина. – Москва : Наука, 1974. – 231 с.
20. **Кондалов, А. Н.** Условное осуждение и механизмы его обеспечения : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кондалов Александр Николаевич. – Казань, 2000. – 180 с.
21. **Курганов, С.** Меры уголовно-правового характера / С. Курганов // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 59–63.
22. **Лесниченко, И. П.** Понятие и основание уголовной ответственности : лекция / И. П. Лесниченко. – Ставрополь : Сервисшкола, 2005. – 59 с. – ISBN 5-93078-327-6.
23. **Лопашенко, Н. А.** Конфискация имущества / Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 160 с. – ISBN 978-5-93295-984-8.
24. **Магомедов, А. А.** Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современность : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Магомедов Асбег Ахмеднабиевич. – Москва, 1998. – 57 с.
25. **Мальцев, В. В.** Введение в уголовное право / В. В. Мальцев. – Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 2000. – 204 с. – ISBN 5-7899-0093-3.
26. **Мальцев, В. В.** Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве / В. В. Мальцев. – Волгоград : ВА МВД России, 2004. – 209 с. – ISBN 5-7899-0293-6.
27. **Медведев, Е.** Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение преступлений / Е. Медведев // Уголовное право. – 2009. – № 5. – С. 46–51.
28. **Медведев, Е. В.** Понятие и сущность условного осуждения как инструмента уголовно-правового воздействия / Е. В. Медведев // Общество и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 107–112.
29. **Музеник, А. К.** Дифференциация уголовной ответственности: формы и виды / А. К. Музеник // Уголовное право и современность : межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск : КрВШ МВД РФ, 1998. – С. 21–26. – ISBN 5-7889-0014-X.
30. **Набиуллин, Ф. К.** Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Набиуллин Фарид Кавиевич. – Казань, 2008. – 23 с.
31. **Назаренко, Г. В.** Меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием / Г. В. Назаренко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Международной научно-практической конференции. – Москва : РГ-Пресс, 2010. – С. 22–26. – ISBN 978-5-9988-0922-4.
32. **Наумов, А. В.** Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. – Москва : Бек, 1996. – 550 с. – ISBN 5-85639-125-X.
33. **Непомнящая, Т. В.** Наказание и меры уголовно-правового характера в системе мер противодействия преступности / Т. В. Непомнящая // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-правовые аспекты : материалы III Российского Конгресса уголовного права. – Москва : Проспект, 2008. – С. 86–89. – ISBN: 978-5-392-00279-5.
34. **Непомнящая, Т. В.** Проблемы назначения наказания : учебное пособие / Т. В. Непомнящая, В. М. Степашин. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. – 590 с.
35. **Палтсер, А. Р.** Освобождение от уголовной ответственности по советскому уголовному праву : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Палтсер Альберт Рудольфович. – Тарту, 1966. – 18 с.
36. **Понятовская, Т. Г.** Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор / Т. Г. Понятовская // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 98–103.
37. **Радаев, А. Г.** О категории «меры уголовно-правового характера» / А. Г. Радаев // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Восьмой Международной научно-практической конференции. – Москва : МГЮА, 2011. – С. 318–322. – ISBN 978-5-392-02306-6.
38. **Скобелин, С. Ю.** Сущность и содержание мер уголовно-правового характера, альтернативных наказанию / С. Ю. Скобелин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 4 (10). – С. 57–62.

39. Скрипченко, Н. Ю. Правовое регулирование иных мер уголовно-правового характера: реалии и перспективы совершенствования / Н. Ю. Скрипченко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IX Международной научно-практической конференции. – Москва : Проспект, 2012. – С. 289–293. – ISBN 978-5-392-04825-0.
40. Тарбагаев, А. Н. Ответственность в уголовном праве / А. Н. Тарбагаев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 102–106.
41. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под редакцией А. В. Бриллиантова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. – 1184 с. – ISBN 978-5-392-15428-9.
42. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 года : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года / ответственные редакторы Р. М. Асланов, А. И. Бойцов, Н. И. Мацнев. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. – 474 с. – ISBN 5-94-201-012-9.
43. Филимонов, В. Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В. Д. Филимонов. – Москва : ЮрИнфоР-МГУ, 2008. – 247 с. – ISBN 978-5-91329-005-2.
44. Щедрин, Н. В. Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций / Н. В. Щедрин, О. М. Камылина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 3. – С. 40–49.

REFERENCES

1. Borovikov S.A. *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya kak al'ternativa nakazaniyu nesovershennoletnikh* [Compulsory measures of educational influence as an alternative to the punishment of minors]. Moscow: YurLitinform, 2008. 192 p.
2. Brilliantov A.V. *Osvobozhdenie ot ugovolnoi otvetstvennosti: s uchetom obobshcheniya sudebnoi praktiki: nauchno-prakticheskoe posobie* [Exemption from criminal liability: taking into account the generalization of judicial practice: research and practice textbook]. Moscow: Prospekt, 2014. 111 p.
3. Gareev M.F. Tseli inyykh mer ugovolno-pravovogo kharaktera i sredstva ikh dostizheniya po rossiiskomu ugovolnomu pravu: *dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Goals of other criminal law measures and means of achieving them in Russian criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Kazan, 2005. 198 p.
4. Gorobtsov V.I. Development of the theory of criminal law enforcement in the new Criminal Code of the Russian Federation. In: *Aktual'nye problemy teorii ugovolnogo prava i pravoprimeritel'noi praktiki: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of the theory of criminal law and law enforcement practice: a collection of scientific papers]. Krasnoyarsk: KrVShMVDRF, 1997. Pp. 60–67. (In Russ.).
5. Grammatchikov M.V. *Sudimost': istoricheskii, ugovolno-pravovoi i ugovolno-ispolnitel'nyi aspekty: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal record: historical, criminal-legal and penal aspects: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnoyarsk, 2002. 23 p.
6. Grebenkin F.B. The concept, features and types of other measures of a criminal-legal nature. In: *Sistemnost' v ugovolnom prave: Materialy II Rossiiskogo Kongressa ugovolnogo prava* [Consistency in criminal law. Proceedings of the second Russian Congress on Criminal Law]. Moscow: Prospekt, 2007. Pp. 125–127. (In Russ.).
7. Duyunov V.K. *Ugovolno-pravovoe vozdeistvie: teoriya i praktika* [Criminal law impact: theory and practice]. Moscow: Nauchnaya kniga, 2003. 520 p.
8. Egorov V.S. *Voprosy pravovogo regulirovaniya mer ugovolno-pravovogo prinuzhdeniya* [Issues of legal regulation of criminal law enforcement measures]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo in-ta; Voronezh: Izd-vo NPO "MODEK", 2006. 309 p.
9. Endol'tseva A.V. *Institut osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye problemy: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Institute of exemption from criminal liability: theoretical, legislative and law enforcement problems: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2005. 50 p.
10. Zagorodnikov N.I. On the limits of criminal liability. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1967, no. 7, pp. 39–46. (In Russ.).
11. Zvecharovskii I. Criminal law measures: concept, system, types. *Zakonnost'=Legality*, 1999, no. 3, pp. 36–39. (In Russ.).
12. Zemlyukov S.V. The concept and content of criminal law measures. In: *Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov: Kriminologiya, ugovolnoe pravo, sudebnoe pravo: materialy Vserossiiskoi konferentsii* [State and law at the turn of the century: Criminology, criminal law, judicial law: Proceedings of the all-Russian conference]. Moscow: In-t gosudarstva i prava RAN, 2001. Pp. 29–36. (In Russ.).
13. Kalinina T.M. Administrative supervision as another measure of criminal law. In: *Ugovolnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Proceedings of the 9th research-to-practice conference]. Moscow: Prospekt, 2012. Pp. 300–307. (In Russ.).
14. Kaplin M.N. On criminal law measures. In: *Aktual'nye problemy differentsiatsii ugovolnoi otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki v ugovolnom prave i protsesse: sbornik nauchnykh statei*. Yaroslavl: Izd-vo Yarosl. un-ta, 2003. Pp. 169–176. (In Russ.).
15. Karelin D.V. *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya kak al'ternativa ugovolnoi otvetstvennosti: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Compulsory measures of educational influence as an alternative to criminal liability: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Tomsk, 2001. 269 p.
16. Kelina S.G. "Other measures of a criminal law nature" as an institute of criminal law. In: *Ugovolnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Proceedings of the 4th international research-to-practice conference]. Moscow: Velbi, 2007. Pp. 283–288.
17. Kelina S.G. Measures of responsibility provided for by the criminal law and the grounds for their application. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1982, no. 5, pp. 100–108. (In Russ.).
18. Kelina S.G. Punishment and other criminal law measures. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 6, pp. 51–58. (In Russ.).
19. Kelina S.G. *Teoreticheskie voprosy osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti* [Theoretical issues of exemption from criminal liability]. Moscow: Nauka, 1974. 231 p.
20. Kondalov A.N. *Uslovnoe osuzhdenie i mekhanizmy ego obespecheniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Suspended sentence and mechanisms of its provision: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Kazan, 2000. 180 p.
21. Kurganov S. Criminal law measures. *Ugovolnoe pravo = Criminal Law*, 2007, no. 2, pp. 59–63. (In Russ.).
22. Lesnichenko I.P. *Ponyatie i osnovanie ugovolnoi otvetstvennosti: lektsiya* [The notion and basis of criminal liability: a lecture]. Stavropol: Servisshkola, 2005. 59 p.

23. Lopashenko N.A. *Konfiskatsiya imushchestva* [Confiscation of property]. Moscow: YurLitinform, 2012. 160 p.
24. Magomedov A.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i osvobozhdenie ot nee: evolyutsiya pravovykh vozzrenii i sovremennost': avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Criminal liability and exemption from it: evolution of legal views and modernity: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1998. 57 p.
25. Mal'tsev V.V. *Vvedenie v ugolovnoe pravo* [Introduction to criminal law]. Volgograd: Volgogr. yurid. in-t MVD Rossii, 2000. 204 p.
26. Mal'tsev V.V. *Problemy osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya v ugolovnom prave* [Problems of exemption from criminal liability and punishment in criminal law]. Volgograd: VA MVD Rossii, 2004. 209 p.
27. Medvedev E. The concept and types of other criminal law measures applied for the commission of crimes. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2009, no. 5, pp. 46–51. (In Russ.).
28. Medvedev E.V. The concept and essence of suspended sentence as a tool of criminal law impact. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 2 (29), pp. 107–112. (In Russ.).
29. Muzenik A.K. Differentiation of criminal liability: forms and types. In: *Ugolovnoe pravo i sovremennost': mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Criminal law and modernity. Inter-university collection of scientific papers]. Krasnoyarsk: KrVSh MVD RF, 1998. Pp. 21–26. (In Russ.).
30. Nabiullin F.K. *Nekaratel'nye mery ugolovno-pravovogo kharaktera: priroda, sistema i sotsial'no-pravovoe naznachenie: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Non-punitive criminal-legal measures: nature, system and socio-legal purpose: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2008. 23 p.
31. Nazarenko G.V. Criminal law measures that are not a punishment. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: Proceedings of the 17th international research-to-practice conference]. Moscow: RG-Press, 2010. Pp. 22–26.
32. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lektsii* [Russian criminal law. General part. A course of lectures]. Moscow: Bek, 1996. 550 p.
33. Nepomnyashchaya T.V. Punishment and measures of criminal law in the system of measures to counter crime. In: *Protivodeistvie prestupnosti: ugolovno-pravovye, kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty: materialy III Rossiiskogo Kongressa ugolovnogo prava* [Combating crime: criminal law, criminological and criminal law aspects: Proceedings of the 3rd Russian Congress on criminal law]. Moscow: Prospekt, 2008. Pp. 86–89.
34. Nepomnyashchaya T.V., Stepashin V.M. *Problemy naznacheniya nakazaniya: uchebnoe posobie* [Problems of sentencing: a textbook]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2011. 590 p.
35. Paltser A.R. *Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti po sovetскому ugolovnomu pravu: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Exemption from criminal liability under Soviet criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Tartu, 1966. 18 p.
36. Ponyatovskaya T.G. Crime prevention: security measures, administrative supervision. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 98–103. (In Russian).
37. Radaev A.G. About the notion of “measures of criminal law”. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy Vos'moi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: Proceedings of the 8th international research-to-practice conference]. Moscow: MGYuA, 2011. Pp. 318–322.
38. Skobelin S.Yu. The essence and content of criminal law measures, alternative to punishment. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2009, no. 4 (10), pp. 57–62. (In Russ.).
39. Skripchenko N.Yu. Legal regulation of other criminal law measures: realities and prospects for improvement. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: Proceedings of the 9th international research-to-practice conference]. Moscow: Prospekt, 2012. Pp. 289–293.
40. Tarbagaev A.N. Responsibility in criminal law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1994, no. 3, pp. 102–106. (In Russ.).
41. Brilliantov A.V. (Ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnyk* [Criminal law of Russia. The general and the special part: a textbook]. Moscow, 2008. 1180 p.
42. Aslanov R.M., Boitsov A.I., Matsnev N.I. (Eds.). *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Code of the Republic of Belarus]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2001. 474 p.
43. Filimonov V.D. *Ugolovnaya otvetstvennost' po rossiiskomu zakonodatel'stvu* [Criminal liability under Russian legislation]. Moscow: YurInfoR-MGU, 2008. 247 p.
44. Shchedrin N.V., Kamylyna O.M. Russian criminal law in the context of doctrinal models of building criminal law sanctions. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2008, no. 3, pp. 40–49. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ПУДОВОЧКИН – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник – руководитель уголовно-правового направления Центра исследований проблем правосудия Российской государственного университета правосудия, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, e-mail: 11081975@list.ru

YURII E. PUDOVCHKIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, chief researcher, head of the criminal law direction at the Center for Justice Research of the Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, e-mail: 11081975@list.ru

Штраф в системе наказаний за преступления против собственности и некоторые проблемы повышения его эффективности

И. В. АЗАРОВА

Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-2126>, e-mail.ru: aziravlad@rambler.ru

И. В. ДВОРЯНСКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail.ru: diw@yandex.ru

Реферат. В статье анализируются место и роль штрафа в системе уголовных наказаний, тенденции его установления законодателем и применения судами. Исследуются проблемы охраны собственности, которые всегда находились и остаются в поле зрения законодателя и правовой науки, не теряя своей актуальности, так как относятся к сфере незабываемых жизненно важных интересов личности, общества и государства.

В рамках разработки заявленной темы предпринята попытка разъяснения авторской позиции по трем базовым понятиям: штраф, собственность и эффективность наказания. Формулируется вывод о том, что собственность нужно рассматривать, в том числе при установлении составов преступлений, как сложное многогранное явление, связанное с обеспечением состояния защищенности личности, общества и государства от различных по характеру угроз, в том числе нематериального характера. Подробно исследована в аспекте законодательной регламентации и практики применения наказание в виде штрафа и такая мера уголовно-правового характера, как судебный штраф.

На примере уголовного законодательства Республики Беларусь осуществлен компаративный анализ норм об охране собственности и применения за посягательства на нее наказания в виде штрафа.

В результате авторы приходят к выводу об усилении значимости штрафа в структуре уголовных наказаний, обращают внимание на тенденцию к расширению применения судебного штрафа, освобождающего от уголовного наказания. При этом указывается, что такой подход правоприменителя не вполне соотносится с законодательно установленным принципом социальной справедливости как цели наказания.

Преступления против собственности должны рассматриваться как угроза не только имуществу, но и жизни и здоровью людей (ст. 162 УК РФ), моральным, духовно-нравственным и иным ценностям личности и государственно образованного общества. Такими представлениями, по мнению авторов, следует руководствоваться как в законодательной, так и в правоприменительной практике, в том числе при назначении и исполнении судебного штрафа.

Ключевые слова: собственность; штраф; судебный штраф; цели наказаний; эффективность наказаний.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Азарова И. В., Дворянсков И. В. Штраф в системе наказаний за преступления против собственности и некоторые проблемы повышения его эффективности. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 473–479. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-473-479.

Fine in the System of Punishments for Crimes against Property and Some Issues Related to the Enhancement of Its Effectiveness

IRINA V. AZAROVA

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-2126>, e-mail: aziravlad@rambler.ru

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian
Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the place and role of fines in the system of criminal penalties and looks into some trends in its establishing by the legislator and application by the court. We investigate property protection issues that have always been in the focus of attention of legislators and legal science and that have never lost their relevance, because they relate to the inviolable vital interests of an individual, society and the state. In the framework of the topic under consideration, we undertake to explain our viewpoint on three basic terms: “fine”, “property” and “punishment effectiveness”. We conclude that property should be considered (among other things in the establishment of the elements of a crime) as a complex multifaceted phenomenon associated with ensuring the security of individuals, society and the state from various threats, including those of an intangible nature. We analyze fine as a penalty and fine imposed by the court as a criminal law measure in the aspect of legal regulation and application practice. We carry out comparative analysis of the rules on the protection of property and the application of penalties in the form of a fine for encroachment upon it on the example of the criminal legislation of the Republic of Belarus. As a result, we conclude that the importance of fine in the structure of penal sanctions is increasing; we note that there is a trend to increase the use of a court imposed fine as an exemption from penal sanctions. At the same time, we point out that this approach used by legal professionals does not fully fit in with the legally established principle of social justice as the goal of punishment. Crimes against property should be considered as a threat not only to property, but also to the life and health of people (Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation), moral, spiritual and other values of an individual and society. We believe this approach should be used both in legislative and law enforcement practice, including cases of applying a court imposed fine.

Key words: property; fine; court imposed fine; punishment goals; punishment effectiveness.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Azarova I.V., Dvoryanskov I.V. Fine in the system of punishments for crimes against property and some issues related to the enhancement of its effectiveness. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14 (52), no. 4, pp. 473–479. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-473-479.

Проблемы охраны собственности всегда находились и находятся в поле зрения законодателя и правовой науки, не теряя своей актуальности, ибо относятся к сфере незыблемых жизненно важных интересов личности, общества и государства. Их значимость признает и законодатель, закрепляя в основах конституционного строя положение о том, что в нашей стране признаются и равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы

собственности (ст. 8 Конституции Российской Федерации). При этом в ч. 3 ст. 35 Основного закона утверждается, что никто «не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Принудительное же отчуждение имущества допустимо только при условии предварительного и равноценного его возмещения.

Охрана собственности осуществляется разными способами, включая и уголовно-правовые средства [9, с. 118–138]. Извест-

но, что традиционно в структуре уголовной преступности доминируют хищения [4, с. 461]. Достаточно сказать, что в 2019 г., согласно официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, они составили 42,5 % от общего количества всех зарегистрированных преступлений. Доля осужденных за преступления, предусмотренные гл. 21 УК РФ, в 2019 г. достигла 37,4 % [7]. Показатели же судебного штрафа по анализируемой главе оказались еще выше: из 33 329 таких штрафов 46,3 % наложены по статьям данной части уголовного закона.

Вместе с тем научная разработанность темы штрафа и уровень обобщения практики его применения в контексте эффективности данного вида наказания не соответствуют его значимости.

Рассмотрение заявленного вопроса предполагает прежде всего уяснение авторской позиции по трем базовым понятиям: штраф, собственность и эффективность наказания, дискуссия относительно которых не прекращается в правовой науке.

Известно, что термин «штраф» немецкого происхождения – от слова «die Strafe», что в переводе на русский язык означает «наказание» [11, с. 521]. В действующем законодательстве он используется очень широко во множестве отраслей частного и публичного права.

Так, в ст. 330 ГК РФ штрафом (пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

В ст. 3.5 КоАП РФ штрафом называется денежное взыскание, выраженное в рублях или в величине, кратной различным показателям, в том числе величине, кратной стоимости предмета административного правонарушения или сумме неуплаченных или подлежащих уплате налогов и пр.

В ст. 46 УК РФ под штрафом понимается денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных уголовным законом.

Анализ легального и доктринального толкования данного феномена позволяет сделать вывод о том, что штраф – это мера материального воздействия на правонарушителя для возмещения причиненного материального ущерба, морального вреда, а также реализации многогранных социально значимых целей наказания.

Что же касается собственности, то она является в своей основе категорией гражданско-правовой, сущность ее выражается

в возможности любого лица иметь на законном основании неограниченное количество имущества, свободно владеть, пользоваться и распоряжаться им. Использование данного понятия в других отраслях права является предметом непрекращающихся споров.

Так, существует мнение о том, что состояние и российского уголовного законодательства, и сложившейся уголовно-правовой теории в части, касающейся связи собственности с сущностью уголовного права, является неудовлетворительным [2, с. 4]. Признавая некоторую не совсем обоснованную категоричность данного утверждения, хотелось бы заметить, что в конце прошлого столетия на основе анализа произошедших в стране глобальных изменений социально-экономического и политического характера в уголовно-правовой науке сложилась позиция, согласно которой не всегда имеют решающее значение в определении собственности как объекта посягательства такие признаки, как материальность, экономическая ценность, стоимость. Сам автор приведенного выше умозаключения указывает, что в различных главах УК РФ есть составы, представляющие собственность и как личную сферу (п. «б» ч. 2, п. «а» ч. 3 ст. 58), и как основу социального бытия (ст. 167, 168, 214), и т. п.

Вместе с тем мы разделяем вывод о том, что собственность нужно рассматривать, в том числе при установлении составов преступлений, как сложное многогранное явление [1, с. 22], связанное с обеспечением состояния защищенности личности, общества и государства как основных объектов безопасности от различных по характеру угроз, в том числе нематериального характера [10, с. 313].

За посягательства на собственность в качестве основных и дополнительных применяются восемь видов наказаний из 13 предусмотренных УК РФ. Штраф может выступать как основным, так и дополнительным наказанием.

В УК РФ, с которой наша страна объединена в союзное государство (и мы вправе предположить, что в рамках признаваемого нами интегративного правопонимания [3, с. 57–63] будет происходить «выравнивание» законодательства, регулирующего различные сферы государственной и общественной жизни), количество и виды наказаний за посягательства на собственность совпадают с закрепленными в УК РФ примерно на 70 %. При этом в УК РФ нет такого наказания, как принудительные работы. Следует сказать, что данная санкция применяется как альтернатива лишению свободы в прямо

предусмотренных в УК РФ случаях и предполагает привлечение осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, и удержание у него в доход государства от 5 до 20 % заработной платы. Данный вид наказания в нашей стране был введен Федеральным законом от 07.12. 2011 № 420-ФЗ и реализуется только с 01.01.2017, не пользуясь особой популярностью у правоприменителя. Так, в 2018 г. такая санкция была назначена 1030 лицам, причем это почти в два раза больше, чем в 2017 г.

В отличие от белорусского уголовного закона, в УК РФ нет такого наказания, как общественные работы. Санкция ст. 49 УК РФ предусматривает выполнение осужденным бесплатного труда на срок от 60 до 240 часов в пользу общества, вид занятости определяется органами, ведающими применением общественных работ.

Кроме того, среди особенностей УК РФ в рассматриваемой нами области следует назвать более широкое, чем в России, использование такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, за посягательства на собственность. Представляется, что и в нашей стране с учетом уровня коррупции, признанной Президентом Российской Федерации Д. В. Медведевым в рамках послания Федеральному Собранию в 2008 г. врагом номер один для свободного, демократического и справедливого общества, уместно во всех составах, где должностные лица могут быть причастны к совершению хищений, предусмотреть указанный вид уголовного наказания в качестве альтернативы, в том числе и штрафу.

Наше отношение к многообразию и сочетанию различных видов наказаний скорее позитивное, так как это дает правоприменителю возможность учета особенностей составов преступлений, личности преступника, а также доктринального и легального достижения целей наказания, обеспечения его социальной эффективности [8]. В данном контексте штраф представляет собой в УК РФ особый вид наказания, используемый в различных вариантах: как основной вид наказания, дополнительный вид наказания, иная мера уголовно-правового характера (судебный штраф). В целом штраф является третьей по количеству применений за совершение посягательств на собственность мерой наказания после лишения свободы и обязательных работ. Так, в 2019 г. он был назначен в качестве основного 20 800 осужденным за преступления против собственности,

что составляет примерно 8,9 % от общего числа осужденных по гл. 21 УК РФ (228 953).

Законом штраф устанавливается в определенных размерах, указываемых в конкретных составах уголовных преступлений (ст. 46 УК РФ). При этом нижний его предел определен в пять тысяч рублей, верхний – в пять миллионов рублей. Параллельно с определением штрафа в абсолютных суммарных величинах он исчисляется: а) в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет; б) величине, кратной стоимости предмета или сумме различного по характеру коммерческого подкупа; в) величине взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов.

Из установленных сумм минимальных и максимальных величин штрафа в УК РФ делается исключение для штрафа, связанного с коммерческим подкупом, подкупом работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок и иных уполномоченных лиц, представляющих интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Наказание в виде штрафа при совершении указанных преступлений минимально не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей, максимально – более пяти сот миллионов рублей.

При этом законодатель обязывает суд при назначении наказания учитывать тяжесть совершенного преступления и имущественное положение как осужденного, так и его семьи. Подлежат выяснению также возможности получения им заработной платы или иного дохода. Принимая во внимание те же обстоятельства, суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет.

В случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, он заменяется любым другим наказанием из перечня, содержащегося в УК РФ, кроме лишения свободы. Исключение из данного правила составляет штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, который заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ. При этом назначенное наказание не может быть условным.

Штраф в качестве дополнительного вида наказания может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими

статьями Особенной части УК РФ. Анализ гл. 21 УК РФ показывает, что в тех случаях, когда штраф не является основным видом наказания, он устанавливается в качестве дополнительного (ст. 161–164).

Судебный штраф в качестве разновидности освобождения от уголовной ответственности за совершенное впервые преступление небольшой или средней тяжести введен в гл. 11 УК РФ в 2016 г. федеральным законом № 323-ФЗ. Основанием для принятия судом соответствующего решения является возмещение виновным ущерба или заглаживание иным образом причиненного преступлением вреда. Динамика применения судебного штрафа в последние два года характеризуется следующими показателями. В 2019 г. освобождено от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ 26 040 чел., что на 10 588 чел., или 41 %, больше, чем в 2018 г. При этом подавляющее большинство освобождений по таким основаниям в 2019 г. (12 850 чел.) приходится на ч. 2 и 3 ст. 158 УК РФ, характеризующиеся наличием отягчающих обстоятельств. Практикуется и освобождение от уголовной ответственности за открытое хищение чужого имущества (ч. 1 ст. 161): в 2019 г. таких случаев зарегистрировано 829. В целом законодатель последние пять лет активно расширял условия и основания освобождения от уголовной ответственности. Так, за указанный период в ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» были внесены дополнения и изменения восемью федеральными законами. Правоприменительная практика отреагировала на эти новации значительным и все возрастающим количеством уголовных дел, прекращаемых по основаниям возмещения убытков или заглаживания причиненного преступлением вреда (освобождение от уголовной ответственности). Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, число прекращенных дел, не включая освобождение от уголовного преследования из-за отсутствия состава или события противоправного деяния, составило в 2019 г. 90 911, или 39,7 % от общего количества осуждений за посягательства на собственность, что существенно больше, чем в 2018 г. (76 474). Ощутимой является и разница в соотношении освобожденных от уголовной ответственности и общего количества осужденных за анализируемый период времени – 39,7 и 30,9 %, причем это на фоне сокращения общего количества осужденных в 2019 г. в сравнении с 2018 г. (с 249 231 до 228 953) [6].

Рассмотренные явления в области применения наказаний и освобождения от уголовной ответственности объективно порождают вопрос о социальной эффективности уголовно-принудительной политики государства, в том числе в области охраны собственности, понимаемой как действенность, сводящаяся к способности воздействовать на что-либо [5, с. 914]. В рамках нашего исследования действенность означает достижение целей уголовного наказания в целом и штрафа в частности.

Легальное определение целей наказания содержится в ст. 43 УК РФ. К таковым отнесены восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Если положения анализируемой статьи об исправлении осужденного и предупреждении преступлений носят в целом определенный характер, то относительно социальной справедливости как цели наказания определенность отсутствует. В число спорных вопросов в этой области общественных отношений, на наш взгляд, следует включить установленные законодателем условия освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, в том числе против собственности. Так, для человека, имеющего денежные средства, дающие возможность возместить причиненный материальный ущерб и иной вред, ответственность практически сводится лишь к лишению этих средств. Тем же, кто не имеет таких средств для освобождения от уголовной ответственности, грозят отбывание реального уголовного наказания, включая лишение свободы, и иные негативные последствия, связанные с судимостью. Весьма спорным положением, противоречащим принципу виновной ответственности, является ч. 2 ст. 88 УК РФ, гласящая, что «штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев».

Таким образом, проведенное исследование дает возможность сделать следующие обобщающие выводы.

Значение штрафа в системе уголовных наказаний, особенно по всем преступлениям против собственности, имеет тенден-

цию к существенному возрастанию. В значительной мере это относится к судебным штрафам, дающим возможность освобождения от уголовной ответственности, в том числе за совершение преступлений с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 и 3 ст. 158 УК РФ).

Преступления против собственности должны рассматриваться как угроза не только имуществу, но и жизни и здоровью людей (ст. 162 УК РФ), моральным, духовно-нравственным и иным ценностям личности и государственно образованного общества. Данным подходом, на наш взгляд, следует руководствоваться как в законодательной,

так и в правоприменительной практике, в том числе при назначении судебного штрафа.

Проблемы эффективности уголовных наказаний, включая штрафные санкции, многогранны. К ним следует отнести кроме реализации целей наказания и создание непротиворечивого, эффективно действующего правового поля, в том числе в области уголовной политики, и воспитание на этой основе законопослушных граждан, и обеспечение неотвратимости наказания за совершение любого правонарушения, и достижение высокого уровня профессионализма и ответственности лиц, занимающихся реализацией охранительных норм, и многое другое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Безверхов, А. Г.** Имущественные преступления : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Безверхов Артур Геннадьевич. – Ижевск, 2002. – 42 с.
2. **Бочкарев, С. А.** Уголовно-правовая охрана собственности: теоретико-инструментальный анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бочкарев Сергей Александрович. – Москва, 2010. – 26 с.
3. **Ершов, В. В.** Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография / В. В. Ершов. – Москва : РГУП, 2018. – 627 с. – ISBN 978-5-93916-631-7.
4. **Лунеев, В. В.** Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунеев. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 912 с. – ISBN 5-466-00098-1.
5. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с. – ISBN 5-89285-003-X.
6. Отчет о числе осужденных по всем составам УК РФ за 2018 и 2019 гг. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 12.04. 2020).
7. Состояние преступности в России за январь – октябрь 2018 г. – URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/ddb/sbornik_10_2018.pdf (дата обращения: 12.04. 2020).
8. **Хатуаев, В. У.** Проблемы эффективности наказаний в трудах советских ученых второй половины XX века / В. У. Хатуаев, Е. С. Шаимова // Судебная власть и формы ее реализации в России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж : Истоки : Центр. фил. Рос. акад. правосудия, 2011. – С. 133–141. – ISBN 978-5-88242-901-9.
9. **Черников, В. В.** Современная государственная система охраны собственности в России / Черников В. В. – Москва : Инфра-М, 1995. – 224 с. – ISBN 5862250964.
10. **Шульга, А. В.** Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества : монография / А. В. Шульга. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – 376 с. – ISBN 978-5-93295-346-4.
11. Юридический энциклопедический словарь / под общей редакцией А. Я. Сухарева. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 528 с.

REFERENCES

1. Bezverkhov A.G. Imushchestvennye prestupleniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk [Property crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Izhevsk, 2002. 42 p.
2. Bochkaev S.A. Ugolovno-pravovaya okhrana sobstvennosti: teoretiko-instrumental'nyi analiz: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Criminal-legal protection of property: theoretical and instrumental analysis: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2010. 26 p.
3. Ershov V.V. Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii: monografiya [Legal and individual regulation of public relations: monograph]. Moscow: RGUP, 2018. 627 p.
4. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii [Crime of the twentieth century: world, regional and Russian trends]. Moscow: Volters Kluser, 2005. 912 p.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p.
6. Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam UK RF za 2018 i 2019 gg. [Report on the number of convicts under all parts of the Criminal Code of the Russian Federation for 2018 and 2019]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (accessed April 12, 2020).
7. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – oktyabr' 2018 g. [Crime situation in Russia in January–October 2018]. Available at: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/ddb/sbornik_10_2018.pdf (accessed April 12, 2020).
8. Khatuaev V.U., Shaimova E.S. Problems of the effectiveness of punishments in the works of Soviet scientists of the second half of the 20th century. In: Sudebnaya vlast' i formy ee realizatsii v Rossii: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Judicial power and forms of its implementation in Russia: proceedings of an all-Russian scientific and practical conference]. Voronezh: Istoki: Tsentr. fil. Ros. akad. pravosudiya, 2011. Pp. 133–141. (In Russ.).
9. Chernikov V.V. Sovremennaya gosudarstvennaya sistema okhrany sobstvennosti v Rossii [Modern state system of property protection in Russia]. Moscow: Infra-M, 1995. 224 p.
10. Shul'ga A.V. Ob'ekt i predmet prestuplenii protiv sobstvennosti v usloviyakh rynochnykh otnoshenii i informatsionnogo obshchestva: monografiya [Object and subject of crimes against property in the conditions of market relations and information society: monograph]. Moscow: YurLitinform, 2007. 376 p.
11. Sukharev A.Ya. (Ed.). Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic dictionary of law]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 528 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА АЗАРОВА – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Воронежского института МВД России, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-2126>, e-mail.ru: aziravlad@rambler.ru

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail.ru: diw@yandex.ru

IRINA V. AZAROVA – Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Economic Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3497-2126>, e-mail.ru: aziravlad@rambler.ru

IVAN V. DVORYANSKOV – Chief Researcher, Doctor of Sciences (Law), Professor, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail.ru: diw@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-479-485

УДК 343.6:602.6

Генная инженерия: проблемы уголовно-правового регулирования

О. А. БЕЛОВ

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4184-4379>, e-mail: belov_oleg@mail.ru

Ю. Н. СПИРИДОНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>, e-mail: upkiord@yandex.ru

А. И. ОДИНЦОВ

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9234-8973>, e-mail: odintsovai@rambler.ru

Р е ф е р а т. В статье рассматриваются современные достижения науки в области генетических исследований, методы генной инженерии как составной части современной биомедицины, а также вопросы клонирования человека. Авторы устанавливают отличия репродуктивного клонирования от терапевтического, отмечая значение последнего для улучшения жизни человека, борьбы с различными заболеваниями и пр.

Подчеркивается, что наряду с проблемами этического характера в обозначенной сфере существуют также сложности нормативно-правового регулирования проведения генетических исследований и манипуляций с генами человека. В статье затрагиваются вопросы законодательной регламентации исследований генома и клонирования человека, прежде всего генной инженерии, в зарубежных странах и Российской Федерации.

На основе сравнительного анализа международных правовых актов, национального законодательства ряда стран и нормативных правовых актов Российской Федерации авторы приходят к выводу о недостаточности правового регулирования аспектов, связанных с проведением генетических исследований в России, и, подерживая мнение ряда ученых, предлагают ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации ряд норм об уголовной ответственности за общественно опасное поведение в сфере применения современных методов биотехнологий, генной инженерии и клонирования человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ген; генетические исследования; генная инженерия; методы генной инженерии; ДНК; клонирование человека; уголовно-правовое регулирование.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Белов О. А., Спиридонова Ю. Н., Одинцов А. И. Генная инженерия: проблемы уголовно-правового регулирования. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 479–485. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-479-485.

Genetic Engineering: Issues of Criminal Law Regulation

OLEG A. BELOV

Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4184-4379>, e-mail: belov_oleg@mail.ru

YULIYA N. SPIRIDONOVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>, e-mail: upkiord@yandex.ru

ALEKSANDR I. ODINTSOV

Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9234-8973>, e-mail: odintsovai@rambler.ru

Abstract. The article analyzes modern scientific achievements in the field of genetic research, considers methods of genetic engineering as an integral part of modern biomedicine, and the issues of human cloning. We examine the differences between reproductive cloning and therapeutic cloning, emphasizing the importance of the latter for improving human life, fighting various diseases, and so on. However, along with ethical problems, there are also problems in the world of legal regulation of genetic research and manipulation of human genes. We touch upon the problems of legal regulation of genome research and human cloning in foreign countries and in the Russian Federation, and, above all, the problems of criminal law regulation of genetic engineering. Based on a comparative analysis of international legal acts, national legislation of a number of countries and regulatory legal acts of the Russian Federation, we conclude that there is insufficient legal regulation of issues related to genetic research in Russia, and, supporting the opinion of a number of scientists, we propose to introduce a number of norms in the Criminal Code of the Russian Federation on criminal liability for socially dangerous behavior in the field of modern methods of biotechnology, genetic engineering, and human cloning.

Key words: gene; genetic research; genetic engineering; methods of genetic engineering; DNA; human cloning; criminal law regulation.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Belov O.A., Spiridonova Yu.N., Odintsov A.I. Genetic engineering: issues of criminal law regulation. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 479–485. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-479-485.

В настоящее время уверенно можно констатировать тот факт, что XXI в. стал веком наукоемких производств, высоких технологий и стремительных инноваций. Лидирующие позиции в рамках научной сферы жизнедеятельности сегодня занимают вопросы развития генетических исследований и применения методов геномной инженерии.

Генетическая, или геномная, инженерия, являясь составной частью современной биомедицины, представляет собой совокупность приемов, методов и технологий получения рекомбинантных РНК и ДНК, выделения генов из организма (клеток), осуществления манипуляций с генами, введения их в другие

организмы и выращивания искусственных организмов после удаления выбранных генов из ДНК [7]. Суть ее состоит в изолировании биологами тех или иных участков молекулы ДНК, соединении их в новых комбинациях и переносе из одной клетки в другую. В результате удается осуществить такие изменения генома, которые естественным путем вряд ли могли бы возникнуть.

Таким образом, геномная инженерия служит для получения желаемых качеств изменяемого или генетически модифицированного организма. В отличие от традиционной селекции, в ходе которой генотип подвергается изменениям лишь косвенно, геномная ин-

женерия позволяет напрямую вмешиваться в генетический аппарат любого организма, применяя технику молекулярного клонирования [3].

Примерами применения генной инженерии являются получение новых генетически модифицированных сортов зерновых культур, производство человеческого инсулина и др. Кроме того, методами генной инженерии удалось создать также ряд вакцин, которые проходят испытания для проверки их эффективности против вызывающего СПИД вируса иммунодефицита человека (ВИЧ). С помощью рекомбинантной ДНК получают в достаточных количествах и человеческий гормон роста – единственное средство лечения такой редкой детской болезни, как гипопизарная карликовость.

Некоторые методы генной инженерии в отношении человека применяются уже сейчас. Например, при лечении некоторых видов бесплодия у женщин используют яйцеклетки здоровой женщины, при этом ребенок в результате наследует генотип от одного отца и двух матерей.

Впервые на людях технология генной инженерии была применена для лечения Ашанти Де Сильвы, четырехлетней девочки, страдавшей от тяжелой формы иммунодефицита. Ген, содержащий инструкции для производства белка аденозиндезаминазы (ADA), был у нее поврежден, а без белка ADA белые клетки крови умирают, что делает организм беззащитным перед вирусами и бактериями. Работающая копия гена ADA была введена в клетки крови Ашанти с помощью модифицированного вируса. Клетки получили возможность самостоятельно производить необходимый белок, и уже через шесть месяцев количество белых клеток в организме девочки поднялось до нормального уровня [2]. После этого область генной терапии получила толчок к дальнейшему развитию.

С 1990-х гг. сотни лабораторий ведут исследования по использованию генной терапии в медицинских целях. Сегодня мы знаем, что с помощью генной терапии можно лечить диабет, анемию, некоторые виды рака. В отношении человека генная инженерия могла бы применяться и для лечения наследственных болезней, и для улучшения генома.

В условиях активного развития медико-биологических отраслей знания и возможного злоупотребления их достижениями на практике выраженную актуальность приобрела проблема клонирования человека [1, с. 82].

Клонирование человека – это прогнозируемая методология, заключающаяся в соз-

дании эмбриона и последующем выращивании из эмбриона людей, имеющих генотип того или иного индивида, ныне существующего или ранее существовавшего.

Технически это сегодня вполне реально: биологи неоднократно проводили такого рода действия с клетками. С этических позиций манипуляции с человеческими клетками весьма сомнительны, не одобряемы в большинстве культур. С точки зрения права клонирование человека запрещено практически во всех цивилизованных странах мира [4].

При этом в зависимости от технологии проведения выделяют два вида: репродуктивное и терапевтическое клонирование человека. Первое представляет собой искусственное воспроизведение в лабораторных условиях генетически точной копии любого живого существа. С определенной долей условности его можно представить следующим образом: у женской особи берется яйцеклетка, из нее микроскопической пипеткой вытягивается ядро, затем в безъядерную яйцеклетку вводится любая клетка, содержащая ДНК клонируемого организма, которая фактически выполняет функцию сперматозоида при оплодотворении яйцеклетки. С момента слияния клетки с яйцеклеткой начинается процесс размножения клеток и рост эмбриона.

Таким образом, результатом репродуктивного клонирования становится рождение живого существа (например, ребенка человека).

В отличие от репродуктивного терапевтическое клонирование предполагает развитие эмбриона до стадии бластоцисты (до 14 дней), затем его рост останавливают. Эмбрион используют для получения стволовых клеток с целью их дальнейшего терапевтического использования в медицине, то есть для лечения и профилактики различных заболеваний [4].

Потенциал терапевтического клонирования огромен, так как стволовые клетки могут служить для выращивания клеток почти всех тканей и органов человеческого организма. Выращивание отдельных органов человека для их последующей пересадки – очень перспективное направление в генетике. Это, безусловно, позволит значительно сократить число преступных деяний, связанных с незаконной трансплантацией тканей и органов человека.

И разрешение, и запрет клонирования имеют как сторонников, так и противников, которые приводят веские аргументы для обоснования своего мнения [4]. Подливает масла

в огонь и недостаточное урегулирование данного вопроса на законодательном уровне.

В правовой регламентации деятельности в области генной инженерии наиболее важными юридическими документами являются международные правовые акты: Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека, принятая Генеральной ассамблеей ЮНЕСКО в 1997 г., Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с приложениями биологии и медицины и Конвенция о правах человека и биомедицине, принятая в 1996 г. странами – участниками Евросовета.

В 1998 г. Комитетом министров Совета Европы был одобрен дополнительный протокол к Конвенции о правах человека в биомедицине, ст. 1 которого гласит: «Любое вмешательство с целью создания человека, генетически идентичного другому человеку, будь то живому или мертвому, запрещается». Значение этого протокола состоит в том, что в нем впервые была легально определена позиция международного сообщества по проблеме клонирования человека и был задан импульс для дальнейшего развития вводимого запрета на различных уровнях правового регулирования. Вместе с тем данный документ не устанавливает разницы между репродуктивным и терапевтическим клонированием, что на практике препятствует развитию различных направлений терапевтического клонирования с целью оказания помощи больным людям.

В настоящее время в мире активно идет процесс криминализации клонирования человека. Национальные законодательства большинства зарубежных стран предусматривают уголовную ответственность за проведение только репродуктивного клонирования, однако в ряде государств введен прямой запрет на осуществление любого вида клонирования. Так, например, в Великобритании соответствующие уголовные нормы содержит Закон о репродуктивном клонировании человека 2001 г., санкция которого составляет 10 лет лишения свободы. При этом терапевтическое клонирование человека разрешено.

В США запрет на клонирование впервые был введен еще в 1980 г. В 2003 г. Палата представителей Конгресса США приняла закон о запрещении клонирования человека, по которому клонирование, нацеленное как на размножение, так и на медицинские исследования и лечение, рассматривается как преступление, совершение которого карается 10-летним тюремным заключением и штрафом в 1 млн долларов.

В ряде европейских стран, например Франции, Испании, Эстонии, Молдове, клонирование как преступление закреплено в уголовных кодексах.

В таких странах, как Бразилия, Германия, Великобритания, Япония, уголовная ответственность за клонирование установлена специальными законами [5]. Так, например, Федеральный закон ФРГ о защите эмбрионов 1990 г. относит к преступным деяниям создание эмбриона, генетически идентичного другому эмбриону, происходящему от живого или мертвого лица.

В целях приведения национального законодательства в соответствие с требованиями мировой практики в новом уголовном законе Казахстана (принят 03.07.2014) в отличие от ранее действовавшего уголовного кодекса уже предусмотрена уголовная ответственность за клонирование человека. Так, ст. 129 Уголовного кодекса Республики Казахстан предусматривает уголовную ответственность за совершение клонирования человека или использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а равно вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из Республики Казахстан в этих же целях. Санкция данной статьи предусматривает уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового. Клонирование человека, совершенное группой лиц, или группой лиц по предварительному сговору, или организованной группой, или неоднократно, наказывается лишением свободы на срок от четырех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В настоящее время ключевую роль в правовом регулировании рассматриваемой сферы в Российской Федерации играет Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности». Он упорядочивает отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и охраны здоровья человека, возникающие при осуществлении генно-инженерной деятельности.

Необходимо отметить, что данный акт неоднократно подвергался критике со стороны как юридического сообщества, так и специалистов-биологов и генетиков. В частности,

указывалось на непроработанность используемых терминов, ограниченный круг регулируемых отношений и в то же время выход за их рамки. Кроме того, российские биологи отмечают недостаточность научного обоснования принципов безопасного использования генно-модифицированных микроорганизмов, а также в целом запретительный характер норм законодательства в сфере генно-инженерной деятельности [8, с. 146].

Действующее законодательство предусматривает возможность наступления ответственности за незаконные махинации с генами человека. Несмотря на то что Россия не присоединилась к Конвенции о правах человека и биомедицине, отечественный законодатель не остался в стороне от мировых тенденций, ответив на вызов времени принятием Федерального закона от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека», действие которого было продлено на неопределенный срок в 2010 г.

В преамбуле данного нормативного правового акта указано, что закон вводит временный запрет на клонирование человека, исходя из принципов уважения человека, признания ценности личности, необходимости защиты прав и свобод человека и учитывая недостаточно изученные биологические и социальные последствия клонирования человека. Перспектива использования имеющихся и разрабатываемых технологий клонирования организмов позволяет предусмотреть возможности продления запрета на клонирование человека или его отмены по мере накопления научных знаний в данной области, определения моральных, социальных и этических норм при использовании соответствующих технологий.

В ст. 1 федерального закона «О временном запрете на клонирование человека» есть следующие слова: «создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека», следовательно, речь в документе идет только о репродуктивном, а не терапевтическом клонировании.

Согласно ст. 4 данного закона лица, виновные в его нарушении, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако до сегодняшнего дня в России меры уголовной ответственности за клонирование человека законодательно не определены.

Вызывает серьезное недоумение тот факт, что принятие федерального закона «О временном запрете на клонирование чело-

века» не сопровождалось внесением соответствующих поправок в УК РФ.

В сложившейся ситуации анонсированный законодателем запрет на репродуктивное клонирование не может исполняться результативно, поскольку, согласно выработанному в юридической науке учению о межотраслевых связях, нормы регулятивного содержания для своего нормального функционирования испытывают потребность в содействии норм охранительного характера. Если сформулированные в позитивном законодательстве правила поведения не гарантированы мерами государственного принуждения, то они не могут должным образом реализоваться, поскольку предмет регулирования остается вне сферы юридической охраны [1, с. 84].

Ученые уже не раз высказывали свое мнение о необходимости установления уголовного запрета на деятельность по клонированию человека. В частности, еще в 2006 г. Н. Е. Крылова предлагала отграничивать преступления, совершаемые в сфере биологии и медицины, от традиционных преступлений, совершаемых медицинскими работниками в связи с выполнением ими своих профессиональных функций. По ее мнению, объектами биоэтических преступлений должны признаваться, помимо уже поставленных под охрану уголовного закона, такие блага и интересы, которые в настоящее время российским уголовным правом не охраняются, а именно жизнь и здоровье эмбриона человека, генетическая целостность человека, достоинство человека в широком смысле слова, под которым следует понимать право на уважительное отношение до рождения, в период жизни и после смерти, и т. д. В своей диссертации Н. Е. Крылова предлагает ввести уголовную ответственность за клонирование человека, ввоз или вывоз клонированных эмбрионов человека, а также вмешательство в генотип человека, не связанное с лечением [6].

В 2018 г. Государственная Дума Российской Федерации заказала исследование по вопросам законодательного регулирования использования вспомогательных репродуктивных технологий (в том числе редактирования генома, клонирования и суррогатного материнства) научному коллективу Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). В техническом задании обращается внимание на то, что законы о репродуктивных технологиях нуждаются в доработке. Ученым предлагается изучить зарубежный правовой опыт и возможности бесконфликтного развития

нового поколения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), перспективы урегулирования редактирования генов в целях лечения (профилактики) наследственных (генетических) заболеваний.

Вопрос об установлении уголовной ответственности и внесении изменений и дополнений в УК РФ в этой части остается пока открытым. Стремительное развитие области генетических исследований в последние годы диктует необходимость его решения на законодательном уровне в ближайшее время. На наш взгляд, не стоит ждать первого случая осуществления незаконной деятельности в сфере генетических исследований в целом и клонирования человека в частности, важно закрепить в УК РФ нормы об уголовной ответственности за совершение преступных деяний такого рода уже сегодня.

Считаем своевременным и необходимым принятие федерального закона о внесении изменений в УК РФ с тем, чтобы закрепить в разд. VII «Преступления против личности» нормы, предусматривающие уголовную ответственность за репродуктивное клонирование человека, использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а также за вывоз

человеческого эмбриона из Российской Федерации в аналогичных целях, в следующей редакции:

«Статья 120.1. Репродуктивное клонирование человека.

1. Репродуктивное клонирование человека, то есть создание живого человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, а также использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях – наказываются... (преступление средней тяжести).

2. Ввоз на территорию Российской Федерации либо вывоз с ее территории клонированных эмбрионов человека в этих же целях – наказываются... (преступление средней тяжести).

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

- а) из корыстных побуждений;
- б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- в) лицом с использованием своего служебного положения – наказываются... (тяжкое преступление)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинов, А. Г. Некоторые направления уголовно-правового противодействия клонированию человека / А. Г. Блинов // Общество и право. – 2014. – № 1 (47). – С. 82–86.
2. Генная инженерия // Российское трансгуманистическое движение : сайт. – URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/38/135/> (дата обращения: 12.10.2020).
3. Генная инженерия или Delete головного мозга: что опаснее? // Гражданские силы.ру : сетевое издание. – URL: <http://gr-sily.ru/nauka/gennaya-inzheneriya-ili-delete-golovnogo-mozga-cto-opasnee-25770.html> (дата обращения: 12.10.2020).
4. Гурылёва, М. Э. Этико-правовые проблемы клонирования человека / Марина Элисовна Гурылёва, Гульнара Мулламурова Хамитова // Казанский медицинский журнал. – 2019. – Том 100, № 6. – С. 992–1000. – DOI: 10.17816/KMJ2019-992.
5. Капинус, О. С. Ответственность за клонирование человека в современном уголовном праве / О. С. Капинус, В. Н. Додонов // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности : сборник статей. – Москва : Буковед, 2008. – С. 147–159. – ISBN 978-5-903331-11-6.
6. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика (уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Крылова Наталья Евгеньевна. – Москва, 2006. – 56 с.
7. Панчин, А. Обыгрывая бога / Александр Панчин // Популярная механика. – 2017. – № 3. – С. 32–35. – URL: <http://www.popmech.ru/magazine/2017/173-issue> (дата обращения: 12.10.2020).
8. Шилюк, Т. О. Основные направления деятельности федеральных органов исполнительной власти в области генной инженерии / Т. О. Шилюк // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 6 (58). – С. 145–150.

REFERENCES

1. Blinov A.G. Several ways of criminal lawful act against human cloning. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no. 1 (47), pp. 82–86. (In Russ.).
2. Genetic engineering. *Website of the Russian Transhumanist Movement*. Available at: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/38/135/> (accessed October 12, 2020). (In Russ.).
3. Genetic engineering or Delete the brain: which is more dangerous? *Grazhdanskije sily.ru: setevoe izdanie = Civil Forces.ru: Online Edition*. Available at: <http://gr-sily.ru/nauka/gennaya-inzheneriya-ili-delete-golovnogo-mozga-cto-opasnee-25770.html> (accessed October 12, 2020). (In Russ.).
4. Guryleva M.E., Khamitova G.M. Human cloning ethical and legal issues. *Kazanskii meditsinskii zhurnal = Kazan Medical Journal*, 2019, vol. 100, no. 6, pp. 992–1000. DOI: 10.17816/KMJ2019-992. (In Russ.).
5. Kapinus O.S., Dodonov V.N. Responsibility for human cloning in modern criminal law. In: *Sovremennoe ugovolnoe pravo v Rossii i zarubezhom: nekotorye problemy otvetstvennosti: sbornik statei* [Modern criminal law in Russia and abroad: some problems of responsibility: a collection of papers]. Moscow: Bukvoed, 2008. Pp. 147–159. (In Russ.).
6. Krylova N.E. *Ugovolnoe pravo i bioetika (ugolovno-pravovye problemy primeneniya asovremennykh biomeditsinskikh tekhnologii): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Criminal law and bioethics

(criminal law problems of application of modern biomedical technologies): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2006. 56 p.

7. Panchin A. Defeating God. *Populyarnaya mekhanika = Popular Mechanics*, 2017, no. 3, pp. 32–35. Available at: <http://www.popmech.ru/magazine/2017/173-issue> (accessed October 12, 2020). (In Russ.).

8. Shilyuk T.O. The main activities of the federal executive authorities in the field of genetic engineering. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 6 (58), pp. 145–150. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЛОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4184-4379>, e-mail: belov_oleg@mail.ru

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА СПИРИДОНОВА – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>, e-mail: upkiord@yandex.ru

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ОДИНЦОВ – кандидат юридических наук, начальник высших академических курсов Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация. ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9234-8973>, e-mail: odintsovai@rambler.ru

OLEG A. BELOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4184-4379>, e-mail: belov_oleg@mail.ru

YULIYA N. SPIRIDONOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Intelligence-Gathering Activities at the Legal Faculty of Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>, e-mail: upkiord@yandex.ru

ALEKSANDR I. ODINTSOV – Candidate of Sciences (Law), head of higher academic courses, Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9234-8973>, e-mail: odintsovai@rambler.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-485-492

УДК 343.1

Исполнение приговора – самостоятельная стадия уголовно-процессуальной деятельности

В. Б. ШАБАНОВ

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

Л. Ю. БУДАНОВА

Псковский филиал Академии ФСИН России, г. Псков, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

В. П. КРАМАРЕНКО

Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9662-0874>, e-mail: vkram39@mail.ru

Р е ф е р а т. В статье рассматриваются вопросы становления понятия «исполнение приговора» и анализируется содержание этапа исполнения приговора как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства, исследуются правовые проблемы уголовно-процессуальной деятельности в пределах стадии исполнения приговора, предлагаются пути ее совершенствования.

Отнесение деятельности по рассмотрению и разрешению судом вопросов, связанных с исполнением приговора, к этапу уголовного судопроизводства без образования самостоятельной стадии является дискуссионным моментом в связи с тем, что данная деятельность может и не осуществляться, однако авторы разделяют точку зрения ученых, которые полагают, что такой этап, как обращение приговора к исполнению, возникает всегда при постановлении судом приговора, а аналогия со

стадией возбуждения уголовного дела позволяет прийти к выводу о том, что дальнейшая уголовно-процессуальная деятельность может возникать несколько раз или же не возникать вовсе и при этом образует самостоятельную стадию уголовного судопроизводства.

На основании предпринятого исследования мнений и высказываний практиков и ученых-процессуалистов по поводу роли и значения уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора как самостоятельной стадии уголовного процесса, института уголовно-процессуального права, отдельного этапа уголовного судопроизводства, а также положенных в их основу теоретических обоснований сущности и значения исполнения приговора в уголовном судопроизводстве авторы статьи делают вывод о том, что уголовно-процессуальная деятельность по обращению приговора к исполнению, рассмотрению и разрешению судом вопросов, связанных с его исполнением, составляет содержание самостоятельной стадии уголовного судопроизводства, которая обладает всеми необходимыми и характерными признаками.

Ключевые слова: исполнение приговора; стадия уголовного процесса; субъекты исполнения приговора; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальная деятельность.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Шабанов В. Б., Буданова Л. Ю., Крамаренко В. П. Исполнение приговора – самостоятельная стадия уголовно-процессуальной деятельности. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 485–492. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-485-492.

Execution of a Sentence – an Independent Stage of Criminal Proceedings

VYACHESLAV B. SHABANOV

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

LYUDMILA YU. BUDANOVA

Pskov Branch of the Academy of FSIN Russia, Pskov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

VLADIMIR. P. KRAMARENKO

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9662-0874>, e-mail: vkram39@mail.ru

Abstract. The article investigates how the notion “execution of a sentence” was formed and analyzes the content of the stage of execution of a sentence as an independent part of criminal procedure, examines legal issues of criminal proceedings within the stage of execution of a sentence, and puts forward some ways to improve it. The fact that court activities aimed at considering and resolving issues related to the execution of a sentence are defined as part of criminal procedure rather than as an independent stage is a subject for debate, because this activity may or may not take place. But we agree with those scholars who believe that the stage such as the presentation of a sentence for execution always emerges during sentencing, and the analogy with the stage of launching criminal investigation allows us to conclude that, that further criminal proceedings may occur several times or may not occur at all and thus form an independent stage of criminal procedure. We studied the opinions and statements of practitioners and scholars in the field of criminal procedure concerning the role and importance of criminal proceedings aimed at the execution of a sentence as an independent stage of criminal procedure, institution of criminal procedural law, a separate phase of criminal procedure and the theoretical arguments as to the essential nature and meaning of the execution of a sentence in criminal procedure. We conclude that criminal proceedings aimed at presenting the sen-

tence for execution, consideration and resolution by the court of the issues related to its execution form the content of an independent stage of criminal procedure, which has all the necessary and characteristic features.

Key words: execution of a sentence; stage of criminal procedure; subjects of execution of a sentence; criminal justice; criminal proceedings.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Shabanov V.B., Budanova L.Yu., Kramarenko V.P. Execution of a sentence – an independent stage of criminal proceedings. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp 485–492. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-485-492.

Уголовное судопроизводство как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь главным своим назначением определяет защиту не только прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, но и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [15, с. 130].

Стадия исполнения приговора завершает деятельность всех участников уголовного судопроизводства. Наше позиционирование данной стадии состоит в том, что она является конечным продуктом правосудия, гарантирующим восстановление нарушенных прав и законных интересов лиц и организаций, а также реализацию уголовной политики государства в целом и применение к виновному справедливого наказания.

В свое время И. Д. Перлов, рассуждая о приговоре, указывал на то, что он постановляется для того, чтобы быть исполненным, и без реализации теряет свое назначение. Более того, если он окажется неисполненным или плохо исполненным, то вся деятельность по раскрытию преступления и изобличению виновных, предварительному расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел сведется на нет [7, с. 54].

По мнению М. С. Строговича, вступление приговора в законную силу означает, что приговор получает силу закона и столь же обязателен для исполнения, как и сам закон. Также ученый делает вывод о том, что исполнение приговора представляет собой последнюю стадию уголовного процесса [11, с. 325].

Предпримем небольшой экскурс в историю становления института исполнения приговора как самостоятельной стадии уголовного процесса. Так, И. Я. Фойницкий, определяя важность реализации принципов отправления правосудия, еще в 1914 г. в своих трудах утверждал, что исполнение приговора есть не только осуществление содержания последнего, но и акт судебной и карательной власти и необходимо в целях реализации принципа индивидуализации наказания. Исполнение

приговора как стадия, с его точки зрения, нуждалось в известной эластичности, гибкости и тем не менее должно было быть поставлено на твердую почву закона и производиться под судебным контролем. Потребность в справедливости карательной деятельности государства, возможность изменения приговора при его исполнении вызвали появление таких институтов, как судебный зачет в наказании, условное или безусловное освобождение от него, судебная отсрочка исполнения приговора, условное осуждение. По мнению И. Я. Фойницкого, если исполнение наказания не оказало должного воздействия на осужденного, то суд на основании закона вправе заменить наказание на более строгое – тем самым уголовная политика государства будет реализована в полной мере [13, с. 568–570].

Иная позиция представлена в работах В. К. Случевского и Н. Н. Розина: они считают, что деятельность, связанную с исполнением приговора, следует рассматривать вне пределов уголовного судопроизводства, потому как с момента вступления в законную силу приговора заканчивается деятельность суда [10, с. 588–604, 646–656] и начинается работа учреждений и органов по приведению приговора в исполнение [9, с. 518–520].

Действующее уголовно-исполнительное законодательство России и Беларуси основной задачей видит охрану прав и свобод, а также законных интересов осужденных (ч. 2 ст. 1 УИК РФ, ч. 1 ст. 2 УИК РБ). Однако заметим, что ряд своих прав и законных интересов осужденные могут реализовать только через пенитенциарные учреждения и органы. Так, например, реализация права осужденного на замену части неотбытого наказания более мягким происходит только по представлению органа или учреждения ФСИН России, рассматриваемому в ходе судебного заседания. Такой порядок, как отмечает В. Л. Попов, позволяет регулировать наказания с целью достижения их основной цели – исправления лица, осужденного за преступление [8, с. 22–23].

Из сказанного следует, что органы, исполняющие уголовные наказания, фактически оценивают возможность достижения целей наказания, назначенного осужденному судом, в процессе непосредственного исполнения приговора и самостоятельно иницируют деятельность суда по рассмотрению и разрешению вопросов об изменении порядка и условий его отбывания.

Изучение мнений ученых по вопросу о зарождении уголовно-процессуальной деятельности на этапе исполнения приговора и формировании ее в самостоятельную стадию уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что уголовно-процессуальный статус учреждений и органов, исполняющих наказания и вступающих в уголовно-процессуальные правоотношения с судом по поводу исполнения приговора, остается слабо урегулированным законом. Данное обстоятельство, по нашему мнению, связано в первую очередь с тем, что не утихает полемика по поводу признания уголовно-процессуальной деятельности при исполнении приговора стадией уголовного судопроизводства.

Наши исследования показывают, что первые попытки серьезного научного осмысления сущности этапа исполнения приговора и его места в системе уголовного судопроизводства были предприняты в 60-е гг. прошлого века. Это было вызвано активным реформированием правоохранительного законодательства, в ходе которого акцент делался на гуманизации уголовно-процессуальных норм. Данное обстоятельство предопределило формирование традиционного взгляда на исполнение приговора как стадию уголовного судопроизводства. Появление этой точки зрения, высказанной И. Д. Перловым и Э. Ф. Куцовой, было крайне закономерным и как нельзя лучше демонстрировало то значение, которое следует придавать акту исполнения решения суда по уголовному делу.

Стадия исполнения приговора, по убеждению Э. Ф. Куцовой, является заключительной стадией уголовного судопроизводства на том основании, что состоит из деятельности суда, направленной на непосредственное исполнение приговора, а также в силу того, что только суд и никто другой вправе разрешать в ходе судебного разбирательства все обращения исправительных органов и учреждений, которые связаны с исполнением приговора [4, с. 3–6].

В подтверждение мнения о том, что исполнение приговора представляет собой самостоятельную стадию, И. Д. Перлов при-

водит следующие доводы: во-первых, в ней решаются свои, самостоятельные задачи, существенно отличающиеся от задач других стадий; во-вторых, состав ее действующих лиц представлен строго определенным кругом участников уголовно-процессуальной деятельности, между которыми складываются конкретные, специфические, характерные именно для данной стадии уголовно-процессуальные отношения, протекающие в особых процессуальных формах; в-третьих, по возникшим в процессе исполнения приговора вопросам, рассматриваемым в судебном заседании, суд, принимая решения, выносит правовой акт в виде определения. Помимо этого, И. Д. Перлов утверждает, что исполнение приговора как самостоятельная стадия – понятие более широкое. В числе аргументов в пользу самостоятельности приводится и то, что исполнение приговора охватывает не только процессуальную деятельность суда, прокуратуры, исправительно-трудовых учреждений и общественных организаций, но и административную, а также иную деятельность исправительно-трудовых учреждений, деятельность общественных организаций по исправлению и перевоспитанию лиц, отбывающих наказание за совершенные преступления, то есть носит комплексный характер в плане правового регулирования. Наконец, с позиции И. Д. Перлова, рассматривать уголовно-процессуальные вопросы, разрешаемые на стадии исполнения приговора, необходимо в органическом сочетании с материальным правом, что также является свидетельством самостоятельности последней [7, с. 3–6].

Приведение вступившего в законную силу приговора в исполнение, по мнению М. С. Строговича, есть последняя стадия уголовного процесса, в которой проводится в жизнь его постановления, то есть происходит реализация. Названным судебным актом суд, его постановивший, не только удостоверяет, что приговор вступил в законную силу, подлежит исполнению, но и дает распоряжение соответствующим административным органам (исправительно-трудовое учреждение и др.) о фактическом его исполнении [11, с. 424].

Комплексность правового регулирования, характерную для этапа исполнения приговора, затрагивает в своих работах и В. В. Никулюк. Как он совершенно справедливо отмечает, это обусловлено тем, что наряду с уголовно-процессуальным законодательством вопросы исполнения приговора регулируются соответствующими нормами УК РФ

и УИК РФ. Поэтому самостоятельность института исполнения приговора как заключительной стадии уголовного процесса, по его мнению, характеризуют следующие показатели:

1) специфические задачи, состоящие в том, чтобы обратить приговор к исполнению и разрешить все возникающие при этом вопросы;

2) очерченный законом определенный круг участников уголовно-процессуальной деятельности, в том числе органы, исполняющие наказания, между которыми складываются конкретные уголовно-процессуальные отношения;

3) особенности процессуального порядка, такие как проведение усеченного судебного заседания, ограниченные возможности обжалования и др.;

4) процессуальные решения судьи, присущие данному этапу уголовного судопроизводства.

В. В. Николук полагает, что деятельность органов администрации по непосредственной реализации приговоров входит в содержание стадии исполнения приговора [6, с. 3–5].

В интерпретации Т. С. Дворянкиной, автора гл. 29 учебника по уголовному процессу под редакцией П. А. Лупинской, самостоятельность рассматриваемой стадии, помимо тех, о которых упоминал В. В. Николук, подчеркивают такие признаки:

1) реализация многих задач и принципов уголовного процесса (состоятельность сторон, язык уголовного судопроизводства, уважение чести и достоинства личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, свободная оценка доказательств, право на обжалование процессуальных действий и решений, неотвратимость наказания);

2) наличие своего предмета доказывания: он не является единым и зависит от характера разрешаемых вопросов, круг которых достаточно разнообразен; возникает после вступления приговора в законную силу при его фактическом исполнении и, следовательно, определяется нормами уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права;

3) исполнение приговора, в отличие от других стадий уголовного процесса, где четко определены начальный и конечный моменты, последовательность процессуальных действий, не является непрерывной стадией [12, с. 869–871].

Соглашаясь с приведенным мнением, заметим, что в ряде случаев, например при непосредственном исполнении судом постановленного им приговора, начальный и

завершающий моменты стадии исполнения имеют четко определенные границы, связанные с провозглашением приговора, который влечет немедленное освобождение подсудимого из-под стражи.

Признавая самостоятельность стадии исполнения приговора, В. В. Вандышев выделяет ряд дополнительных особенностей, а именно: кроме реализации приговоров здесь исполняются также и постановления и определения суда; возможность многократного возникновения уголовно-процессуальной деятельности во время исполнения приговора; суд освобожден от исполнения контрольных функций по отношению к предшествующим стадиям уголовного судопроизводства и др. Значение стадии автор усматривает в реализации принципа наступления неотвратимости ответственности и наказания; обеспечении охраны прав и законных интересов участников уголовного процесса, в том числе оправданных и осужденных, их близких родственников; оказании воспитательно-предупредительного воздействия как на участников уголовного судопроизводства, так и на иных граждан [1].

Ряд исследователей, к примеру Н. С. Манонова, относят исполнение приговора к судебным стадиям уголовного процесса, отмечая при этом, что субъектом деятельности здесь является суд, однако в содержание стадии они не включают деятельность непосредственных исполнителей судебных решений [5, с. 174].

С этим трудно согласиться по тем основаниям, что, например, по инициативе органов, исполняющих наказание, осужденных, надзирающих прокуроров, иных субъектов судом осуществляется рассмотрение и разрешение ряда вопросов, касающихся исполнения приговора, следовательно, исполнители судебных решений участвуют в судебном заседании и вступают в уголовно-процессуальные правоотношения.

В статье нельзя обойти вниманием тот факт, что после введения в действие нового уголовно-исполнительного закона произошло переосмысление положений, касающихся института исполнения приговора как стадии уголовного судопроизводства. Изменение законодательства и правоприменительной практики явилось почвой для того, чтобы авторы стали избегать использования процессуальной категории «стадия» и применения ее к самому институту.

О. В. Волколуп, например, писала, что «исполнение приговора не может являться стадией уголовного процесса», и тут же, ука-

зывая на деятельность субъектов по разрешению вопросов, возникающих в процессе исполнения приговора, предлагала считать ее уголовно-процессуальной. В понимании ученого, в рамках уголовно-процессуального права должен иметь место институт исполнения приговора, который применяется тогда, когда приведение приговора в исполнение сопровождается изменением определенных условий отбывания назначенного судом наказания, не связанным с изменением в системе установленных фактических обстоятельств уголовного дела. Кроме того, по ее мнению, при возникновении ситуации, когда в возбуждении уголовного дела отказывается, обжалование решения осуществляется за пределами какой бы то ни было стадии уголовного процесса [2, с. 208].

В работах Е. Н. Гапонова превалирует мысль о том, что судебная деятельность при исполнении приговора имеет особенности, выражающиеся в своеобразии и относительной независимости от основного уголовно-процессуального производства, предмет которого составляет уголовное дело. Осуществляемое в рамках исполнения приговора судопроизводство носит обособленный по отношению к производству по уголовному делу характер и не может считаться стадией уголовного процесса. Высказанное исследователем мнение о том, что с развитием уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в отечественном праве появляется платформа для формирования относительно самостоятельного по своей юридической природе судопроизводства по исполнению приговора [3, с. 13], может стать поводом для теоретических дискуссий и требует проверки практикой.

На основании предпринятого нами изучения высказываний практиков и ученых-процессуалистов по поводу роли и значения уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора как самостоятельной стадии уголовного процесса, института уголовно-процессуального права, отдельного этапа уголовного судопроизводства, а также положенных в их основу теоретических обоснований сущности и значения исполнения приговора в уголовном судопроизводстве можно сделать ряд выводов.

В частности, мы считаем, что уголовно-процессуальная деятельность по обращению приговора к исполнению, рассмотрению и разрешению судом вопросов, связанных с его исполнением, составляет содержание самостоятельной стадии уго-

ловного судопроизводства, которая обладает всеми необходимыми и характерными для нее признаками, которые и определяют ее как таковую.

Во-первых, стадии исполнения приговора, как и любой самостоятельной стадии уголовного судопроизводства, присущи свои цели и особый круг разрешаемых задач, которые вытекают из общего назначения уголовного судопроизводства и состоят в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защите осужденного от ограничения его прав и свобод, и основываются на деятельности, осуществляемой в указанной стадии, содержанием которой является обращение приговора к исполнению, рассмотрение и разрешение судом вопросов, связанных с исполнением приговора, а также реализация судом контроля за законностью, своевременностью и точностью исполнения приговора суда уполномоченными действующим законодательством органами и учреждениями.

Во-вторых, начало стадии обусловлено вступлением приговора, определения или постановления в законную силу, после чего следует обязательный этап обращения приговора к исполнению.

Далее осуществляется деятельность, выходящая за рамки уголовного процесса и регулируемая уголовно-исполнительным законодательством, а именно фактическое исполнение приговора.

Этап рассмотрения и разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, имеет место в случае необходимости разрешения судом вопросов, установленных в ст. 397 УПК РФ.

Окончанием стадии исполнения приговора является извещение учреждением или органом, на которые возложено исполнение наказания, суда, постановившего обвинительный приговор, о приведении его в исполнение.

В некоторых случаях началом стадии исполнения приговора является момент провозглашения приговора суда, влекущего немедленное освобождение подсудимого из-под стражи.

В-третьих, на стадии исполнения приговора существует свой особый предмет доказывания – обстоятельства, подлежащие установлению по каждому вопросу, регламентированному ст. 397 УПК РФ.

В-четвертых, круг участников уголовно-процессуальной деятельности присущ только данной стадии и очерчен законом: суд, прокурор, осужденный, адвокат, потер-

певший, органы, исполняющие наказания, в лице их представителей, гражданский истец, гражданский ответчик. Заметим, что на данной стадии не все субъекты наделены статусом участника уголовного судопроизводства, хотя вступают в уголовно-процессуальные правоотношения.

В-пятых, на стадии исполнения приговора осуществляется присущая только ей деятельность субъектов, вступающих в уголовно-процессуальные правоотношения. Ее сутью является не только обращение приговора суда в исполнение, но и проведение судебных заседаний по вопросам, связанным с исполнением приговора, в соответствии со ст. 399 УПК РФ, регламентирующей особый порядок судебного заседания по рассмотрению и разрешению вопросов, ставших предметом судебного исследования. Содержание стадии исполнения приговора составляют два этапа: этап обращения приговора к исполнению, являющийся обязательным по каждому приговору, определению или постановлению суда, и этап рассмотрения и разрешения судом вопросов, регламентированных в ст. 397 УПК РФ.

В-шестых, завершение стадии исполнения приговора сопровождается обязательным оборотом следующих процессуальных документов: уведомление учреждения или органа, исполняющего наказания, о направлении копии приговора суда, постановление суда по вопросам, связанным с исполнением приговора, извещение учреждением или органом, исполняющим уголовные наказания, суда, постановившего обвинительный приговор, о приведении его в исполнение, представление учреждения и органа, исполняющего наказания, по вопросам, связанным с исполнением приговора, ходатайство осужденного [14, с. 88].

Признавая исполнение приговора самостоятельной стадией уголовного судопроиз-

водства, мы понимаем, что не все связанные с ней вопросы в настоящее время урегулированы в удовлетворяющей науку и практику степени. Как нам видится, еще предстоит кропотливые исследования регламентации порядка и сроков судебного заседания по вопросам, связанным с исполнением приговора; уголовно-процессуального статуса субъектов, участвующих в рассмотрении и разрешении судом вопросов, возникающих при исполнении приговора, в том числе закрепления уголовно-процессуального статуса учреждений и органов, исполняющих наказания, в лице их представителей, процессуальной формы документов, составляющихся на данной стадии [16, с. 387].

Законодательное закрепление полномочий учреждений и органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора позволит уравновесить права и обязанности данных субъектов относительно других участников. На сегодняшний день в соответствии с уголовно-процессуальным законом невозможно отнести их ни к одной из существующих категорий участников, в связи с чем представляется целесообразным дополнить последние. Заметим, что помимо учреждений и органов, исполняющих наказания, ни к одной из существующих категорий участников уголовного судопроизводства не может быть отнесен и такой субъект уголовно-процессуальной деятельности, как заявитель. В целях достижения целей уголовного судопроизводства видится необходимым введение новой категории – «участники, заявляющие самостоятельные (собственные) требования». Данные субъекты не всегда выступают на стороне обвинения или защиты и, в отличие от иных участников, преследуют собственные цели в уголовном судопроизводстве. Таким образом, предлагается дополнить УПК РФ гл. 8.1 «Участники уголовного судопроизводства, заявляющие самостоятельные (собственные) требования».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вандышев, В. В.** Уголовный процесс. Общая и Особенная части / В. В. Вандышев. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 720 с. – ISBN 978-5-98209-052-2.
2. **Волколуп, О. В.** Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования : монография / О. В. Волколуп. – Санкт-Петербург : Юрид. центр пресс, 2003. – 265 с. – ISBN 5-94201-216-4.
3. **Гапонов, Е. Н.** Совершенствование правового регулирования судопроизводства при исполнении приговора : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гапонов Евгений Николаевич. – Москва, 2009. – 27 с.
4. **Куцова, Э. Ф.** Исполнение приговора : лекции / Э. Ф. Куцова. – Москва : Юридическая литература, 1960. – 66 с.
5. **Манова, Н. С.** Уголовный процесс : учебное пособие для вузов / Н. С. Манова. – Москва : Юрайт, 2019. – 221 с. – ISBN 978-5-534-09269-1.
6. **Николюк, В. В.** Исполнение приговора : лекция / В. В. Николюк. – Омск : Юридический институт МВД России, 1988. – 35 с.
7. **Перлов, Н. И.** Исполнение приговора в советском уголовном процессе : учебное пособие / Н. И. Перлов. – Москва : Юридическая литература, 1963. – 227 с.
8. **Попов, В. Л.** Исполнение приговора как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства / В. Л. Попов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 4 (50). – С. 22–24.

9. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Н. Н. Розин. – Санкт-Петербург : Право, 1914. – 548 с.
10. Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство / В. Случевский. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 684 с.
11. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Том 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1970. – 616 с.
12. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / ответственный редактор П. А. Лупинская. – Москва : НОРМА : ИНФРА М, 2011. – 1088 с. – ISBN 978-5-917-68-181-8.
13. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 томах. Том 2 / И. Я. Фойницкий ; под редакцией А. В. Смирнова. – Санкт-Петербург : Альфа, 1996. – 607 с. – ISBN 5-87062-032-5.
14. Шабанов, В. Б. Понятие и значение уголовно-процессуальной деятельности органов, исполняющих наказания, на стадии исполнения приговора / В. Б. Шабанов, Л. Ю. Буданова, О. П. Александрова // Вестник Самарского института ФСИН России. – 2019. – № 4. – С. 86–91.
15. Foreign experience in ensuring the security of the penitentiary system and the possibility of its use in domestic practice / A. V. Shcherbakov, O. E. Mikhailova, I. B. Uskacheva [et al.] // Janus.net – 2018. – Vol. 9, no. 1. – Pp. 122–136.
16. International legal acts in the field of security and their implementation in the penal system of Russia / A. V. Shcherbakov, I. N. Smirnova, L. Y. Budanova, V. B. Shabanov // Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems. – 2020. – Vol. 12, no. 2 (Special Issue). – Pp. 387–390.

REFERENCES

1. Vandysh V.V. *Ugolovnyi protsess. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal procedure. The General part and the Special part]. Moscow: Volters Kluver, 2010. 720 p.
2. Volkolup O.V. *Sistema ugolovного sudoproizvodstva i problemy ee sovershenstvovaniya: monografiya* [Criminal justice system and problems of its improvement: monograph]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr press, 2003. 265 p.
3. Gaponov E.N. *Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya sudoproizvodstva pri ispolnenii prigovora: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Improvement of legal regulation of legal procedure in the execution of the sentence: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2009. 27 p.
4. Kutsova E.F. *Ispolnenie prigovora: lektsii* [Execution of a sentence: lectures]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1960. 66 p.
5. Manova N.S. *Ugolovnyi protsess: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Criminal procedure: textbook for universities]. Moscow: Yurait, 2019. 221 p.
6. Nikol'yuk V.V. *Ispolnenie prigovora: lektsiya* [Execution of a sentence: lecture]. Omsk: Yuridicheskii institut MVD Rossii, 1988. 35 p.
7. Perlov N.I. *Ispolnenie prigovora v sovetskom ugolovnom protsesse: uchebnoe posobie* [Execution of a sentence in the Soviet criminal process: textbook]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1963. 227 p.
8. Popov V.L. The sentence as a separate stage of criminal justice. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia*, 2017, no. 4 (50), pp. 22–24. (In Russ.).
9. Rozin N.N. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: posobie k lektsiyam* [Criminal proceedings: a guide to lectures]. Saint Petersburg: Pravo, 1914. 548 p.
10. Sluchevskii V. *Uchebник russkogo ugolovного protsessа. Sudostroistvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of Russian criminal procedure. Judicial system – legal proceedings]. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1913. 684 p.
11. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovного protsessа. V 2 tomakh. Tom 2. Poryadok proizvodstva po ugolovnym delam po sovetskomu ugolovno-protsessual'nomu pravu* [A course in the Soviet criminal procedure. In 2 volumes. Volume 2. Procedure for criminal cases in the Soviet criminal procedure law]. Moscow: Nauka, 1970. 616 p.
12. Lupinskaya P.A. (Ed.). *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebник* [Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook]. Moscow: NORMA: INFRA M, 2011. 1088 p.
13. Foinitskii I.Ya. *Kurs ugolovного sudoproizvodstva. V 2 tomakh* [A course in criminal proceedings. In 2 volumes]. Volume 2. Saint Petersburg: Alfa, 1996. 607 p.
14. Shabanov V.B., Budanova L.Yu., Aleksandrova O.P. The concept and meaning of criminal procedure activities of bodies executing punishments at the stage of execution of the sentence. *Vestnik Samarskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 4, pp. 86–91. (In Russian).
15. Shcherbakov A.V., Mikhailova O.E., Uskacheva I.B., Bogdanov M.N., Shatov S.A. Foreign experience in ensuring the security of the penitentiary system and the possibility of its use in domestic practice. *Janus.net*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 122–136.
16. Shcherbakov A.V., Smirnova I.N., Budanova L.Y., Shabanov V.B. International legal acts in the field of security and their implementation in the penal system of Russia. *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*, 2020, vol. 12, no. 2 (Special Issue), pp. 387–390.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВЯЧЕСЛАВ БОРИСОВИЧ ШАБАНОВ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

ЛЮДМИЛА ЮРЬЕВНА БУДАНОВА – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Академии ФСИН России, г. Псков, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КРАМАРЕНКО – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9662-0874>, e-mail: vkram39@mail.ru

VYACHESLAV B. SHABANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminalistics at the Legal Faculty, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

LYUDMILA YU. BUDANOVA – Candidate of Sciences (Law), senior lecturer at the Department of Organizing the Regime and Intelligence-Gathering Activities in the Penal System, Pskov Branch of the Academy of FSIN Russia, Pskov, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

VLADIMIR. P. KRAMARENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics at the Law Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9662-0874>, e-mail: vkram39@mail.ru

Теоретические аспекты взаимодействия подразделений специального назначения ФСИН России, Росгвардии и МВД России в сфере правоохранительной деятельности

С. В. ПОНИКАРОВ

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1450-6825>, e-mail: minrs@yandex.ru

Реферат. В статье впервые рассматриваются вопросы, связанные с взаимодействием подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы с иными (особыми) подобными органами, а именно: полицией и Федеральной службой войск национальной гвардии (включая отряд мобильный особого назначения и специальный отряд быстрого реагирования). Отмечается, что ранее данные подразделения находились в системе МВД России.

В работе представлены результаты исследования организационно-правового взаимодействия спецназа уголовно-исполнительной системы с иными органами в сфере правоохранительной деятельности. Утверждается, что сотрудничество указанных подразделений имеет наибольший потенциал при проведении специальных операций по пресечению чрезвычайных ситуаций, связанных с захватом заложников, массовыми беспорядками, побегам осужденных.

Фиксируются основные организационные критерии взаимодействия рассматриваемых подразделений. Дается авторское определение сущности организации взаимодействия отделов специального назначения уголовно-исполнительной системы с иными особыми подразделениями из других ведомств при чрезвычайных ситуациях в исправительных учреждениях. Описываются характерные черты рассматриваемого взаимодействия. Интеграция этих признаков позволила сформулировать научное определение исследуемого взаимодействия в широком смысле.

В статье анализируется специфика сотрудничества подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы с иными органами, которая предполагает установление межличностных контактов между руководителями подразделений. Делается акцент на научно-организационных принципах взаимодействия, таких как сбалансированность, мобильность, подготовленность. Предложено тактическое взаимодействие, которое состоит из плана действий, заблаговременной подготовки, управленческих решений и практических действий личного состава. В работе также представлены результаты эмпирического исследования, касающегося изучения вопроса объединения подразделений спецназа.

Ключевые слова: взаимодействие; организация и тактика; учреждения и органы ФСИН России; правоохранительная деятельность; спецназ уголовно-исполнительной системы; иные особые органы.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Поникаров С. В. Теоретические аспекты взаимодействия подразделений специального назначения ФСИН России, Росгвардии и МВД России в сфере правоохранительной деятельности. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 493–498. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-493-498.

Theoretical Aspects of Interaction between Special Forces Units of the Federal Penitentiary Service of Russia, the National Guard of Russia, and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Field of Law Enforcement

SERGEI V. PONIKAROV

Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1450-6825>, e-mail: minrs@yandex.ru

Abstract. The paper investigates a novel issue related to the cooperation between special forces units of the penal system and other (special) similar units, namely, the police and the National Guard (including the Special Purpose Mobile Unit and the Special Rapid Response Unit). We note that earlier these units were part of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The paper presents the results of a study of organizational and legal interaction of the special forces of the penal system with other bodies in the field of law enforcement. We argue that the cooperation between these units has the greatest potential in conducting special operations to prevent emergencies related to hostage-taking, mass riots, and escapes of convicts. We highlight major organizational criteria for interaction between the divisions under consideration. We put forward our own definition of the essence of organizing the interaction between special forces units of the penal system and special units of other agencies in emergency situations taking place in correctional institutions. We describe characteristic features of this interaction. The integration of these features allowed us to formulate a scientific definition of the interaction under consideration in a broad sense. The article analyzes specific features of cooperation between special forces units of the penal system and other bodies; these features involve the establishment of interpersonal contacts between the heads of these units. We emphasize the scientific and organizational principles of interaction, such as balance, mobility, and preparedness. We propose tactical interaction, which consists of an action plan, preliminary training, management decisions and practical actions of the personnel. The paper also presents the results of an empirical study on the integration of special forces units.

Key words: interaction; organization and tactics; institutions and bodies of FSIN Russia; law enforcement; special forces of the penal system; other special bodies.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor’s activity, human rights and law enforcement activities.

For citation: Ponikarov S.V. Theoretical aspects of interaction between special forces units of the Federal Penitentiary Service of Russia, the National Guard of Russia, and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of law enforcement. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 493–498. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-493-498.

В научной литературе рассмотрены некоторые проблемы взаимодействия правоохранительных органов [9, с. 15]. Однако вопросы взаимодействия подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы с иными подобными органами в сфере правоохранительной деятельности не подвергались комплексному анализу. Это объясняется тем, что юридически подразделения Росгвардии (войск национальной гвардии) созданы не так давно. Кроме того, из системы МВД России были переданы особые подразделения: отряд мобильный особого назначения (ОМОН) и специальный отряд быстрого реагирования (СОБР).

Анализ деятельности спецназа уголовно-исполнительной системы позволяет сде-

лать вывод, что взаимодействие с другими схожими органами МВД России и Росгвардии (ОМОН, СОБР) необходимо.

Несмотря на то что проблема взаимодействия занимает одно из центральных мест в теории и практике управления [1, с. 98; 8], вопросы взаимодействия подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы с подобными органами Росгвардии и МВД России до настоящего времени не рассматривались.

Существует большое количество определений понятия «взаимодействие». Различия в толкованиях, как правило, касаются лишь отдельных сторон рассматриваемого понятия, не затрагивают его сущности и сводятся к пониманию взаимодействия как

совместной, согласованной по целям (задачам), месту и времени деятельности сотрудников различных правоохранительных органов, как возможности комплексного использования этими органами предоставленных им средств в интересах всех участников взаимодействия.

Толковый словарь русского языка определяет взаимодействие как взаимную связь явлений, взаимную поддержку [6, с. 78]. В научной литературе данная категория рассматривается в узком и широком смысле. Взаимодействие в узком смысле – совместная или согласованная в пространстве и времени деятельность двух или более субъектов по достижению одной или нескольких общих целей [10, с. 16–18], в широком – универсальная система взаимозависимости явлений и процессов, такое состояние взаимодействующих субъектов, которое характеризуется их непрерывным воздействием друг на друга и взаимовлиянием. Кроме того, в широком смысле взаимодействие выступает как философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого. Суть взаимодействия заключается в совместной деятельности, направленной на решение общих задач (целей) конкретных органов, должностных лиц, занимающих при этом равноправное положение [7, с. 106].

Взаимодействие – сложный, динамичный и непрерывный процесс. Согласованность действий подразумевает активность всех субъектов, каждый из которых, осознавая свою роль в этом процессе и проявляя разумную инициативу, своевременно совершает необходимые действия.

Профессор В. Д. Малков рассматривал взаимодействие как одну из функций управления. По его мнению, с точки зрения структурно-логического анализа оно включает в себя субъекты, цели взаимодействия, механизм реализации функций [3, с. 122–123].

Следует подчеркнуть, что взаимные действия возможны при наличии некоторых условий. Во-первых, во взаимодействии должны участвовать как минимум два субъекта (например, спецназ ФСИН России и подразделения Росгвардии). Это означает, что каждый из участников должен ясно осознавать, что он выполняет возложенные функции совместно с другим субъектом. Во-вторых, должна быть общность целей и задач для всех участников взаимодействия.

Исходя из юридического содержания и значимости, система нормативных право-

вых актов, регулирующих правоохранительную деятельность подразделений специального назначения уголовно-исполнительной системы, представлена следующим образом:

1) международные правовые акты, подписанные и ратифицированные Российской Федерацией:

– Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. [4, с. 290–311];

– Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г. [4, с. 319–325];

– Международная конвенция по борьбе с захватом заложников 1979 г.;

– Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка 1990 г. [5, с. 212–220];

2) федеральные законы Российской Федерации:

1) от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»;

2) от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Общие вопросы взаимодействия отделов специального назначения уголовно-исполнительной системы России с аналогичными правоохранительными подразделениями закреплены в ряде нормативных правовых актов различного уровня, в частности Федеральном законе от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» и Указе Президента Российской Федерации от 30.09.2016 № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации».

Так, например, в соответствии с п. 30 ст. 9 федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» войска национальной гвардии наделяются полномочиями по пресечению массовых беспорядков в населенных пунктах, а при необходимости и в исправительных учреждениях.

Согласно п. 4 Указа Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» собственно в структуру данной службы включены:

1) специальные отряды быстрого реагирования территориальных органов Мини-

стерства внутренних дел Российской Федерации (СОБР);

2) отряды мобильные особого назначения территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (ОМОН).

Следовательно, специальные подразделения СОБР и ОМОН наделяются полномочиями по пресечению массовых беспорядков в пенитенциарных учреждениях России.

Более того, отделы специального назначения уголовно-исполнительной системы оказывают содействие другим особым органам, например подразделениям Российской гвардии и МВД России, в проведении специальных мероприятий:

- по обеспечению общественной безопасности и общественного правопорядка при возникновении чрезвычайных обстоятельств;

- обеспечению режимов чрезвычайного положения;

- изъятию оружия у населения (например, оказывая помощь);

- оцеплению места проведения специальной операции, проводимой иными особыми подразделениями (например, ОМОН, СОБР);

- разоружению незаконных вооруженных формирований, а в случае оказания ими вооруженного сопротивления – в их ликвидации и др.

В свою очередь иные особые подразделения Росгвардии и МВД России в рамках взаимодействия также способны оказать помощь отделам специального назначения уголовно-исполнительной системы в следующих видах правоохранительной деятельности:

- пресечение массовых беспорядков в исправительных учреждениях и следственных изоляторах;

- обеспечение безопасного функционирования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы;

- пресечение полетов беспилотных летательных объектов, выполняемых над территорией пенитенциарных учреждений;

- обеспечение следственно-оперативных мероприятий;

- охрана правопорядка;

- изъятие оружия, наркотических средств;

- задержание вооруженных преступников.

Сотрудничество отделов специального назначения уголовно-исполнительной системы с иными подразделениями МВД России и Росгвардии при чрезвычайных ситуациях в

исправительных учреждениях включает следующие организационные черты:

- 1) обеспечение единства стратегического курса;

- 2) решение проблем комплексного использования сил и средств отделов специального назначения;

- 3) обеспечение тактического единства действий привлекаемых сил и средств;

- 4) обеспечение открытого наращивания достаточных сил и средств.

Критерии организационного взаимодействия сводятся:

- а) к обеспечению единства понимания всеми сотрудниками замысла руководителя оперативного штаба;

- б) обеспечению твердого знания специальными подразделениями поставленных задач и способов совместных действий;

- в) систематизированному обмену информацией об оперативной обстановке; совместной разработке наиболее важных документов по организации служебной деятельности;

- г) согласованию намеченных мероприятий по выполнению приказов и иных документов;

- д) установлению и освоению единой системы сигналов взаимодействия.

Принципы организации взаимодействия будут реализовываться при наличии целостного планирования, согласованности в действиях отделов специального назначения. Среди принципов можно выделить сбалансированность, мобильность, подготовленность. Сбалансированность действий обеспечивает целесообразное распределение основных сил, единую стратегию и линию поведения. Мобильность позволяет оптимально использовать компоненты коллективных действий, варьировать резервы, рационально расходовать силы и средства отделов специального назначения. Подготовленность позволяет эффективно применять силы и средства при возникновении любой ситуации в исправительном учреждении.

Более того, принципы взаимодействия отражают закономерности совместной деятельности спецназа уголовно-исполнительной системы с иными специальными подразделениями других ведомств. Необходимо учитывать предельные возможности по управлению специальными подразделениями.

Таким образом, сущность организации взаимодействия отделов специального назначения уголовно-исполнительной системы с иными особыми подразделениями при чрезвычайных ситуациях в исправительных

учреждениях представляет собой совокупность согласованных принципов, прав и обязанностей, направленных в единое русло для обеспечения безопасности объектов уголовно-исполнительной системы.

Практика показывает, что взаимодействие состоит из таких обязательных элементов, отражающих стратегический аспект, как:

- координирование сил и средств;
- согласование порядка оповещения и взаимного информирования;
- определение мероприятий по боевому, морально-психологическому, тыловому, техническому и транспортному обеспечению;
- уточнение совместных действий и порядка оказания взаимной помощи.

Тактику взаимодействия спецназа уголовно-исполнительной системы с частями и соединениями войск национальной гвардии в особых условиях следует рассматривать как большое количество методических рекомендаций по осуществлению совместных действий при выполнении специальных задач в чрезвычайных ситуациях.

Считаем, что тактическое взаимодействие состоит из плана действий, заблаговременной подготовки управленческого решения, практических действий личного состава. В содержание тактики взаимодействия спецназа уголовно-исполнительной системы и соединений войск национальной гвардии следует включить и непосредственный служебно-контактный компонент, который предполагает установление межличностных связей как между руководителями, так и между сотрудниками спецподразделений. Взаимодействие наиболее эффективно при наличии прямых контактов между командирами отрядов, руководителями УМВД, Росгвардии, ФСИН России.

К другим вопросам организации взаимодействия относятся информационно-аналитическая работа, организация контроля и учета, проведение режимных мероприятий. Данные вопросы являются второстепенными, но от их решения во многом зависит выполнение поставленных задач.

Еще одним важным моментом является вопрос об объединении подразделений специального назначения в единую структуру [2].

В рамках исследования было проведено интервьюирование 224 сотрудников спецназа уголовно-исполнительной системы, силовых подразделений МВД России и Росгвардии Центрального федерального округа.

Большинство опрошенных (67 %) возражают против такого объединения, что объ-

ясняется узкой специализацией и направлением деятельности рассматриваемых подразделений. Треть респондентов (33 %), наоборот, считает, что объединение позволит более оперативно решать служебно-боевые вопросы, связанные с обеспечением правопорядка.

Так, например, основным назначением пенитенциарного спецназа является обеспечение безопасного функционирования уголовно-исполнительной системы, подразделений войск национальной гвардии – обеспечение государственной безопасности (охрана важных государственных объектов, сооружений, специальных грузов), силовых подразделений МВД России (например, «Гром») – обеспечение общественного порядка непосредственно в городе, районе и других населенных пунктах.

Полагаем, что постановка вопроса об объединении спецподразделений вполне справедлива, так как это позволит уравнивать спецназ уголовно-исполнительной системы, ОМОН, СОБР, войска национальной гвардии в социально-правовой и финансовой сфере. Например, у военнослужащих войск национальной гвардии размер заработной платы на порядок больше, чем у бойцов ОМОН, хотя они относятся к одному ведомству – Федеральной службе войск национальной гвардии. Это объясняется тем, что сотрудники отряда мобильного особого назначения имеют специальные (не военные) звания полиции, то есть они не обладают статусом военнослужащего национальной гвардии, у которого оклад денежного содержания выше.

На наш взгляд, причина нежелания объединить спецподразделения заключается в специфике выполняемых функций, а также в узковедомственных интересах каждого из подразделений. Сотрудники пенитенциарного спецназа регулярно оказывают содействие подразделениям МВД России в задержании преступников, обеспечении безопасности оперативно-розыскных мероприятий, охране общественного порядка (например, на выборах в Государственную Думу, губернатора), выполняя при этом не свойственные им функции. Привлечение полицейских подразделений для разрешения проблем, возникающих в исправительных учреждениях, происходит крайне редко.

Таким образом, преждевременно объединять отделы специального назначения уголовно-исполнительной системы с подразделениями полиции и войсками национальной гвардии. Полагаем, что спецназу уголовно-исполнительной системы необ-

ходимо дать большую самостоятельность в местах постоянной дислокации, сделав упор на взаимодействии с иными особыми подразделениями из других ведомств.

В заключение сформулируем научное определение взаимодействия подразделений специального назначения ФСИН России с другими структурами, под которым следует понимать основанную на нормативных

актах взаимосвязанную, согласованную в пространстве и времени правоохранительную деятельность спецназа уголовно-исполнительной системы и аналогичных органов Росгвардии, МВД России, направленную на достижение общей цели, решение общих задач в сфере обеспечения безопасности объектов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афанасьев, В. Г.** Научное управление обществом / В. Г. Афанасьев. – Москва : Политиздат, 1973. – 391 с.
2. **Гришин, Д. А.** Административно-правовое регулирование деятельности отделов специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний: современное состояние, проблемы и перспективы / Д. А. Гришин // *Административное право и процесс*. – 2011. – № 4. – С. 19–21.
3. **Малков, В. Д.** Планирование в управлении органами внутренних дел (теоретические и организационно-методические проблемы) : диссертация на соискание научного звания доктора юридических наук / Малков Вадим Дмитриевич. – Москва, 1979. – 453 с.
4. Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. – Москва : Юридическая литература, 1990. – 672 с. – ISBN 5-7260-0263-6
5. Международные акты о правах человека : сборник документов. – Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 2002. – 911 с. – ISBN 5-89123-606-0.
6. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2009. – 944 с. – ISBN 5-89285-003-X.
7. Организация управления в уголовно-исполнительной системе : учебник в 3 томах. Том 1. Общая часть / под общей редакцией Ю. Я. Чайки. – Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2002. – 532 с.
8. **Поникаров, С. В.** Классификация нормативных актов, регулирующих правоохранительную деятельность подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний / С. В. Поникаров // *Пенитенциарная наука*. – 2019. – Том 13, № 4. – С. 552–557.
9. **Старостин, С. А.** Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях (правовые и организационные аспекты) : автореферат диссертации на соискание ученого звания доктора юридических наук / Старостин Сергей Алексеевич. – Москва : Академия управления МВД России, 2000. – 469 с.
10. **Томин, В. Т.** Проблемы оптимизации сферы функционирования органов внутренних дел : учебное пособие / В. Т. Томин. – Горький : ГВШ МВД СССР, 1978. – 112 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev V.G. *Nauchnoe upravlenie obshchestvom* [Scientific management of society]. Moscow: Politizdat, 1973. 391 p.
2. Grishin D.A. Administrative and legal regulation of the activities of special forces units of the Federal Penitentiary Service: current state, problems and prospects. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2011, no. 4, pp. 19–21. (In Russian).
3. Malkov V.D. *Planirovaniye v upravlenii organami vnutrennikh del (teoreticheskie i organizatsionno-metodicheskie problemy): dissertatsiya na soiskaniye nauchnogo zvaniya doktora yuridicheskikh nauk* [Planning in the management of internal affairs bodies (theoretical, organizational and methodological aspects): Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1979. 453 p.
4. *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka: sbornik dokumentov* [International protection of human rights and freedoms: a collection of documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1990. 672 p.
5. *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka: sbornik dokumentov* [International human rights instruments: a collection of documents]. Moscow: NORMA-INFRA-M, 2002. 911 p.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyislovar' russkogoyazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 2009. 944 p.
7. Chaika Yu.Ya. (Ed.). *Organizatsiya upravleniya v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme: uchebnyk v z tomakh. Tom 1. Obshchaya chast'* [Organization of management in the penal system: textbook in two volumes. Volume 1. General part]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii, 2002. 532 p.
8. Ponikarov S.V. Classification of normative acts regulating the law enforcement activities of special units of institutions and agencies performing functions in the field of criminal penalties. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 552–557. (In Russian).
9. Starostin S.A. *Upravlenie organami vnutrennikh del pri chrezvychainykh situatsiyakh (pravovye i organizatsionnyye aspekty): avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenogo zvaniya doktora yuridicheskikh nauk* [Management of internal affairs bodies in emergency situations (legal and organizational aspects): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2000. 469 p.
10. Tomin V.T. *Problemy optimizatsii sfery funktsionirovaniya organov vnutrennikh del: uchebnoye posobie* [Problems of optimization of the sphere of functioning of internal affairs bodies: textbook]. Gorky: GVSh MVD SSSR, 1978. 112 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОНИКАРОВ – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1450-6825>, e-mail: minrs@yandex.ru

SERGEI V. PONIKAROV – post-graduate at the Department for Scientific and Pedagogical Personnel Training, Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1450-6825>, e-mail: minrs@yandex.ru

О необходимости формирования уголовно-процессуальных и криминалистических профессиональных компетенций у сотрудников исправительных учреждений ФСИН России

А. С. ШАТАЛОВ

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

А. В. АКЧУРИН

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

Реферат. В статье обосновывается мысль, что исправительные учреждения, осуществляя правоохранительные функции, напрямую связаны с угрозами противоправного поведения лиц, не желающих встать на путь исправления. Наиболее эффективное реагирование на факты преступных деяний, совершаемых осужденными, связано с реализацией принципа неотвратимости уголовного наказания за подобное поведение. Оперативность реагирования имеет первостепенное значение и во многом зависит от сотрудников исправительных учреждений. О его эффективности можно говорить только при использовании всего комплекса предоставленных в распоряжение сотрудников ФСИН России процессуальных и криминалистических инструментов.

На основе анализа уголовно-процессуального статуса учреждений, органов и должностных лиц ФСИН России, содержания их функциональных обязанностей предпринята попытка выявить наличие у сотрудников исправительных учреждений потребности в криминалистических знаниях.

Определены основные направления востребованности криминалистических знаний сотрудниками исправительных учреждений. К ним относятся: правоприменительная деятельность (для непосредственного использования при реализации уголовно-процессуальных полномочий, а также для опосредованного использования в основной деятельности по исполнению уголовных наказаний); образовательная деятельность (для подготовки кадров для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы); научно-исследовательская деятельность (для дальнейшей разработки проблем расследования пенитенциарных преступлений).

К л ю ч е в ы е с л о в а : исправительные учреждения; криминалистика; осужденные; уголовный процесс; пенитенциарные преступления; расследование преступлений; ФСИН России.

12.00.12 – Криминалистика; оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность.

Для цитирования: Шаталов А. С., Акчурин А. В. О необходимости формирования уголовно-процессуальных и криминалистических профессиональных компетенций у сотрудников исправительных учреждений ФСИН России. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 499–506. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-499-506.

On the Need to Develop Professional Competences in Criminal Procedure and Criminalistics in Corrections Officers of the Federal Penitentiary Service of Russia

ALEKSANDR S. SHATALOV

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

ALEKSANDR V. AKCHURIN

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

Abstract. The paper substantiates the idea that while performing law enforcement functions correctional institutions face the risks of illegal behavior on the part of those individuals who do not want to embark on the path of reformation. The most effective response to the facts of criminal acts committed by convicts is associated with the implementation of the principle of the inevitability of criminal punishment for such behavior. The speed of such a response is of paramount importance and depends on corrections officers themselves. The response can be effective only if officers of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN Russia) use the full range of procedural and criminalistic tools at their disposal. Based on the analysis of the criminal procedure status of institutions, bodies and officials of FSIN Russia and the content of their functional responsibilities, we make an attempt to find out whether corrections officers need criminalistic knowledge. We identify the main areas in which corrections officers demand criminalistic knowledge. These include: law enforcement (for direct use in the implementation of criminal procedure powers, as well as for indirect use in the implementation of their main activities aimed at the execution of criminal penalties), education (for training personnel for penal institutions and bodies), and research (for further elaboration on the issues related to the investigation of prison offences).

Key words: correctional institutions; criminalistics; convicts; criminal process; prison-related crimes; investigation of crimes; Federal Penitentiary Service of Russia.

12.00.12 – Criminalistics; intelligence-gathering activities; forensic expertise

For citation: Shatalov A.S., Akchurin A.V. On the need to develop professional competences in criminal procedure and criminalistics in corrections officers of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 499–506. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-499-506.

С точки зрения реализации государством принудительных мер воздействия на субъектов правоотношений, нарушающих действующие нормы законодательства, уголовно-исполнительная система фактически замыкает цепочку правоохранительных органов, оказывая финальное воздействие на подобных лиц с целью их исправления и осознания ими необходимости соблюдения принятых в государстве норм. Вместе с тем применение к конкретному лицу исправительного воздействия вовсе не означает, что осужденный изменит свое отношение к обществу, государству и закону. Довольно часто отбывающий уголовное наказание не стремится отказываться от привычного ему противоправного образа жизни. Статистические данные ФСИН России ежегодно отражают около тысячи преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях (в 2017 г. зарегистрировано 875 пенитенциарных преступлений, в 2018 г. – 914, в 2019 г. – 1015) [10]. Меры дисциплинарного характера в отношении спецконтингента, допускающего противоправные действия, как правило, не имеют длительного должного эффекта. Более того, осужденные, в отношении которых применяются

меры дисциплинарного характера, таким образом зарабатывают определенный авторитет в местах лишения свободы.

Наиболее действенной реакцией на противоправную деятельность осужденных является неотвратимость уголовного наказания за совершенные уголовно наказуемые деяния. Так, в ходе опроса, который проводился в 2018–2020 гг., из 126 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Республики Татарстан, Красноярского края, Московской, Тверской и Рязанской областей, 97,8 % отметили, что обретение свободы является для них наиболее существенным мотивом изменить свое поведение, поэтому любое увеличение срока отбывания наказания воспринимается ими весьма болезненно. Из личных бесед с 31 сотрудником исправительных учреждений ФСИН России, обучавшимся в Академии ФСИН России в 2017–2019 гг., можно сделать вывод, что именно этот фактор может являться существенным в реализации мер по преодолению противоправной деятельности лиц, пребывающих в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества.

Однако потенциал этой действенной меры на практике оказывается не всегда

реализуем сотрудниками исправительных учреждений. Сложившаяся ситуация – многоаспектна и неоднозначна, но суть ее, на наш взгляд, заключается в отсутствии у сотрудников исправительных учреждений определенных компетенций, позволяющих грамотно действовать в случае противоправной деятельности осужденных с целью привлечения последних к уголовной ответственности [13].

Деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы разнообразна. Помимо исполнения вступивших в законную силу приговоров судов она нацелена на исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений. Все работающие в ее подразделениях сотрудники обязаны поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего исполнения служебных обязанностей. Также они должны в установленном порядке проходить профессиональное обучение и (или) получать дополнительное профессиональное образование (ст. 12 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»). В ряде случаев деятельность сотрудников выходит за рамки уголовно-исполнительного законодательства, осуществляется в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и с учетом практических рекомендаций отечественной криминалистики, трансформируясь, таким образом, в сугубо познавательную, то есть процессуально-криминалистическую по сути. Она основывается на теоретико-методологических положениях универсального характера, свойственных этой деятельности как таковой, то есть безотносительно к конкретным территориям и осуществляющим ее субъектам. Вместе с тем такая деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы имеет специфические особенности, которые никак не учитываются не только в нормах УПК РФ, но и в ведомственных нормативных правовых актах. Тем не менее эти особенности хорошо описаны в специальной литературе, поскольку активно изучались и изучаются в рамках проводимых исследований, анализируются с научных позиций, осмысливаются и учитываются в соответствующих практических рекомендациях.

В этой связи уместно вспомнить, что проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительных учрежде-

ниях в период отбывания наказания, подробно рассматривались в трудах В. К. Колмейца (1969), Н. И. Кулагина (1977), А. П. Халявина (1978), М. А. Петуховского (1979), В. А. Ковалева (1982), В. В. Николюка (1990), Н. Г. Шурухнова (1992), С. Д. Аверкина (2011), С. П. Брылякова (2013), О. А. Малышевой (2014), А. А. Крымова (2016), В. И. Качалова (2018) и др. Изучению отдельных аспектов и уголовно-процессуальной, и сугубо криминалистической деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы были посвящены исследования Я. И. Гилинского (1967), А. И. Васильева (1970), И. Е. Карасева (1973), В. Н. Бибило (1979), А. И. Миненка (1985), Э. В. Рейтенбаха (1995), О. В. Воронина (2004), К. А. Синкина (2004), И. В. Пастухова (2005), О. П. Александровой (2006), А. В. Грищенко (2006), А. М. Лютынского (2006), С. А. Бирмамитовой (2007), В. А. Гнатенко (2007), А. В. Страхова (2007), Е. Р. Пудакова (2008), А. А. Камардиной (2012), С. Л. Миролубова (2012), О. В. Гужвы (2013), А. А. Нужиной (2014), Ю. А. Тябиной (2016), А. Ю. Антипова (2017), Л. Л. Санташовой (2017) и др. Именно им принадлежит заслуга теоретического обоснования и научного осмысления того факта, что деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, помимо всего прочего, присущ уголовно-процессуальный и криминалистический характер. Более того, практически все исследователи отмечали, что сотрудники недостаточно ориентированы на использование криминалистических знаний и реализацию уголовно-процессуальных полномочий, что негативно отражается на функционировании российской уголовно-исполнительной системы в целом. В результате осужденным, совершившим преступления в период отбывания назначенного судом наказания, удается избежать уголовной ответственности за новые противоправные действия. Все это убедительно свидетельствует о необходимости создания действенного механизма уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Общеизвестно, что уголовно-процессуальные и криминалистические знания являются востребованными прежде всего в деятельности сотрудников правоохранительных органов, призванных осуществлять выявление, раскрытие, расследование и предотвращение преступлений [12, с. 13]. Однако учреждения и органы уголовно-исполнительной системы в таком контексте практически никогда не упоминаются, хотя

относятся к правоохранительным органам. Нормативно закреплённого перечня таких органов на данный момент нет, но их назначение, функции, система, структура и решаемые задачи хорошо известны каждому юристу, поскольку рассматриваются в рамках учебной дисциплины «Правоохранительные органы», изучаемой во всех высших учебных заведениях юридического профиля [7, с. 22]. Более того, специально уполномоченными должностными лицами учреждений и органов ФСИН России предусмотрено осуществление оперативно-розыскной деятельности, в рамках которой, как правило, происходит выявление, раскрытие и пресечение противоправных замыслов подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях. Действующее уголовно-исполнительное законодательство, для реализации положений которого и были созданы учреждения и органы, образующие уголовно-исполнительную систему, основные их задачи видит не только в исполнении самих наказаний, но и в предупреждении совершения новых преступлений подозреваемыми, обвиняемыми и осуждёнными. Тем не менее безоговорочно признать наличие у учреждений и органов ФСИН России полноценной функции предварительного расследования пока не представляется возможным. Связано это с неконкретностью и противоречивостью отдельных предписаний УПК РФ, регламентирующих уголовно-процессуальную деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Так, согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 и п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ учреждения и органы уголовно-исполнительной системы имеют процессуальный статус органа дознания, что должно предполагать наличие вполне определенных полномочий по приему, регистрации и проверке сообщений о преступлениях в порядке ст. 144 УПК РФ, принятию итогового процессуального решения в порядке ст. 145 УПК РФ (о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела; о направлении материалов проверки по подследственности), производству неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ и т. д. Тем не менее правоприменительная практика в этой сфере пока весьма противоречива. Не последнюю роль в этом сыграло отсутствие у ФСИН России собственной подследственности, а также указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25.10.2013 № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятель-

ностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», которое фактически исходит из того, что данные учреждения и органы не являются полноценным органом дознания. Да, оно отчасти признает сложившуюся практику по приему, рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях учреждениями и органами ФСИН России. В то же время не одобряет принятие ими любых процессуальных решений, исключая, пожалуй, передачу материалов предварительной проверки по подследственности в установленный законом срок. Что касается производства неотложных следственных действий, которые в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ начальники исправительных учреждений могут производить после принятия решения о возбуждении уголовного дела, то прокурорским работникам предписывается непременно устанавливать исключительность обстоятельств, вынудивших начальника исправительного учреждения возбудить уголовное дело для производства неотложных следственных действий. В результате сложилась ситуация, в которой органы прокуратуры, невзирая на предписания УПК РФ, не признают начальников исправительных учреждений полноценным органом дознания фактически, но допускают при этом возможность возбуждения ими уголовных дел для производства неотложных следственных действий. Ситуация усугубляется тем, что органы дознания и предварительного следствия на местах обычно не возбуждают уголовные дела о совершенном или готовящемся на территории исправительного учреждения преступлении, пока не получат об этом официальное уведомление и материалы доследственной проверки, собранные по соответствующему поводу и переданные им по подследственности из конкретного исправительного учреждения.

Изучение материалов уголовных дел о преступлениях осуждённых в местах лишения свободы показало, что помимо рапортов, объяснений и разного рода справочных сведений, собранных на этапе проверки протокола о преступлении, фигурируют протоколы осмотра места происшествия, освидетельствования и акты просмотра записей с видеокамер, режиссуры постановлений о назначении судебных экспертиз. Таким образом, сотрудники исправительных учреждений, рассматривая сообщения о совершенных или готовящихся осуждёнными преступлениях, регулярно осуществляют разнообразные проверочные действия, но вместе с тем не воспринимаются главным надзорным органом страны в качестве самостоятельного

органа дознания. Мириться с такой практикой, признавать ее соответствующей букве закона нельзя, в частности, потому, что такое отношение порождает сомнение в целесообразности формирования у сотрудников исправительных учреждений знаний, умений и навыков, столь необходимых им на начальном этапе производства по уголовному делу. Более того, в повседневной работе им постоянно приходится применять криминалистические знания (в частности, при ежедневной идентификации личности осужденных (при общих проверках, проверках на КПП и т. д.), описании признаков их внешности и особых примет в ориентировках, дактилоскопировании и постановке этих лиц на различные криминалистические учеты, опознавательной фотосъемке, аудио-, видеозаписи и анализе их материалов).

Также необходимо отметить значимость обнаружения и использования запаховых следов в деятельности сотрудников охраны вообще и кинологов исправительных учреждений в частности. Именно они обеспечивают служебную подготовку и повседневное применение служебных собак для досмотра транспортных средств, покидающих территорию исправительного учреждения, патрулирования внутренних запретных зон охраняемых объектов, розыска и задержания осужденных, совершающих побеги, поиска и обнаружения наркотических средств, взрывчатых веществ, огнестрельного оружия и боеприпасов, осуществления оперативно-розыскных, режимных и профилактических мероприятий. Давно замечено, что кинолог со служебной собакой своим видом и поведением оказывает важное психологическое воздействие на правонарушителей, заставляя их отказываться от преступных намерений [8]. Во многих исправительных учреждениях создаются банки запаховых следов осужденных, состоящих на профилактическом учете. В УФСИН России по Республике Мордовия и УФСИН России по Калужской области, например, накоплен положительный опыт обнаружения по запаху средств мобильной связи, находящихся на территории исправительного учреждения [2]. Сейчас он активно внедряется в работу кинологических подразделений исправительных учреждений других территориальных органов [1; 5; 6].

Значимость служебных собак для каждого исправительного учреждения подтверждается еще и тем, что при расследовании пенитенциарных преступлений следователю или дознавателю вполне может потребоваться помощь специалиста-кинолога исправительного учреждения при производ-

стве следственных действий [9]. Более того, при полном, объективном и всестороннем расследовании преступлений, совершенных осужденными в местах лишения свободы, определяющую роль играют результаты оперативно-розыскной деятельности и режимных мероприятий, которыми располагают учреждения и органы уголовно-исполнительной системы. Это вполне закономерно, поскольку предмет доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными, имеет ряд особенностей, обусловленных субъективной стороной и субъектом преступления, а также разновидностями причиняемого такими преступлениями вреда. Важнейшая его составляющая – установление обстоятельств, характеризующих последствия преступного деяния, поскольку все преступления при таком стечении обстоятельств непременно становятся повторными. Знание и понимание особенностей предмета и пределов доказывания позволяют дознавателю, следователю, а затем и суду правильно, без ущемления прав и законных интересов граждан, пребывающих в статусе осужденных, расследовать и разрешать конкретные уголовные дела, последовательно и целенаправленно осуществлять борьбу с преступностью в их среде уголовно-правовыми средствами, вести действенную профилактическую работу. При этом специфику имеют следующие обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию: место совершения преступления (обуславливает время и характер новых действий осужденного); способ совершения противоправных действий и другие обстоятельства, оказывающие воздействие на обстановку преступления; личность потерпевшего; личность подозреваемого; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

По действующему законодательству, результаты оперативно-розыскной деятельности и режимных мероприятий учреждений и органов уголовно-исполнительной системы не могут расцениваться в качестве доказательств по уголовным делам, но они могут способствовать формированию качественной доказательственной базы и правильной организации самого процесса доказывания, обеспечивая, таким образом, эффективность процессуальных и, в первую очередь, следственных действий. С учетом данных обстоятельств считаем, что к материалам уголовных дел о преступлениях осужденных помимо соответствующих постановлений и протоколов следственных действий непременно должны приобщаться документы, со-

ставленные сотрудниками уголовно-исполнительной системы, содержащие сведения, имеющие значение для полного, объективного и всестороннего расследования.

Для того чтобы такие документы могли приобрести доказательственное значение, составляющие их сотрудники исправительных учреждений должны иметь четкое представление о том, когда, как и какие именно действия им необходимо произвести в случае совершения осужденными преступлений, каким образом осуществлять взаимодействие с органами дознания и предварительного следствия, какие факторы, негативно влияющие на расследование пенитенциарных преступлений, могут иметь место в той или иной следственной ситуации, как они могут нейтрализовать их последствия и т. д. Несмотря на очевидные точки соприкосновения практики исполнения наказаний с досудебным производством по уголовным делам и рекомендациями криминалистической науки, многие сотрудники исправительных учреждений не стремятся к приобретению профессиональных компетенций в сфере уголовного процесса и криминалистики, полагая, что они имеют значение лишь для тех представителей российских правоохранительных органов, которые непосредственно осуществляют предварительное следствие либо дознание в силу своих основных должностных обязанностей. Переход ведомственных образовательных учреждений на двухуровневую систему подготовки и новые федеральные государственные образовательные стандарты эту ситуацию не исправили, а напротив, усугубили, поскольку начиная с 2011 г. бюджет учебного времени на изучение этих учебных дисциплин в вузах ФСИН России был существенно сокращен. Причем если курс уголовного процесса при этом потерял относительно небольшое количество часов, то по курсу криминалистики их общее количество было сокращено почти вдвое.

Другим негативным фактором является то, что в настоящее время в территориальных органах следствия и дознания повсеместно отсутствует специализация по расследованию пенитенциарных преступлений. Важно отметить, что в советский период существовал корпус следователей управлений лесных исправительно-трудовых учреждений и следователей прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительно-трудовых учреждениях [14, с. 114]. В настоящее время следователи и дознаватели органов внутренних дел, к чьей подследственности действующее законодательство

относит большинство разновидностей преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, не видят необходимости специализироваться на их расследовании, поскольку занимаются этим не регулярно, а лишь от случая к случаю.

Отрадно отметить, что на фоне ведомственной разобщенности научный интерес к проблемам расследования пенитенциарных преступлений постепенно усиливается. Большое количество диссертаций и научных работ за последние два десятилетия являются тому подтверждением. Ряд авторов пришел к выводу о необходимости выделения особой сферы криминалистических знаний. В. В. Николаиченко, например, впервые поставил вопрос о целесообразности формирования «частной криминалистической теории наказательной преступности, которая будет лежать в основе разработки и применения средств и методов расследования и предотвращения преступлений, совершенных лицами, имеющими судимость». Ее задачу он видит в том, чтобы «высветить» криминалистически значимые последствия применения уголовного наказания [4, с. 23]. В. С. Ишигеев и И. П. Парфиненко на одной из международных научно-практических конференций инициировали обсуждение вопроса о самостоятельной природе учения о пенитенциарной криминалистике. В своих работах они привели отличительные признаки пенитенциарных преступлений и описали примерное содержание предложенного ими криминалистического учения [3, с. 358].

Вместе с тем следует отметить и негативные факты. В последнее время степень научной разработки рассматриваемых проблем резко снизилась. За последние пять лет фактически не было защищено ни одной диссертации по расследованию преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях.

Важно отметить, что из всех образовательных организаций и научных учреждений, потенциально способных осуществлять исследования по проблемам расследования пенитенциарных преступлений, большинство из них проводилось в вузах ФСИН России. В этой связи нельзя не отметить роль профессоров Н. Г. Шурухнова и А. А. Крымова, которые сейчас возглавляют научные школы, некогда зародившиеся в Академии ФСИН России («Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях», «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы»), инициируют и проводят активную

работу по внедрению процессуальных и криминалистических компетенций в профессиональную деятельность сотрудников ФСИН России. Под их научным руководством подготовлено и защищено немалое количество диссертаций, нацеленных на решение конкретных уголовно-процессуальных и криминалистических проблем, имеющих место в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [11].

Подводя итог, следует констатировать, что за последние годы произошло много позитивных перемен в порядке и условиях исполнения уголовных наказаний. Тем не менее ряд важных задач в этой сфере по-прежнему ожидает своего решения. Одной из них является формирование новых и преумножение уже имеющихся профессиональных компетенций у сотрудников учреждений и органов ФСИН России.

Основными выводами, сделанными в ходе исследования проблемы формирования уголовно-процессуальных и криминалистических профессиональных компетенций у сотрудников исправительных учреждений ФСИН России, являются следующие:

1. Необходимость формирования указанных компетенций обусловлена объективными потребностями в реализации целей и задач, стоящих перед исправительными учреждениями.

2. Низкая степень заинтересованности в формировании уголовно-процессуальных и криминалистических компетенций у сотрудников исправительных учреждений ФСИН России и слабая популяризация подобной потребности у практических сотрудников уголовно-исполнительной системы связаны, с одной стороны, с отсутствием в структуре ФСИН России, ее учреждениях и органов штатных подразделений, осу-

ществляющих функции предварительного расследования, с другой – с отсутствием ведомственного интереса иных правоохранительных органов (кроме ФСИН России) на специализации расследования пенитенциарных преступлений.

3. Анализ и осмысление системы профессиональной подготовки сотрудников для исправительных учреждений ФСИН России, а также правоприменительной практики позволяет прийти к выводу, что какого-то универсального способа формирования уголовно-процессуальных и криминалистических компетенций у сотрудников уголовно-исполнительной системы не существует. Необходим комплексный подход – недостаточно только увеличить количество учебных часов, отводимых в вузах ФСИН России на дисциплины «Уголовный процесс», «Криминалистика», и скорректировать тематические планы. В личных беседах практически сотрудники ФСИН России высказывали следующие пожелания:

– введение спецкурсов в рамках базового ведомственного образования, предусматривающих изучение частных вопросов деятельности сотрудников при совершении пенитенциарного преступления и его расследовании;

– разработка специализированных курсов повышения квалификации для действующих сотрудников исправительных учреждений;

– разработка научно обоснованных, максимально лаконичных, интуитивно понятных алгоритмов действий сотрудников исправительных учреждений на предварительном этапе расследования пенитенциарных преступлений, а также примерных образцов документов, необходимых для документирования противоправной деятельности осужденных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Псковском УФСИН появилась собака, адресованная на поиск мобильных телефонов // УФСИН России по Псковской области : официальный сайт. – URL: http://60.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=114533 (дата обращения: 24.08.2020).
2. В УФСИН Мордовии кинологи прошли обучение со служебными собаками по поиску средств сотовой связи // УФСИН России по Республике Мордовия : официальный сайт. – URL: <http://info-rm.com/2012/10/31/v-ufsin-mordovii-kinologi-proshli.html> (дата обращения: 11.09.2020).
3. **Ишигеев, В. С.** К вопросу создания учения о «пенитенциарной криминалистике» / В. С. Ишигеев, И. П. Парфиненко // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции : в 2 томах – Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. – Том 1. – С. 358–361. – ISBN 978-5-9538-0042-6.
4. **Николайченко, В. В.** Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Николайченко Виктор Викторович. – Саратов, 2006. – 453 с.
5. Передовой опыт УФСИН Мордовии перенимают коллеги из Чувашии // УФСИН России по Республике Мордовия : официальный сайт. – URL: http://www.13.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=54871 (дата обращения: 11.09.2020).
6. Пять мобильных телефонов обнаружила служебная собака в исправительном учреждении Приморья // Новости Приморского края : сайт. – URL: <http://primpress.ru/article/24258> (дата обращения: 11.09.2020).
7. **Стойко, Н. Г.** Правоохранительные органы : учебник / под редакцией Н. Г. Стойко, Н. П. Кирилловой, И. И. Лодыженской. – Москва : Юрайт, 2019. – 518 с. – ISBN 978-5-534-10654-1.
8. **Тевосян, А. Т.** О введении понятия «кинологический расчет» в деятельность кинологической службы уголовно-исполнительной системы / А. Т. Тевосян // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание,

исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.) : в 8 томах. – Рязань : Академия ФСИН России, 2017. – Том 7. – С. 425–428. – ISBN 978-5-7743-0908-5.

9. **Фомин, Ю. С.** Проблемы расследования преступлений, совершенных в условиях исправительных учреждений, в современных условиях / Ю. С. Фомин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 4. – С. 204–209.

10. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // ФСИН России : официальный сайт. – URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 28.10.2020).

11. **Шурухнов, Н. Г.** Классификация криминалистических методик расследования преступлений, ее теоретическое и практическое значение / Н. Г. Шурухнов // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 252–256.

12. **Шурухнов, Н. Г.** Криминалистика : учебное пособие / Н. Г. Шурухнов. – Москва : Юристъ, 2005. – 639 с. – ISBN 5-7975-0536-3.

13. **Шурухнов, Н. Г.** Некоторые причины и условия совершения должностными лицами действий, явно выходящих за пределы полномочий: незаконное воздействие на лиц, лишенных свободы / Н. Г. Шурухнов, Н. Е. Мерецкий, В. С. Ишигеев // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 5. – С. 772–781.

14. **Шурухнов, Н. Г.** Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шурухнов Николай Григорьевич. – Москва, 1991. – 475 с.

REFERENCES

1. Characteristics of persons held in correctional colonies for adults. *FSIN Russia: official website*. Available at: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (accessed October 28, 2020). (In Russ.).
2. Shurukhnov N.G. *Kriminalistika: ucheb. posobie* [Criminalistics: textbook]. Moscow: Yurist, 2005. 639 p.
3. Stoiko N.G. *Pravookhranitel'nye organy: uchebnik* [Law enforcement agencies: textbook]. Moscow: Yurait, 2019. 518 p.
4. Tevosyan A.T. On the introduction of the term "canine detachment" in the activities of the canine unit of the penal system. In: *III Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii): sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov (g. Ryazan', 21–23 noyab. 2017 g.): v 8 t. T. 7: Materialy kruglykh stolov "Osushchestvlenie operativno-rozysknoi deyatel'nosti v uchrezhdeniyakh UIS na sovremennom etape", "Nauka i praktika v obespechenii rezhima v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh", "Kinologicheskoe obespechenie deyatel'nosti FSIN Rossii: teoreticheskie osnovy i prakticheskii opyt"* [Third international penitentiary forum "Crime, punishment, reformation" (commemorating the 20th anniversary of the entry into force of the Criminal Executive Code of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, November 21–23, 2017): in 8 volumes. Volume 7: Proceedings of round tables "Implementation of intelligence-gathering activities in penal institutions at the present stage", "Science and practice in ensuring the regime in penal institutions", "Cynological support of the Federal Penitentiary Service of Russia: theoretical foundations and practical experience"]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2017. Pp. 425–428. (In Russ.).
5. In the Department of the Federal Penitentiary Service of Mordovia dog handlers have been training working dogs for the search of cellular phones. *Official website of UFSIN Russia in the Republic of Mordovia*. Available at: <http://info-rm.com/2012/10/31/v-ufsin-mordovii-kinologi-proshli.html> (accessed September 11, 2020). (In Russ.).
6. *Colleagues from Chuvashia adopt best practices of UFSIN Mordovia*. Available at: http://www.13.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=54871 (accessed September 11, 2020). (In Russ.).
7. In UFSIN Pskov there is a dog trained to search for mobile phones. *Official website of UFSIN Russia in the Pskov Oblast*. Available at: http://60.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=114533 (accessed August 24, 2020). (In Russ.).
8. Five mobile phones were found by a working dog in a correctional facility in Primorye. *Website of the news of Primorsky Krai*. Available at: <http://primpress.ru/article/24258> (accessed September 11, 2020). (In Russ.).
9. Fomin Yu. S. Problems of investigating the penitentiary crimes in present-day conditions. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2012, no. 4, pp. 204–209. (In Russ.).
10. Shurukhnov N.G. *Rassledovanie i preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Investigation and prevention of prison-related crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1991. 475 p.
11. Shurukhnov N.G. Classification of forensic techniques of crime investigation, its theoretical and practical value. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 252–256. (In Russ.).
12. Nikolaichenko V.V. *Penitentsiarnye i postpenitentsiarnye prestupleniya: kriminalisticheskaya teoriya i praktika: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Prison-related crimes and re-offending after release: criminalistic theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2006. 453 p.
13. Shurukhnov N.G., Meretskii N.E., Ishigeev V.S. Some causes and conditions of manifest excesses of authority by penitentiary employees: unlawful acts against inmates. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 772–781. (In Russ.).
14. Ishigeev V.S., Parfenenko I.P. Revisiting the issue concerning the creation of the doctrine of penal criminalistics. In: *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sb. materialov XXII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 2 t.* [Activities of law enforcement agencies in modern conditions: proceedings of the 22nd international scientific-practical conference]. Irkutsk: FGOU VO VSI MVD Rossii, 2017. Volume 1. Pp. 358–361. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru
АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ АКЧУРИН – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru
ALEKSANDR V. AKCHURIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

Государственная служба в правоохранительной сфере и ее основные признаки¹

Р. В. НАГОРНЫХ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Р е ф е р а т. Статья посвящена проблемам определения основных признаков государственной службы в правоохранительной сфере, ее места в механизме административно-правового регулирования. Целями работы являются рассмотрение государственной службы в правоохранительной сфере в качестве единой правовой категории, раскрытие ее характерных признаков и сущности как социальной системы, научная классификация ее составных элементов и раскрытие их административно-правового содержания.

Автором выделены основные функциональные признаки государственных органов, служба в которых является правоохранительной:

- государственно-властный характер деятельности;
- наделенность исполнительно-распорядительными (административными) полномочиями;
- особое функционально-целевое предназначение;
- применение специальных мер правового воздействия на основе использования методов убеждения и принуждения;
- особый правовой статус.

Обоснован вывод о том, что практическое решение вопроса об отнесении государственной службы в том или ином государственном органе к правоохранительной может быть осуществлено посредством законодательного определения понятия правоохранительной деятельности государства, правоохранительных функций государственных органов и системы государственных органов, осуществляющих правоохранительные функции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: государственная служба; административно-правовое регулирование; правоохранительная деятельность; правоохранительные функции; правовое принуждение.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Для цитирования: Нагорных Р. В. Государственная служба в правоохранительной сфере и ее основные признаки. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 507–513. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-507-513.

State Service in the Law Enforcement Sphere and Its Major Features²

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

¹ Статья написана на основе материалов диссертации автора на соискание ученой степени доктора юридических наук «Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере», публикуется впервые.

² The paper is based on the materials of the author's Doctor of Sciences (Law) dissertation "Administrative and legal regulation of the state service of the Russian Federation in the law enforcement sphere", it is published for the first time.

Abstract. The article investigates the main features of state service in the law enforcement sphere and the place of state service in administrative and legal regulation mechanism. The goals of the work are as follows: to consider state service in the law enforcement sphere as a single legal category, to reveal its essence and characteristic features as a social system, to provide a scientific classification of its constituent elements and disclose their administrative and legal content. We highlight the following main functional features of those state bodies the service in which can be called law enforcement activity: state and power-based nature of activity, exercising executive and administrative powers, special functional and target purpose, application of special measures of legal influence based on the use of persuasion and coercion methods, and a special legal status. We conclude that practical solution to the question of classifying state service in a particular state body as law enforcement activity may be found through legislative definition of the concept of law enforcement activity of the state, law enforcement functions of state authorities, and the system of state authorities exercising law enforcement functions.

Key words: state service; administrative and legal regulation; law enforcement activity; law enforcement functions; legal enforcement.

12.00.14. – Administrative law; administrative process.

For citation: Nagornykh R.V. State service in the law enforcement sphere and its major features. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 507–513. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-507-513.

Рассмотрение государственной службы в правоохранительной сфере в качестве единой правовой категории позволяет раскрыть ее характерные признаки и сущность как социальной системы, дать научную классификацию ее составных элементов и описать их административно-правовое содержание. Наиболее эффективное решение поставленных задач возможно на основе применения интегративного подхода, который позволяет не только выявить общие черты и признаки системы государственной службы в правоохранительной сфере, но и уяснить особенности ее элементов, их групп, объединяемых в отдельные подсистемы, а также определить ее неэтичные особенности [7], что имеет принципиальное значение с точки зрения формирования новой модели государственной службы в правоохранительной сфере.

Рассмотрение государственной службы в правоохранительной сфере как социально-правовой системы предполагает:

- исследование ее функциональной среды, выявление взаимозависимостей с другими социальными системами (системой государственной службы, правоохранительной системой, государством и обществом, функциональной средой);

- изучение ее внутренней структуры и содержания, составных элементов и связей между ними, а также их правового регулирования;

- выявление основных социально-гуманистических начал службы и их позитивации в действующем законодательстве.

На этой основе может быть дана общая характеристика системы государственной службы в правоохранительной сфере как единого социально-правового явления.

Государственная служба в правоохранительной сфере относится к разновидности профессиональной деятельности граждан на должностях в государственных органах, осуществляющих различные виды правоохранительной деятельности [9]. Сущность и содержание системы государственной службы в правоохранительной сфере, ее социальное назначение детерминированы прежде всего внешней средой функционирования, которая охватывает специфические общественные отношения, связанные с защитой интересов личности, общества и государства от различного рода угроз административно-деликтного, криминального, а также природного и техногенного характера. При этом в структуре правопорядка, то есть в структуре общественных отношений, урегулированных нормами права и охраняемых государством, можно выделить группу общественных отношений, имеющих особое социальное значение и охраняемых специальными правовыми мерами. Речь идет об общественных отношениях, охраняемых законодательством об административных правонарушениях и уголовным законодательством. На наш взгляд, именно рассмотрение законодателем отдельных видов общественных отношений в качестве объектов административно-правовой и уголовно-правовой защиты является основополагающим критерием понимания содержания и структуры как правоохранительной деятельности, так и государственной правоохранительной службы.

В общем виде внешняя функциональная среда правоохранительной деятельности может быть определена как совокупность различных общественных отношений, урегулированных нормами права и охраняемых

специальными правовыми мерами и средствами на основе правовых методов убеждения и принуждения.

Функциональная среда правоохранительной деятельности состоит из особых групп общественных отношений, имеющих наивысшую социальную ценность и нуждающихся в усиленной защите со стороны государства, а именно из общественных отношений, правовая защита которых предусматривается особыми частями КоАП РФ и УК РФ. Данные общественные отношения имеют специфические объекты, охрана и защита которых осуществляются в рамках правоохранительной деятельности в ее узком понимании.

Исходя из анализа ст. 1.2 КоАП РФ и ст. 2 УК РФ, определяющих задачи законодательства об административных правонарушениях и уголовного законодательства, можно составить перечень объектов юридической защиты, являющихся приоритетными для государства и общества:

- личность (человек и гражданин), ее права и свободы;
- здоровье граждан;
- санитарно-эпидемиологическое благополучие населения;
- общественная нравственность;
- окружающая среда;
- установленный порядок осуществления государственной власти;
- общественный порядок и общественная безопасность;
- собственность;
- экономические интересы физических и юридических лиц, общества и государства;
- конституционный строй Российской Федерации;
- мир и безопасность человечества.

Именно необходимость защиты данных объектов обуславливает применение широкого спектра правовых мер профилактики, пресечения, обеспечения производства по делам, привлечения к ответственности, правовосстановления, которые в свою очередь определяют содержание правоохранительной деятельности государства и ее основные функции. Названные меры в соответствии с действующим законодательством выступают специфическими средствами охраны и защиты указанных нами объектов и не могут применяться для защиты других объектов правоотношений. В связи с этим в качестве основной функции правоохранительной деятельности государства может рассматриваться именно противодействие преступности и административным правонарушениям, общий совокупный объект

которых и составляет, собственно говоря, предмет правоохранительной деятельности в ее узком понимании.

Основная правоохранительная функция государства может иметь различные подвиды. Так, К. Ф. Гуценко и М. А. Ковалев рассматривают в качестве таковых конституционный контроль; правосудие; прокурорский надзор; выявление, расследование и предупреждение правонарушений (преступлений); организационное обеспечение деятельности судов; обеспечение государственной и общественной безопасности; оказание юридической помощи [3, с. 8]. Во многом схожую позицию занимает В. П. Божьев, по мнению которого к правоохранительным функциям (деятельности) государства относятся конституционный контроль; осуществление правосудия; прокурорский надзор; оперативно-розыскная деятельность; выявление и раскрытие преступлений; обеспечение государственной безопасности; исполнение судебных решений; охранная деятельность и предупреждение преступлений и иных правонарушений; оперативно-розыскная деятельность; оказание квалифицированной юридической помощи [8, с. 21].

Обе точки зрения, безусловно, заслуживают внимания, однако требуют уточнения. Представляется, что к функциям, которые имеют непосредственное отношение к правоохранительной деятельности государственных органов в широком значении, можно отнести отправление правосудия; прокурорский надзор; борьбу с преступностью (либо противодействие преступности); защиту собственности; охрану общественного порядка; обеспечение личной, общественной и государственной безопасности; исполнение решений о привлечении к юридической ответственности судебных и иных органов в рамках производства по уголовным делам и делам об административных правонарушениях.

Функции конституционного контроля и оказания юридической помощи, на наш взгляд, не входят непосредственно в предмет правоохранительной деятельности в ее узком понимании, а присущи правоохранительной деятельности в широком, общегосударственном значении. При этом функции отправления правосудия и прокурорского надзора в силу своей специфики, обусловленной наличием особого конституционно-правового регулирования и действием специального законодательства, также должны рассматриваться за пределами правоохранительной деятельности в ее узком значении.

В целом к правоохранительной деятельности в узком понимании следует отнести борьбу с преступностью, включая профилактику правонарушений, а также раскрытие (выявление) и расследование преступлений; охрану общественного порядка; обеспечение личной и общественной безопасности, исполнение решений судебных и контролирующих органов. Названные правоохранительные функции осуществляются специализированными правоохранительными органами исполнительной власти, которые в свою очередь также образуют соответствующую отраслевую правоохранительную подсистему.

Важно отметить, что в настоящее время система правоохранительных органов государства (правоохранительная система) в организационно-правовом аспекте сформирована наиболее отчетливо и ее функционально-целевая идентификация в системе государственного управления не вызывает серьезных споров. Многие исследователи, говоря о правоохранительной системе государства в узком значении, имеют в виду прежде всего органы судебной власти, органы прокуратуры и непосредственно правоохранительные органы исполнительной власти. При этом застарелой проблемой является законодательная неопределенность основных понятий, относящихся к правоохранительной деятельности, ее целей, задач, функций, системы и т. д. В этой связи сложно возразить В. М. Исаенко, обосновавшему необходимость принятия федерального закона «О правоохранительной деятельности» [5, с. 163].

На наш взгляд, наиболее точную классификацию государственных органов, входящих в правоохранительную систему государства, предлагает В. В. Черников. По его мнению, в ее структуре наряду с органами, обладающими особым конституционно-правовым статусом (суд, прокуратура, а в настоящее время и Следственный комитет Российской Федерации (СК РФ)), следует особо выделять непосредственно правоохранительные органы исполнительной власти, осуществляющие правоохранительную деятельность в ее узком значении [11, с. 5].

Таким образом, понимая под системой совокупность элементов и отношений, закономерно связанных друг с другом в единое целое, которое обладает особенными интегративными свойствами, отсутствующими у отдельных элементов и отношений, можно дать следующее определение правоохранительной системы государства: это совокупность государственных органов, наделенных в установленном порядке

полномочиями в области осуществления правосудия, прокурорской и следственной деятельности, а также исполнительно-распорядительными полномочиями в сфере защиты прав и интересов граждан от противоправных посягательств, борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения личной и общественной безопасности, исполнения решений о привлечении к юридической ответственности посредством применения правовых мер убеждения и принуждения, а также иных социальных функций в рамках осуществления административной, оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной деятельности. Особое место в структуре правоохранительной системы государства занимают правоохранительные органы исполнительной власти, которые специализируются на осуществлении правоохранительной деятельности в ее узком понимании.

Правоохранительная деятельность определяет не только содержание и структуру правоохранительной системы государства, но и содержание государственной правоохранительной службы. На основе анализа правоохранительных функций государства представляется возможным определить виды государственной службы в правоохранительной сфере. Исходным постулатом для такой классификации может послужить тезис о том, что система государственной правоохранительной службы производна от правоохранительной деятельности государства.

Следует отметить, что в настоящее время правоохранительные функции закреплены за различными государственными органами, которые имеют отличающийся правовой статус и не всегда однозначно идентифицируются с определенной ветвью государственной власти. Особенно ярко эта проблема просматривается в отношении органов прокуратуры и следственных органов (в части органов СК РФ), обладающих особым правовым статусом.

По нашему мнению, относительно определения правового статуса органов прокуратуры следует согласиться с точкой зрения А. М. Тарасова, утверждавшего, что «прокуратура, осуществляя прокурорский надзор и являясь самостоятельным и независимым государственным контрольно-надзорным органом, в том числе и за правоохранительной деятельностью, представляет собой самостоятельный государственный орган, не относящийся ни к одной из ветвей власти,

перечисленных в ст. 10 Конституции Российской Федерации» [10, с. 34–38].

В специальных исследованиях, посвященных анализу мировой практики определения правового положения органов прокуратуры в различных государствах, приводятся примеры их отнесения к различным ветвям власти [4]. В современной России органы прокуратуры по кругу решаемых задач и реализации ряда исполнительно-распорядительных функций, безусловно, относятся к правоохранительным и близки по характеру своей деятельности к правоохранительным органам исполнительной власти. Однако данные органы имеют особый конституционно-правовой статус, что обусловлено функциями органов прокуратуры, обеспечивающих верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав человека и гражданина, а также охраняемых интересов общества и государства [2, с. 7]. В связи с этим в настоящее время в органах прокуратуры сложился особый вид государственной службы, в основу которой положен порядок прохождения, присущий гражданской государственной службе. Это обстоятельство, однако, не исключает возможности отнесения службы в органах прокуратуры в силу ее правоохранительной специфики к правоохранительной службе в качестве разновидности последней. При этом следует обратить внимание и на то обстоятельство, что реализация функции расследования дел о преступлениях как особой правоохранительной функции прокуратуры, до недавнего времени относившейся к ведению органов прокуратуры, сегодня передана СК РФ [6].

Не останавливаясь подробно на анализе статуса прокуратуры и дальнейших перспектив развития данного ведомства ввиду того, что эти проблемы образуют самостоятельное направление современных научных исследований, следует обратить внимание на неоднозначность и многовариантность возможных путей практического разрешения соответствующих вопросов. Общим направлением развития органов прокуратуры в России как самостоятельного контрольно-надзорного органа и органа, поддерживающего обвинение в суде, защищающего права и свободы граждан от противоправных посягательств, должны стать постепенное избавление от несвойственных функций, прежде всего в сфере исполнительно-распорядительной деятельности, и поэтапная передача их в ведение правоохранительных органов исполнительной власти, например Минюста либо МВД России. Вполне логичным эта-

пом в реализации этого процесса является и создание специального федерального государственного органа, осуществляющего полномочия в сфере уголовного судопроизводства, – СК РФ, государственная служба в котором обладает своей спецификой, позволяющей считать ее государственной службой в правоохранительной сфере.

Следует подробнее остановиться на проблеме государственной службы в органах СК РФ, которая сегодня, по сути, является идентичной службе в органах прокуратуры. Вместе с тем органы СК РФ выполняют правоохранительные функции в области расследования преступлений, которые в настоящее время осуществляются и иными федеральными органами исполнительной власти (МВД, ФСБ России). В силу этого целесообразно вести речь о перспективе отнесения органов СК РФ именно к системе органов исполнительной власти. Следовательно, и служба в органах СК РФ должна рассматриваться как разновидность государственной службы в правоохранительной сфере органов исполнительной власти. Такое понимание проблемы позволяет, по нашему мнению, решить важнейшую государственную задачу – создать единую систему государственной службы в правоохранительной сфере органов исполнительной власти как особую подсистему государственной службы в правоохранительной сфере.

Таким образом, отнесение органов СК РФ (с последующим объединением в рамках данного федерального государственного органа всех следственных органов России) к органам исполнительной власти позволит, с одной стороны, решить вопрос об окончательном формировании единого федерального органа, осуществляющего функции расследования преступлений, а с другой – определить статус государственной службы в органах предварительного расследования как федеральной государственной службы в правоохранительной сфере органов исполнительной власти.

Анализ современного состояния правоохранительной системы позволяет выделить следующие основные функциональные признаки государственных органов, служба в которых является правоохранительной:

– государственно-властный характер деятельности. В рассматриваемом нами случае речь идет именно о государственных органах, обладающих властными полномочиями в области правоохранительной деятельности. Это, прежде всего, органы

государства, которые специализируются на осуществлении правоохранительной функции, что составляет основное направление их деятельности;

– наделенность исполнительно-распорядительными (административными) полномочиями. По нашему мнению, среди государственных органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, особое место занимают органы исполнительной власти: именно они образуют основной массив правоохранительных органов государства и выполняют наиболее значительный объем правоохранительных функций. Следует отметить, что наряду с правоохранительными органами исполнительной власти существуют и другие органы, выполняющие государственные правоохранительные функции, – органы конституционного контроля, прокурорского надзора, правосудия [1, с. 30], которые имеют специальный правовой (в ряде случаев конституционно-правовой) статус и в которых, как нам представляется, должны быть предусмотрены специальные виды государственной службы;

– особое функционально-целевое предназначение. Правоохранительные органы, государственная служба в которых относится к службе в правоохранительной сфере, имеют особое функционально-целевое предназначение. В первую очередь они выполняют функции в области борьбы с преступностью, охраны общественного порядка, обеспечения личной и общественной безопасности;

– применение специальных мер правового воздействия на основе использования методов убеждения и принуждения [12, с. 29], а также специальных юридических процедур [13]. Собственно говоря, этот признак является ключевым в раскрытии содержания правоохранительной деятельности и позволяет вычленить правоохранительные органы из общего массива органов государства. В научной литературе к таким правовым мерам убеждения и принуждения относятся профилактика и предупреждение правонарушений, пресечение правонарушений, процессуальное обеспечение производства по делам о правонарушениях, привлечение виновных лиц к различным видам юридической ответственности за совершенные правонарушения, восстановление нарушенного права. Важнейшими, на наш взгляд, признаками относимости конкретного государственного органа к правоохранительным являются его вооруженность и, соответственно, наделение его служащих полномочиями по применению мер физического принуждения к пра-

вонарушителям, а именно физической силы, специальных средств и оружия;

– специальный правовой статус. Все органы, наделенные правоохранительными функциями, имеют особый правовой статус. Прежде всего это выражается в нормативном закреплении компетенции по применению правовых мер убеждения и принуждения в различных сферах правоохранительной деятельности, в том числе административной, административно-юрисдикционной, оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, исполнительной (уголовно-исполнительной и административно-исполнительной, под которой мы понимаем деятельность в области исполнения решений судов и иных органов административной юрисдикции по делам об административных правонарушениях). Особенности правового положения правоохранительных органов определяют административно-правовой статус служащих государственной службы, их права, обязанности, ответственность.

Правовое положение государственных органов, наделенных правоохранительными функциями, закрепляется действующим административным законодательством. При этом наряду с общими актами, регламентирующими непосредственно административно-правовой статус указанных органов, их деятельность регулируется и значительным массивом законодательных и подзаконных актов в рамках отдельных видов правоохранительной деятельности, прежде всего административной, оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и исполнительной (уголовно-исполнительной, административно-исполнительной).

Таким образом, наличие названных системных (функционально-целевых) признаков является основанием для отнесения указанных государственных органов к правоохранительным и, следовательно, службы в них к соответствующему виду государственной службы в правоохранительной сфере, поскольку подобная государственная служба является производной от компетенции правоохранительных органов.

Вместе с тем практическое решение вопроса об отнесении государственной службы в том или ином государственном органе к правоохранительной может быть осуществлено посредством законодательного определения понятия правоохранительной деятельности государства, правоохранительных функций государственных органов и системы государственных органов, осуществляющих правоохранительные функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Братко, А. Г.** Правоохранительная система (вопросы теории) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Братко Александр Григорьевич. – Москва, 1992. – 41 с.
2. **Велиев, И. В.** Прокуратура в системе органов публичной власти: опыт сравнительного исследования по материалам Азербайджанской Республики, Российской Федерации и Республики Казахстан : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Велиев Исахан Вейсал оглы. – Москва, 2006. – 34 с.
3. **Гуценко, К. Ф.** Правоохранительные органы / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев. – Москва : Зерцало-М, 2010. – 496 с. – ISBN 978-5-94373-164-8.
4. **Додонов, В. Н.** Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное исследование / В. Н. Додонов, В. Е. Крутских ; под редакцией С. И. Герасимова. – Москва : НОРМА, 2001. – 192 с. – ISBN 5-89123-534-X.
5. **Исаенко, В. М.** Организация правоохранительной деятельности / В. М. Исаенко // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 9 (58). – С. 162–166.
6. О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 15.
7. **Оботурова, Н. С.** Проблема прав человека в контексте идей гуманизма и трансгуманизма / Н. С. Оботурова // Пенитенциарная наука. – 2020. – Том 14, № 2. – С. 155–161.
8. Правоохранительные органы России : учебник для вузов / под общей редакцией В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – 296 с. – ISBN 978-5-534-05933-5.
9. **Стелина, Я.** Теоретические концепции института государственной службы / Я. Стелина // Правоприменение. – 2019. – Том 3, № 2. – С. 21–30. – DOI 10.24147/2542-1514.2019.3(2).21-30.
10. **Тарасов, А. М.** Правоохранительная деятельность: ее понятие и сущность / А. М. Тарасов // Российский следователь. – 2002. – № 4. – С. 34–38.
11. **Черников, В. В.** Судебные, правоохранительные и контрольные органы России / В. В. Черников. – Москва : Проспект, 2002. – 686 с. – ISBN 5-902171-85-7.
12. **Числов, А. И.** Профессиональная правоохранительная деятельность (теоретико-правовое исследование) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Числов Александр Иванович. – Санкт-Петербург, 2000. – 48 с.
13. **Bocharova, N.** Administrative justice: comparative and russian context / N. Bocharova // BRICS law journal. – 2016. – Volume 3, no. 3. – Pp. 143–151. – DOI 10.21684/2412-2343-2016-3-3-143-151.

REFERENCES

1. Bratko A.G. *Pravookhranitel'naya sistema (voprosy teorii): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Law enforcement system (theoretical issues): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1992. 41 p.
2. Veliev I.V. *Prokuratura v sisteme organov publichnoi vlasti: opyt sravnitel'nogo issledovaniya po materialam Azerbaidzhanskoi Respubliki, Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Kazakhstan: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [The prosecutor's office in the system of public authorities: the experience of a comparative study based on the materials of the Republic of Azerbaijan, the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2006. 34 p.
3. Gutsenko K.F., Kovalev M.A. *Pravookhranitel'nye organy* [Law enforcement agencies]. Moscow: Zertsalo-M, 2010. 496 p.
4. Dodonov V.N., Krutskikh V.E. *Prokuratura v Rossii i za rubezhom: sravnitel'noe issledovanie* [The prosecutor's office in Russia and abroad: a comparative study]. Moscow, 2001. 192 p.
5. Isaenko V.M. Organization of law enforcement. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava=Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 9 (58), pp. 162–166. (In Russ.).
6. Federal Law of December 28, 2010 No. 403-FZ "On the Investigative Committee of the Russian Federation". In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2011. No. 1. Art. 15. (In Russ.).
7. Oboturova N.S. The problem of human rights in the context of the ideas of humanism and transhumanism. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, pp. 155–161. (In Russ.).
8. Bozh'ev V.P., Gavrilov B.Ya. (Eds.). *Pravookhranitel'nye organy Rossii: uchebnik dlya vuzov* [Law enforcement agencies of Russia: textbook for universities]. Sixth edition, revised and supplemented. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2019. 296 p.
9. Stelina J. Theoretical concepts of the law of civil servants. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 21–30. DOI 10.24147/2542-1514.2019.3(2).21-30. (In Russ.).
10. Tarasov A.M. Law enforcement activity: its concept and essence. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator*, 2002, no. 4, pp. 34–38. (In Russ.).
11. Chernikov V.V. *Sudebnye, pravookhranitel'nye i kontrol'nye organy Rossii* [Judicial, law enforcement and control agencies of Russia]. Moscow: Prospekt, 2002. 686 p.
12. Chislov A.I. *Professional'naya pravookhranitel'naya deyatel'nost' (teoretiko-pravovoe issledovanie): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Professional law enforcement (theoretical and legal research): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2000. 48 p.
13. Bocharova N. Administrative justice: comparative and Russian context. *BRICS Law Journal*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 143–151. DOI 10.21684/2412-2343-2016-3-3-143-151.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-514-523

УДК 159.9

Регулятивные особенности лиц с расстройствами личности и акцентуациями характера, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения

Е. С. ШЕХОВЦОВА

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3379-3521>, e-mail: shiha.l@mail.ru

В. Г. БУЛЫГИНА

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, г. Москва, Российская Федерация, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Реферат. Статья посвящена исследованию индивидуально-психологических особенностей саморегуляции у лиц с расстройствами личности и акцентуированными личностными чертами. Целью работы является конкретизация данных о регулятивных нарушениях с учетом характера совершенных правонарушений для повышения доказательности экспертных выводов и индивидуализации наказания, а также построения моделей вторичной психопрофилактики. Были исследованы 134 лица мужского пола, из них 94 – с расстройствами личности, 20 – с акцентуированными личностными чертами и 20 – без психической патологии. Методический комплекс, позволяющий определить степень нарушения способности руководить своими действиями, включал: методики «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана, «Ситуационный анализ», «Новый опросник толерантности к неопределенности», «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа, «Стиль саморегуляции поведения». Статистическая обработка данных включала метод дескриптивной статистики и частотный анализ; t-критерий Стьюдента для независимых выборок; непараметрический критерий U-Манна – Уитни, непараметрический критерий Краскела – Уоллиса для сравнения трех независимых выборок. Установлено, что у лиц с расстройствами личности, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, регулятивные нарушения сопряжены со способностью адекватно прогнозировать последствия и предлагать социально приемлемые альтернативы разрешения проблемной ситуации. Показано, что в ситуациях информационного дефицита и при содержании противоречивой информации, наличии перцептивных помех или повышенной эмоциональной насыщенности ситуации вероятность нарушения осознанной регуляции поведения существенно увеличивается.

Соответственно, для решения задач пенитенциарной науки и практики представляется целесообразным опираться на выявленные в рамках данного исследования показатели, которые могут не только являться предикторами дисрегуляции поведения и агрессивного реагирования, но и выступать в качестве мишеней психокоррекционной работы.

Ключевые слова: саморегуляция; расстройства личности; акцентуированные личностные черты; ситуационный анализ; тип правонарушения.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Шеховцова Е. С., Булыгина В. Г. Регулятивные особенности лиц с расстройствами личности и акцентуациями характера, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 514–523. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-514-523.

Regulation Features in Individuals with Personality Disorders and Accentuated Personality Traits Who Committed Aggressive and Violent Crimes

ELENA S. SHEKHOVTSOVA

Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology under the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3379-3521>, e-mail: shiha.l@mail.ru

VERA G. BULYGINA

Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology under the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Abstract. The paper investigates individual psychological features of self-regulation in people with personality disorders and accentuated personality traits. Our goal is to specify the data on regulation disorders taking into account the nature of committed offences so as to substantiate the validity of expert conclusions, promote individualization in punishment, and build models for secondary psychological prevention. We survey 134 men including 94 individuals with personality disorders, 20 individuals with accentuated personality traits and 20 individuals without mental disorders. We use a set of methodological tools to assess the extent of self-control deficiency); the set includes J. Kagan's Matching Familiar Figures Test, situation analysis, a new questionnaire for tolerance toward uncertainty, J. Stroop's Color and Word Test, behavioral self-regulation style. We carry out statistical processing of the data with the help of descriptive statistics method, frequency analysis, an independent samples t-test, the Mann-Whitney U-test, and the Kruskal-Wallis test to compare three independent samples. We have found out that regulation disorders in people with personality disorders who committed violent crimes are associated with the ability to predict the consequences adequately and find socially acceptable ways to resolve problem situations. We show that when an individual has to deal with information shortage, contradictory information, perceptual interference or increased emotional intensity of the situation the probability of disorders in their conscious regulation of behavior increases significantly. Accordingly, to address the tasks of penal science and practice, we consider it expedient to use the indicators identified in the course of our present research, because they can be not only predictors of behavioral dysregulation and aggressive responses, but also targets for psychological therapy.

Key words: self-regulation; personality disorders; accentuated personality traits; situation analysis; type of offence.

19.00.06 – Legal psychology (psychological sciences).

For citation: Shekhovtsova E.S., Bulygina V.G. Regulation features in individuals with personality disorders and accentuated personality traits who committed aggressive and violent crimes. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 514–523. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-514-523.

Оценка степени дисрегуляции поведения у лиц с пограничными формами психической патологии является актуальной проблемой юридической психологии и пенитенциарной науки. Это необходимо не

только при оценке нарушений саморегуляции в рамках судебных психиатрических и психологических экспертиз, но и при индивидуализации наказания, профилактике рецидивов.

Значимость вынесения экспертного суждения о регулятивных нарушениях у лиц, совершивших общественно опасные действия, закреплена в УК РФ. Так, степень нарушения способности руководить своими действиями может определять экскульпацию правонарушителя (ч. 3 ст. 20, ст. 21 УК РФ) или учитываться судом при назначении наказания (ст. 22 УК РФ). Следует отметить, что указанные статьи имеют четкие критерии: в обязательном порядке должен соблюдаться медицинский критерий (наличие или отсутствие того или иного психического расстройства), а в ч. 3 ст. 20 УК РФ указан в том числе и возрастной критерий. Например, при наличии пограничных форм психической патологии у совершеннолетних обвиняемых речь может идти о полной или ограниченной вменяемости, у лиц с такими пограничными формами психической патологии, как расстройства личности, обсуждается возможность применения ст. 22 УК РФ при наличии выраженных мотивационных, аналитических, прогностических и волевых нарушений, инфантильности и т. д. [2; 4; 6].

В аспекте решения прикладных задач пенитенциарной науки наибольшее значение приобретает именно проблема сочетания пограничных форм психической патологии и ограниченной вменяемости, так как именно данная категория лиц попадает в поле зрения психиатров уголовно-исполнительной системы ввиду возможности назначения им принудительных мер медицинского характера.

Согласно статистическим данным ФСИН России за 2015–2018 гг., в пенитенциарных учреждениях содержится около 20 % лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости. По данным Б. А. Спасенникова, в местах лишения свободы 36 % составляют лица с диссоциальным расстройством личности, 24 % – с эмоциональным неустойчивым расстройством личности, 10 % – с параноидным расстройством личности [9]. Среди лиц, направленных на судебно-психиатрическую экспертизу, доля подэкспертных с расстройствами личности составляет 15,8 % [5].

Несмотря на распространенность указанной категории лиц в системе исполнения наказаний, вопросы комплексной медицинской, психологической и социальной реабилитации осужденных на данный момент не решены.

По данным ФСИН России, в период с 2007 по 2019 г. на 5,4 % выросло количество лиц, осужденных к лишению свободы более чем в третий раз. Рост повторных преступлений,

увеличение доли агрессивных правонарушений среди лиц с расстройствами личности [2] и необходимость разработки дифференцированных мер по коррекции поведения в целях профилактики криминальных рецидивов обуславливают научно-практическую значимость задачи выделения психологических характеристик, являющихся предикторами совершения агрессивно-насильственных правонарушений.

Зарубежные исследователи напрямую связывают расстройства личности и криминальное поведение [12] и подчеркивают наличие высокого риска совершения агрессивных и насильственных преступлений данной группой лиц вследствие специфической личностной организации [11]. Отечественные психиатры и психологи подчеркивают, что расстройство личности является одним из условий криминального поведения, уделяя особое внимание проблеме мотивации преступного действия, соотношению сохранных и нарушенных звеньев системы саморегуляции, эмоционально-волевых и мотивационных нарушений; отмечают спонтанность формирования намерения о совершении преступления в конкретной ситуации [3; 8], степень влияния ситуативных факторов на криминальную агрессию [7].

Таким образом, наиболее значимыми психологическими переменными, отражающими специфику деятельности, а также способность к осознанной регуляции поведения, являются особенности системы саморегуляции и ситуационного анализа. Более того, данные переменные могут выступать мишенями профилактической работы по предотвращению криминальных рецидивов.

В случае наличия у обвиняемого акцентированных личностных черт вопрос о способности понимать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими решается однозначно, так как акцентуация характера не входит в перечень психических заболеваний, то есть не выполняется медицинский критерий юридически значимых понятий. Тем не менее акцентуация характера согласуется с концепцией «*locus minoris resistentiae*» («место наименьшего сопротивления»), существует связь с повышенным риском дезадаптации в определенных ситуациях вследствие чувствительности к некоторым стрессовым факторам, но в то же время устойчивости к другим.

Акцентуация, являясь крайним вариантом нормы и некриминогенным фактором, несет

риск социальной дезадаптации. Так, акцентуация оказывает существенное влияние на социально-психологическую адаптацию индивида, особенности межличностных отношений, способность к разрешению конфликтных ситуаций, поведение в ситуации фрустрации, риск проявления агрессии и снижения поведенческого контроля. Не менее 42 % осужденных имеют различные виды акцентуаций характера [10], у большинства из них доминируют гипертимные и эмотивные черты [1; 10]. В выборке с криминальным анамнезом наибольшее количество лиц с акцентуированными личностными чертами были осуждены за убийство (56,8 %) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть (53 %) [10].

Таким образом, острота проблемы определила необходимость конкретизации данных о регулятивных нарушениях с учетом характера совершенных правонарушений для повышения доказательности экспертных выводов и индивидуализации наказания, а

также построения моделей вторичной психопрофилактики.

В исследовании приняли участие 134 лица мужского пола, обвиняемые в совершении противоправных действий, среди них 94 – с расстройствами личности (РЛ), 20 – с акцентуированными личностными чертами (АЛЧ). Группу сравнения составили 20 обследованных, которые были признаны психически здоровыми (ПЗ). Психически здоровые лица и респонденты с акцентуированными личностными чертами были признаны экспертными комиссиями НМИЦПН им. В. П. Сербского Минздрава России способными осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. У 21,3 % лиц с расстройствами личности были обнаружены регулятивные нарушения, ограничивающие их способность к осознанию и руководству своими действиями. Распределение обследованных по характеру инкриминируемого деяния представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение обследуемых по нозологической принадлежности, степени дизрегуляции поведения и характеру деликта

Диагноз	Решение экспертной комиссии	Характер деликта	
		Агрессивно-насильственный	Неагрессивный
РЛ	Вменяемость	48,1 %	30,6 %
	Ограниченная вменяемость	11,5 %	9,8 %
	Итого	59,6 %	40,4 %
АЛЧ	Вменяемость	55 %	45 %
ПЗ	Вменяемость	65 %	35 %

В группу лиц, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, вошли обследуемые, обвиняемые по следующим статьям УК РФ: ст. 105 (убийство), ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), ст. 119 (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), ст. 206 (захват заложника). Также в данную группу отнесены корыстные правонарушения, связанные с применением или угрозой применения насилия, а именно грабежи (ст. 161), разбой (ст. 162).

В группу лиц, совершивших неагрессивные правонарушения, вошли обследуемые, обвиняемые по следующим статьям УК РФ: ст. 158 (кража), ст. 159 (мошенничество), ст. 228 (незаконное приобретение, изготовление, хранение, реализация наркотических веществ), ст. 128.1 (клевета), ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 222 (незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, бое-

припасов), ст. 322 (незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации).

Для реализации поставленной цели – выделения переменных, значимых для определения способности руководить своими действиями, – был разработан следующий методический комплекс.

Для оценки рефлексивности/импульсивности в ситуации интеллектуального контроля деятельности применялась методика Дж. Кагана «Сравнение похожих рисунков» (Kagan J., 1966), которая позволяет определить степень проводимого анализа ситуации и время, необходимое на принятие решений, что является значимым показателем при возникновении криминальной ситуации.

Также для выявления особенностей анализа ситуаций была использована полупроективная методика «Ситуационный анализ» (В. Г. Булыгина, Е. С. Шеховцова, А. А. Дубинский, 2018), направленная на

оценку аналитических и прогностических возможностей в зависимости от ситуативных условий (избыточность/недостаточность информационной и эмоциональной составляющих для анализа, уровень неопределенности, степень противоречивости информации), что может являться основой для выделения потенциально опасных для регуляции ситуаций.

Для диагностики способности осуществлять деятельность в условиях нехватки информации использовался «Новый опросник толерантности к неопределенности» (Т. В. Корнилова, 2009), выявляющий степени выраженности толерантности/интолерантности к неопределенности, в том числе в ситуациях межличностного взаимодействия.

Для оценки способности корректировать свое поведение в условиях воздействия интерферирующих факторов применялась методика Дж. Струпа «Словесно-цветовая интерференция» (J. R. Stroop, 1935), с помощью которой оценивалась общая ригидность/гибкость когнитивного контроля, играющая одну из ведущих ролей в реальной деятельности и оказывающая влияние на регулятивные способности индивида.

Определение структуры саморегуляции, степени осознанности ее звеньев проводилось с использованием опросника В. И. Моросанова «Стиль саморегуляции поведения» (1998), оценивались такие компоненты, как планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, самостоятельность.

Статистическая обработка данных включала в себя метод дескриптивной статистики и частотный анализ; t-критерий Стьюдента для независимых выборок; непараметрический критерий U-Манна – Уитни, непараметрический критерий Краскела – Уоллиса для сравнения трех независимых выборок.

На первом этапе исследования был проведен сравнительный анализ регулятивных особенностей в группах лиц с расстройствами личности и акцентуациями характера, совершивших агрессивные правонарушения (рис. 1).

Было установлено, что лица с расстройствами личности и акцентуированными личностными чертами, совершившие агрессивные правонарушения, в меньшей степени толерантны к неопределенности (ТН), при этом интолерантность к неопределенности

(ИТН), в том числе в межличностном взаимодействии, более выражена у лиц с расстройствами личности ($p < 0,05$). Таким образом, можно сделать вывод, что данные лица в ситуациях повышенной неопределенности склонны использовать привычные для них стратегии поведения, в межличностных отношениях их поведение характеризуется неустойчивостью и стремлением к контролю.

В когнитивно сложных условиях все обследуемые лица, совершившие агрессивные правонарушения, характеризуются недостаточной степенью анализа ситуации, что приводит к преобладанию ошибочных ответов ($p < 0,001$). При этом отмечается, что лица с расстройствами личности и акцентуированными личностными чертами затрачивают на анализ ситуации существенно меньшее количество времени, что может свидетельствовать о преобладании импульсивного стиля поведения в когнитивно сложных условиях.

Когнитивный контроль у них отличается выраженной ригидностью ($p < 0,05$), то есть им характерна низкая степень автоматизации вербальных и сенсорно-перцептивных функций и трудности перехода между ними. Соответственно, в отличие от других нозологических групп, совершивших агрессивные правонарушения, лиц с расстройствами личности и акцентуированными личностными чертами отличают трудности изменения действий, создания новых стратегий поведения в ситуации, объективно требующей их перестройки.

Лиц с расстройствами личности отличает недостаточная степень развития регулятивной системы в целом ($p < 0,001$), а также таких ее компонентов, как планирование ($p < 0,001$), моделирование ($p < 0,001$), программирование ($p < 0,001$) и оценивание результатов ($p < 0,001$). Соответственно, можно говорить о высоком риске регулятивных нарушений, связанных с недостаточностью целеполагания и малой реалистичностью планов, трудностями продумывания последовательности действий, неадекватностью оценки значимых внутренних условий и внешних обстоятельств, своих действий и их результатов. Лиц с акцентуированными личностными чертами характеризует достаточная развитость программирования своей деятельности, то есть они способны продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей.

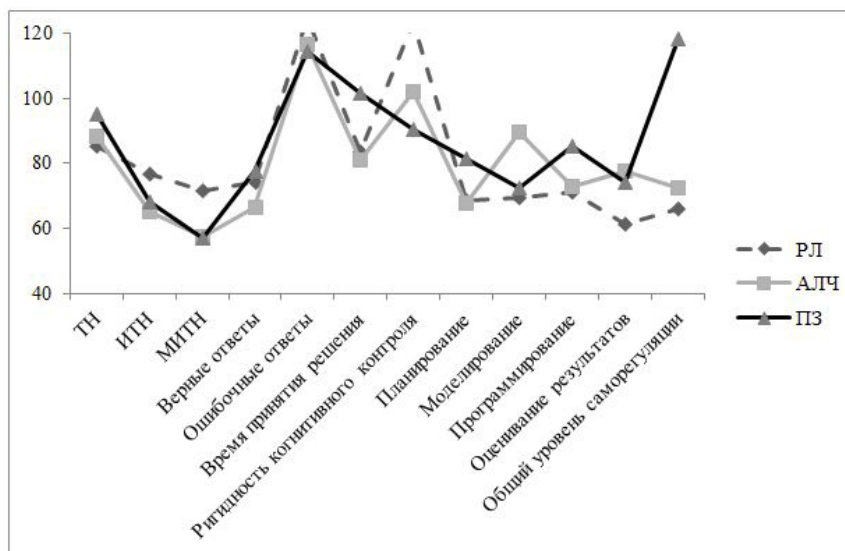

Рис. 1. Показатели саморегуляции в группах обследуемых лиц с РЛ, АЛЧ и ПЗ, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения

Специфичными для обследуемых лиц являются следующие особенности ситуационного анализа. При информационном дефиците лиц с расстройствами личности отличает слабо развитая аналитическая способность, что выражается в недостаточно полном и детализированном восприятии ситуации. При наличии перцептивных помех и в случае противоречивости информации ситуационный анализ характеризуется низким уровнем адекватности интерпретации ситуации, также в указанных условиях и при повышенной эмоцио-

нальной насыщенности ситуации отмечается недостаточно развитая способность к распознаванию эмоциональных состояний других людей (табл. 2).

При информационном дефиците лица с акцентуированными личностными чертами характеризуются более развитыми аналитическими и прогностическими способностями, чем лица с расстройствами личности, однако их отличает недостаточное развитие прогностической способности по сравнению как с лицами с расстройствами личности, так и с психически здоровыми (табл. 2).

Таблица 2

Значимые различия переменных ситуационного анализа испытуемых с РЛ, АЛЧ и ПЗ, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (информационный дефицит)

Переменная	РЛ	АЛЧ	ПЗ	Р
	Средний ранг			
Полнота описания ситуации	31,15	41,96	49,96	0,004
Детализация описания ситуации	30,90	42,38	50,42	0,002
Количество альтернатив дальнейшего развития ситуации	33,15	31,50	34,27	0,010
Наличие перцептивных помех				
Адекватность интерпретации ситуации	33,39	42,00	42,00	0,027
Распознавание эмоций участников ситуации	33,20	36,04	48,65	0,035
Противоречивая ситуация				
Адекватность интерпретации ситуации	33,69	41,50	41,50	0,040
Распознавание эмоций участников ситуации	32,01	42,12	46,77	0,024
Эмоциональная насыщенность				
Распознавание эмоций участников ситуации	32,07	41,04	47,65	0,020

При информационной достаточности лиц с расстройствами личности характеризует недостаточно развитая способность к распознаванию эмоционального компонента ситуации, в том числе в противоречивых

ситуациях. Лиц с акцентуированными личностными чертами отличает недостаточный уровень развития прогностической способности, в том числе при наличии перцептивных помех (табл. 3).

Значимые различия переменных ситуационного анализа испытуемых с РЛ, АЛЧ и ПЗ, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (информационная достаточность)

Переменная	РЛ	АЛЧ	ПЗ	Р
	Средний ранг			
Распознавание эмоций участников ситуации	32,39	41,50	46,04	0,042
Наличие перцептивных помех				
Количество альтернатив дальнейшего развития ситуации	36,39	27,69	45,69	0,036
Противоречивая ситуация				
Количество альтернатив дальнейшего развития ситуации	34,11	33,65	47,81	0,017
Распознавание эмоций участников ситуации	31,72	42,65	47,27	0,015

На следующем этапе был проведен сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента) регулятивных особенностей отдельно в группах лиц с расстройствами личности и акцентуированными личностными чертами. Группами сравнения выступали обследуемые той же нозологической группы, совершившие неагрессивные правонарушения. Основной задачей данного этапа было выявление специфических регулятивных особенностей в рамках одной нозологической группы.

Так, было установлено, что лица с расстройствами личности отличаются менее развитой склонностью к планированию своей деятельности ($p < 0,05$) и смене поведения в изменяющихся условиях ($p < 0,05$) (рис. 2). Таким образом, можно говорить о том, что данные обследуемые отличаются склонностью к ситуативно обусловленному выдвиганию целей, неспособностью адекватно реагировать на ситуацию и регулировать свое поведение в быстро меняющейся обстановке.

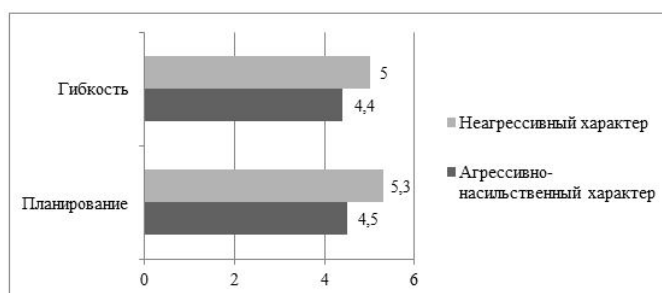

Рис. 2. Средние значения показателей саморегуляции в группах обследуемых лиц с расстройствами личности в зависимости от характера деликта

При информационном дефиците лица с расстройствами личности, совершившие агрессивно-насильственные правонарушения, характеризуются большей развитостью про-

гностических способностей, что выражается в представленности разнообразных адекватных альтернатив ($p < 0,01$) при составлении прогноза дальнейшего развития ситуации (рис. 3).

Рис. 3. Средние значения показателей ситуационного анализа в условиях информационного дефицита у лиц с расстройствами личности в зависимости от характера правонарушения

При этом при информационном или эмоциональном усложнении ситуации лица данной группы хуже прогнозируют последствия ($p < 0,001$), выдвигают менее социально направленные альтернативы ($p < 0,05$).

Таким образом, у лиц с расстройствами личности, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, риски нарушений саморегуляции поведения, связанные со способностью адекватно прогнозировать последствия и предлагать социально приемлемые альтернативы разрешения проблемной ситуации, при информационном дефиците возрас-

тают при усложнении условий, содержании противоречивой информации в ситуации, наличии перцептивных помех или повышенной эмоциональной насыщенности ситуации.

При информационной достаточности данные лица отличаются меньшей социальной приемлемостью альтернатив ($p < 0,05$), в том числе при наличии перцептивных помех ($p < 0,01$) и эмоциональной насыщенности ситуации ($p < 0,05$). Также в когнитивно и эмоционально усложненных условиях отмечается недостаточное продуцирование адекватных альтернатив ($p < 0,05$) (рис. 4).

Рис. 4. Средние значения показателей ситуационного анализа в условиях информационной достаточности у лиц с расстройствами личности в зависимости от характера правонарушения

Таким образом, при достаточном количестве информации регулятивные нарушения у лиц с расстройствами личности, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, также проявляются в трудностях составления адекватного прогноза, оценки последствий выбора той или иной стратегии поведения, учета социальных норм при принятии решения.

В ходе исследования было установлено, что лица с акцентуированными лич-

ностными чертами значительно отличаются только по одному параметру ситуационного анализа. Так, при информационной недостаточности в условиях противоречивости информации или эмоциональной насыщенности лица, обвиняемые в совершении агрессивно-насильственных правонарушений, в меньшей степени склонны анализировать эмоциональный компонент ситуации ($p < 0,05$) (рис. 5).

Рис. 5. График средних значений способности учитывать эмоциональный контекст ситуации в условиях информационного дефицита у лиц с акцентуированными личностными чертами в зависимости от характера правонарушения

При информационной избыточности у лиц с расстройствами личности, обвиняемых в совершении агрессивно-насильственных правонарушений, также отмечается нарушение адекватности ситуации прогнозирования ($p < 0,05$), малое количе-

ство социально приемлемых альтернатив ($p < 0,05$), в том числе и при информационном ($p < 0,05$) или эмоциональном усложнении ($p < 0,05$). При этом фиксируется большее количество агрессивных альтернатив ($p < 0,01$) (рис. 6).

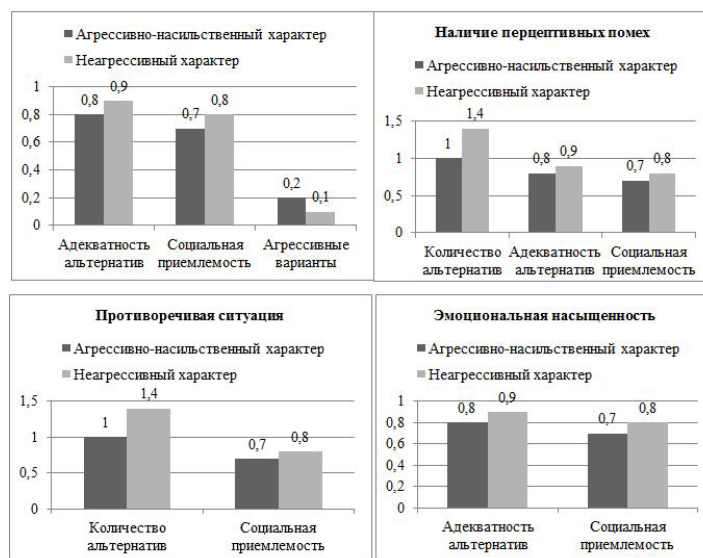

Рис. 6. Средние значения показателей ситуационного анализа в условиях информационной избыточности у лиц с расстройствами личности в зависимости от характера правонарушения

Таким образом, у лиц с расстройствами личности, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, в условиях информационной избыточности не только отмечаются трудности составления адекватного прогноза дальнейшего развития ситуации, но и возрастают риски реализации агрессивных форм реагирования при низком показателе социальной направленности прогноза.

Проведенное исследование с моделированием ситуаций принятия решений позволило выделить специфичные для лиц с расстройствами личности, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения, черты. Показано, что дисрегуляция поведения ассоциирована со способностью

адекватно прогнозировать последствия и предлагать социально приемлемые альтернативы разрешения проблемной ситуации. В ситуациях информационного дефицита и при содержании противоречивой информации, наличии перцептивных помех или повышенной эмоциональной насыщенности ситуации вероятность нарушения осознанной регуляции поведения существенно увеличивается.

Таким образом, для решения задач пени-тенциарной науки и практики представляется целесообразным опора на выявленные в рамках данного исследования показатели, которые могут являться не только предикторами дисрегуляции поведения и агрессивного реагирования, но выступать в качестве мишеней психокоррекционной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеева, Т. В.** Характерологические особенности личности осужденных / Т. В. Алексеева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2014. – Т. 4. – № 3. – С. 136.
2. **Горин, В. В.** Расстройства личности: современные классификации, диагностика и особенности экспертной оценки / В. В. Горин // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы; под редакцией В. В. Вандыша. – Москва: НМИЦ ПН им. В. П. Сербского, 2018. – Вып. 15. – С. 50–63. – ISBN 978-5-86002-211-9.
3. **Кудрявцев, И. А.** Психологические механизмы и эффекты влияния патологии характера на саморегуляцию общественно опасных действий / И. А. Кудрявцев, Е. Н. Лапшина // Российский психиатрический журнал. – 2008. – № 3. – С. 29–35.
4. **Лапшина, Е. Н.** Особенности саморегуляции лиц, признанных ограниченно вменяемыми: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Лапшина Елена Николаевна. – Москва: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 2006. – 265 с.

5. Макушкин, Е. В. Судебно-психиатрическая экспертная служба Российской Федерации в 2018 г. (по материалам отраслевой статистической отчетности Минздрава России) / Е. В. Макушкин, А. Р. Мохонько, Л. А. Муганцева // Психическое здоровье. – 2019. – № 7. – С. 3–15.
6. Савина, О. Ф. Алгоритм экспертного исследования дисрегуляции деятельности в криминальной ситуации у лиц с психическими расстройствами / О. Ф. Савина, Е. В. Макушкин, М. В. Морозова // Российский психиатрический журнал. – 2018. – № 1. – С. 31–42.
7. Сафуанов, Ф. С. Клинико-психологические факторы криминальной агрессии / Ф. С. Сафуанов, А. С. Калашникова, А. Е. Царьков // Психология и право. – 2017. – Т. 7. – № 4. – С. 44–58. doi:10.17759/psylaw.2017070405.
8. Сафуанов, Ф. С. Психология криминальной агрессии / Ф. С. Сафуанов. – Москва : Смысл, 2003. – 300 с.
9. Спасенников, Б. А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных / Б. А. Спасенников // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 33–40.
10. Стешич, Е. С. Акцентуации характера и преступное поведение (по данным исследования личности виновных в умышленном и неосторожном лишении жизни) / Е. С. Стешич // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 1 (72). – С. 29–35.
11. Hare, R. D. Psychopathy: Assessment and forensic implications / R. D. Hare, C. S. Neumann // Canadian Journal of Psychiatry. – 2009. – Vol. 54. – P. 791–802.
12. Skeem, J. L. Is Criminal behavior a central component of psychopathy? Conceptual directions for resolving the debate / J. L. Skeem, D. J. Cooke // Psychological Assessment. – 2010. – Vol. 22 (2). – P. 433–445.

REFERENCES

1. Alekseeva T.V. Characterological features of the personality of convicts. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii=Bulletin of Online Medical Conferences*, 2014, vol. 4, no. 3, p. 136. (In Russ.).
2. Gorinov V.V. Personality disorders: modern classifications, diagnostics and features of expert assessment. In: Vandysh V.V. (Ed.) *Sudebnaya psikhiatriya. Aktual'nye problemy* [Forensic psychiatry. Topical issues]. Moscow: FGBU "NMITs PN im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii, 2018. Issue 15. Pp. 50-63. (In Russ.).
3. Kudryavtsev I.A., Lapshina E.N. Psychological mechanisms and effects of character pathology influence on self-regulation of socially dangerous actions. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal=Russian Journal of Psychiatry*, 2008, no. 3, pp. 29–35. (In Russ.).
4. Lapshina E.N. *Osobennosti samoregulyatsii lits, priznannykh ogranichenno vmenyaemyi: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Features of self-regulation of individuals found partially sane: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow: FGU "GNTsSSP im. V.P. Serbskogo", 2006. 265 p.
5. Makushkin E.V., Mokhon'ko A.R., Mugantseva L.A. Forensic psychiatric expert service of the Russian Federation in 2018 (based on the materials of the industry statistical reporting of the Ministry of Health of Russia). *Psikhicheskoe zdorov'e = Mental Health*, 2019, no. 7, pp. 3-15. (In Russ.).
6. Savina O.F., Makushkin E.V., Morozova M.V. The algorithm of forensic expert study of the dysregulation of activity in criminal situation in persons with mental disorders. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal=Russian Journal of Psychiatry*, 2018, no. 1, pp. 31-42. (In Russ.).
7. Safuanov F.S. *Psikhologiya kriminal'noi agressii* [Psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.
8. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Tsar'kov A.E. Clinical and psychological drivers of criminal aggression. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law*, 2017, vol. 7, no. 4, pp. 44–58. doi:10.17759/psylaw.2017070405. (In Russ.).
9. Spasennikov B.A. Clinical criminologic analysis of personality disorders of the convicted. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 2, pp. 33-40. (In Russ.).
10. Steshich E.S. Character accentuations and criminal behavior (according to the study of prisoners convicted of intentional killing or reckless killing). *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2018, no. 1 (72), pp. 29-35. (In Russ.).
11. Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy: assessment and forensic implications. *Canadian Journal of Psychiatry*, 2009, vol. 54, pp. 791–802.
12. Skeem J.L., Cooke D.J. Is criminal behavior a central component of psychopathy? Conceptual directions for resolving the debate. *Psychological Assessment*, 2010, vol. 22 (2), pp. 433–445.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ШЕХОВЦОВА – научный сотрудник отделения психогений и расстройств личности Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3379-3521>, e-mail: shiha.l@mail.ru

ВЕРА ГЕННАДЬЕВНА БУЛЫГИНА – доктор психологических наук, руководитель лаборатории психогигиены и психопрофилактики Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, г. Москва, Российская Федерация, профессор кафедры клинической и судебной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

ELENA S. SHEKHOVTSOVA – Researcher at the Department of Psychogenic Diseases and Personality Disorders, Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology under the Ministry of Health of the Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3379-3521>, e-mail: shiha.l@mail.ru

VERA G. BULYGINA – Doctor of Sciences (Psychology), Head of the Laboratory for Mental Hygiene and Psychophylaxis, Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology under the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor at the Department of Clinical and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-524-527

УДК 378

Мотивационно-ценностная направленность допризывной молодежи на военную службу

Л. В. КОВТУНЕНКО

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkovl@mail.ru

Е. В. ПАРАМОНОВ

Военный учебный научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7819-0321>, e-mail: egor_paramampam@mail.ru

Р е ф е р а т. Разрушение системы военно-профессиональной ориентации, существовавшей в советский период, потребовало пересмотра работы с допризывной молодежью, в том числе путем расширения сети кадетских образовательных организаций.

Основные задачи формирования военно-профессиональной направленности решаются за счет ресурсного обеспечения образовательного процесса, служебной и внеучебной деятельности. Мотивационно-ценностное отношение к военной службе закладывается на протяжении всего периода обучения, что способствует воспитанию у кадетов готовности к сознательному выбору военной службы на офицерских должностях в качестве приоритетного вида профессиональной деятельности.

Авторы на основе анализа психолого-педагогической литературы пришли к выводу, что система военной ориентации допризывной молодежи, осуществляемая в настоящее время в условиях кадетского корпуса, будет способствовать формированию направленности допризывной молодежи на военную службу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военная служба; мотивационно-ценностная направленность; допризывная молодежь; кадеты; кадетский корпус.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Для цитирования: Ковтуненко Л. В., Парамонов Е. В. Мотивационно-ценностная направленность допризывной молодежи на военную службу. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 524–527. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-524-527.

Motivational and Value-Based Orientation of Pre-Conscription Youth toward Military Service

LYUDMILA V. KOVTUNENKO

Scientific Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkolv@mail.ru

EGOR V. PARAMONOV

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center "Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy", Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7819-0321>, e-mail: egor_paramampam@mail.ru

Abstract. Due to the collapse of the Soviet system of military professional orientation it has become necessary to review the work with pre-conscription youth oriented toward military service; the work, includes, among other things, expanding a network of cadet educational organizations. The main goals in forming the military-professional orientation of pre-conscription youth are achieved by providing resources for the educational process, service and extracurricular activities. Motivational and value-based attitude toward military service is developed throughout the entire educational period; this contributes to the formation of cadets' readiness to become career military officers and choose military service as a priority type of professional activity. Having analyzed psychological and pedagogical literature, we came to the conclusion that the system of military orientation of pre-conscription youth currently implemented in cadet corps, will contribute to the effective development of young people's orientation toward military service.

Key words: military service; motivational and value-based orientation; pre-conscription youth; cadets; cadet corps.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences).

For citation: Kovtunen L.V., Paramonov E.V. Motivational and value-based orientation of pre-conscription youth toward military service. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 524–527. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-524-527.

Направленность на военную службу у молодежи допризывного возраста формируется в ходе подготовки к службе в армии. Основными компонентами соответствующего процесса выступают мотивация, высокие моральные качества личности, цели, интересы, установки на военную службу, хорошая физическая подготовка.

Выход страны из кризиса, реформирование Вооруженных Сил Российской Федерации, подъем патриотизма в обществе свидетельствуют об оздоровлении сознания граждан и изменении их мнения об армии и военной службе. Если раньше доминирующим мотивом поступления в военные вузы была материальная выгода, то сегодня социальная активность молодежи основана на сознательном выборе профессии офицера, продиктованном патриотическими идеями, гражданской позицией, желанием принадлежать к той части общества, которой исторически гордится наша страна.

Вслед за А. Ф. Иоаниди под направленностью допризывной молодежи на военную службу понимается «сложное, интегративное личностное образование, преобладающими компонентами которого являются мотивы, интересы, ценностные ориентации, идеалы и убеждения, проявляемые в положительном отношении и активном стремлении к выполнению своего гражданского и воинского долга» [1, с. 54].

Тема формирования и развития военно-профессиональной направленности личности получила свое раскрытие в работах И. А. Алехина, А. В. Барабанщикова, В. П. Давыдова, М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбовича, В. М. Коровина, Н. Ф. Феденко и др. Предметом современных исследований стали развитие военно-профессиональной направленности молодежи на этапе выбора военной профессии (И. Б. Нагаев, П. А. Прозоров, 2007), развитие внутриколлективной коммуникации в учебной группе курсантов

в процессе профессионального становления будущего офицера (А. А. Воробьев, 2009), развитие военно-профессиональной направленности курсантов военного вуза (А. Ф. Иоаниди, 2013), направленность на военно-профессиональную деятельность (В. А. Губин, А. Л. Загорюев, 2013), мотивационно-ценностная направленность студентов на профессиональную деятельность (И. В. Клименко, 2013), духовно-нравственное воспитание курсантов военных институтов на традициях российской армии (В. А. Сидорчук, 2008), педагогическая система подготовки молодежи к военной службе (Ю. В. Трубин, 2015), формирование у курсантов военных вузов активной позиции защитника отечества (В. С. Макаренко, 2018) и др.

Однако динамично меняющиеся общественные отношения актуализируют потребность в дальнейшем изучении вопросов формирования и развития мотивационно-ценностной направленности допризывной молодежи на военную службу.

Рассматривая профессиональную направленность как один из значимых факторов формирования профессионально важных качеств будущего защитника Родины, подчеркнем, что она также способствует всестороннему развитию личности гражданина.

Следует отметить, что на государственном уровне часто проводятся мероприятия по популяризации военной службы, но они носят бессистемный характер. Считаем, что работа в данном направлении нуждается в качественном улучшении.

На практике развитие военной направленности детей и молодежи следует начинать со школы, затем продолжать в кадетских, суворовских общеобразовательных организациях, а впоследствии с курсантами и слушателями военных организаций высшего образования.

Рассмотрим процесс формирования военно-профессиональной направленности на примере кадетского корпуса.

Кадетские корпуса исторически играли важнейшую роль в подготовке офицерских кадров. В системе специальной военной подготовки будущих офицеров они являлись первичным уровнем, при этом в них обеспечивалось достойное гражданское образование, позволявшее в дальнейшем продолжать обучение в престижных вузах.

Кадетское образование – государственное образование, включающее компоненты основ военной и гражданской государственной службы, получаемое гражданами

России в порядке развития общего среднего образования в ходе обучения и воспитания в учреждениях кадетского образования с детства [3].

Важной задачей наряду с развитием у кадетов гражданственности, патриотизма, верности долгу и других духовно-нравственных и социально значимых ценностей является формирование у них профессионально значимых для военной службы качеств, знаний, умений и навыков [2, с. 79].

Приоритетными направлениями деятельности педагогов всегда считалось интеллектуальное, культурное, нравственное и физическое развитие воспитанников. Сегодня основной потенциал для воспитания военно-профессиональной направленности кадетов составляют образовательный процесс и внеучебная деятельность. «Ресурсом образовательной деятельности являются содержание учебных дисциплин, тематика научной и воспитательной работы, организационные формы, методы и средства работы, выбор которых направлен на решение задач военно-профессиональной направленности кадетов» [1, с. 24].

Формирование профессиональной компетентности в рамках изучаемых дисциплин способствует развитию интереса к военной службе, стремлению к расширению знаний и навыков, связанных с ней. Осваиваемые кадетами азы воинской службы (суточный наряд, единоначалие, строгая субординация, регламентированность поведения и др.) способствуют осознанному формированию мотивации к службе в армии.

Научная деятельность позволяет расширять границы образовательной программы и с учетом интересов и предпочтений кадетов углублять знания по военной истории, осваивать разные направления военно-профессиональной деятельности. Участие кадетов в олимпиадах, конкурсах, деловых играх, семинарах и конференциях на военную тематику, включенность их в научную работу развивает у них мышление, формирует сферу профессиональных интересов [4, с. 1052].

Традиционно приоритетами в воспитании кадетов являлись гражданственность, патриотизм, верность воинскому долгу, высокая ответственность, дисциплинированность. Эти важнейшие духовно-нравственные и социальные ценности формируются у кадетов и сегодня. Важную роль в развитии мотивационно-ценностной направленности на военную службу играют воспитательные мероприятия патриоти-

ческого характера, такие как «Этих дней не смолкнет слава», «День памяти героев Отечества», «Вахта памяти», «Памяти героев будем достойны», «Навечно в строю», «Герои-современники» и др.

Направленность кадетов на военную службу во многом определяется социальным окружением, профессиональным сообществом, психолого-педагогическими условиями среды кадетского корпуса, организацией всех субъектов образовательного процесса в контексте военно-профес-

сиональной направленности, но в первую очередь успешность ее развития зависит от субъектности самих кадетов, их ценностных ориентаций, жизненных планов, целей, потребностей.

Высокий уровень сформированности морально-нравственных ценностей станет залогом не только успешного овладения в будущем профессиональными компетенциями и стремления к профессиональному мастерству, но и добросовестного несения военной службы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иоаниди, А. Ф.** Развитие военно-профессиональной направленности курсантов военного вуза : монография / А. Ф. Иоаниди [и др.]. – Омск : Омское книжное издательство, 2013. – 215 с.
2. **Ковтуненко, Л. В.** Особенности военно-профессиональной подготовки допризывной молодежи в кадетских общеобразовательных организациях / Л. В. Ковтуненко, Е. В. Парамонов // Перспективы науки. – 2019. – № 5 (116). – С. 178–181.
3. Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности в федеральных государственных общеобразовательных организациях со специальными наименованиями «президентское кадетское училище», «суворовское военное училище», «нахимовское военно-морское училище», «кадетский (морской кадетский) военный корпус» и в профессиональных образовательных организациях со специальным наименованием «военно-музыкальное училище», находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, и приема в указанные образовательные организации : приказ министра обороны Российской Федерации от 21.07.2014 № 515. – URL: <https://rg.ru/2014/10/01/minoborony-dok.html> (дата обращения: 31.03.2020).
4. Technology and innovation in the development of cognitive activity / M. G. Sergeeva, A. V. Vilkoval, V. M. Litvishkov [et al.] // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Volume 8, no. 12. – Pp. 1050–1055.

REFERENCES

1. Ioanidi A.F. et al. *Razvitie voenno-professional'noi napravlenosti kursantov voennogo vuza: monografiya* [Development of military-professional orientation of military university cadets: monograph]. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. 215 p.
2. Kovtunen L.V., Paramonov E.V. Military-professional training of pre-conscript youth in cadet educational organizations. *Perspektivy nauki = Prospects of Science*, 2019, no. 5(116), pp. 178–181. (In Russ.).
3. *Ob utverzhdenii Poryadka organizatsii i osushchestvleniya obrazovatel'noi deyatel'nosti v federal'nykh gosudarstvennykh obshcheobrazovatel'nykh organizatsiyakh so spetsial'nymi naimenovaniyami "prezidentskoe kadetskoe uchilishche", "suvorovskoe voennoe uchilishche", "nakhimovskoe voenno-morskoe uchilishche", "kadetskii (morskoi kadetskii) voennyi korpus" i v professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh so spetsial'nym naimenovaniem "voenno-muzychal'noe uchilishche", nakhodyashchikhsya v vedenii Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii, i priema v ukazannye obrazovatel'nye organizatsii: prikaz Ministra oborony Rossiiskoi Federatsii ot 21 iyulya 2014 g. № 515* [On approving the procedure for organizing and implementing educational activities in federal state educational organizations with special names "presidential cadet school", "Suvorov military school", "Nakhimov naval school", "cadet (sea cadet) military corps" and in professional educational organizations with the special name "military music school", which are under the jurisdiction of the Ministry of Defense of the Russian Federation, and admission to the specified educational organizations: Order 515 of the Minister of Defense of the Russian Federation dated July 21, 2014]. Available at: <http://rg.ru/2014/10/01/minoborony-dok.html> (accessed March 31, 2020).
4. Sergeeva M.G., Vilkoval A.V., Litvishkov V.M., Kovtunen L.V., Lukashenko D.V., Klimova E.M. Technology and innovation in the development of cognitive activity. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 2019, vol. 8, no. 12, pp. 1050–1055.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО – доктор педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИИ России, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkolv@mail.ru
ЕГОР ВИКТОРОВИЧ ПАРАМОНОВ – инженер-инструктор по практической подготовке Военно-воздушной Академии имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7819-0321>, e-mail: egor_paramampam@mail.ru

LYUDMILA V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, senior researcher at the Scientific Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkolv@mail.ru
EGOR V. PARAMONOV – instructor-engineer for field training, Russian Air Force Military Educational and Scientific Center "Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy", Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7819-0321>, e-mail: egor_paramampam@mail.ru

Программа формирования морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения

Т. В. ВИКТОРОВА

Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы России № 3 по Республике Коми, г. Ухта, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-7693>, e-mail: viktorija_psi@mail.ru

Э. В. ЗАУТОРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

Реферат. Решение проблемы формирования морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны ФСИН России имеет важное значение для деятельности исправительных учреждений. При этом под формированием морально-психологической устойчивости понимается процесс целенаправленного развития личностных характеристик, включающих самооценку профессионально-психологической подготовленности к действиям в экстремальных условиях, чувство уверенности в правомерности применения огнестрельного оружия, наличие знаний, умений, навыков для адаптированного реагирования и регуляции эмоциональных состояний в процессе деятельности, способствующих успешному преодолению негативных факторов служебной деятельности и обоснованному применению оружия. Актуальность данной темы обусловлена увеличением нарушений, связанных с несоблюдением сотрудниками требований закона.

В ходе исследования было выявлено, что большая часть представителей отдела охраны (52,6 %) имеет низкий уровень сформированности морально-психологической устойчивости: не развита сфера эмоционально-волевых качеств, слабо выражено наличие моральных требований и оценок и т. д. В связи с этим была разработана комплексно-целевая программа, направленная на формирование морально-психологической устойчивости при применении огнестрельного оружия сотрудниками отделов охраны исправительных учреждений, которая была реализована на базе исправительных учреждений УФСИН России по Республике Коми. Программа построена на принципах активности, исследовательской позиции и объективации (осознания) поведения сотрудников и включает в себя 56 академических часов (лекции, групповые занятия). В ходе ее реализации использовались разнообразные психолого-педагогические методы, направленные на стимулирование качественного выполнения профессиональных обязанностей.

Положительным результатом реализации программы является сформированность знаний, умений и навыков, соответствующих требованиям, предъявляемым к сотрудникам, несущим службу с огнестрельным оружием. Приобретенные ими навыки являются основой для поддержания эмоционального равновесия личности и формирования необходимых профессиональных качеств.

Ключевые слова: сотрудники исправительных учреждений; деятельность отдела охраны; морально-психологическая устойчивость; формирование эмоциональной устойчивости; методы обучения; программа формирования морально-психологических качеств личности.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Викторова Т. В., Зауторова Э. В. Программа формирования морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения. *Пенитенциарная наука*. 2020, т. 14, № 4 (52), с. 528–533. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-528-533.

A Program for the Development of Moral and Psychological Stability in Security Division Officers of Correctional Institutions

TAT'YANA V. VIKTOROVA

Interdistrict Office of the Federal Tax Service of Russia No. 3 in the Komi Republic, Ukhta, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-7693>, e-mail: viktorija_psi@mail.ru

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

Abstract. Addressing the issue concerning the development of moral and psychological stability in employees of security division of the Federal Penitentiary Service of Russia is of major importance to the functioning of correctional institutions. We regard the development of moral and psychological stability as a process of consistent development of personal traits, including self-evaluation of professional and psychological readiness to act in emergency situations, a sense of confidence in the legality of the use of fire arms, the knowledge and skills required to respond adequately and adjust one's emotional state when performing one's duty; all these traits should help officers deal successfully with negative factors arising in the course of their service and use firearms lawfully. The topic of the paper is relevant, since there has been an increase in the number of violations related to officers' non-compliance with the law. We have revealed that the level of moral and psychological stability in the majority of security division representatives (52.6%) is low: their sphere of emotional and volitional qualities is not developed; they do not have enough moral requirements and assessments, etc. In this regard, we have worked out a comprehensive target program, the goal of which is to form moral and psychological stability in security officers of correctional facilities in situations requiring the use of firearms. The program was implemented on the basis of correctional institutions in the Komi Republic Department of the Federal Penitentiary Service of Russia. The program is based on the principles of activity, research orientation and objectification (awareness) of officers' behavior and includes 56 academic hours (lectures, group classes). In the course of its implementation, various psychological and pedagogical techniques were used to encourage high-quality performance of professional duties. The positive outcome of the program is observed in the fact that officers who use firearms in their work become fully equipped with relevant knowledge, skills and abilities. The skills they acquire are the basis for maintaining personal emotional balance and developing necessary professional qualities.

Key words: corrections officers; activity of a security division; moral and psychological stability; formation of emotional stability; training techniques; program for the formation of moral and psychological qualities in an individual.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Viktorova T.V., Zautorova E.V. A program for the development of moral and psychological stability in security division officers of correctional institutions. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 528–533. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-528-533.

Решение проблемы формирования морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны ФСИН России важно для эффективного функционирования исправительных учреждений и обеспечения готовности сотрудника к установленным законом решительным действиям при пресечении побегов и других противоправных деяний осужденных, в том числе к применению оружия на поражение [7; 8; 11].

Формирование морально-психологической устойчивости сотрудников, несущих службу с огнестрельным оружием, – это процесс целенаправленного развития личностных характеристик, включающих самооценку профессионально-психологической подготовленности к действиям в экстремальных условиях, чувство уверенности в правомерности применения оружия, наличие знаний, умений, навыков для

адаптированного реагирования и регуляции эмоциональных состояний в процессе деятельности, способствующих успешному преодолению негативных факторов служебной деятельности и обоснованному применению огнестрельного оружия [3; 4; 6; 9].

По информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2016–2018 гг. выявлено 260 нарушений, связанных с несоблюдением требований закона относительно как оснований, так и порядка применения физической силы и специальных средств. Следственными органами возбуждено 144 уголовных дела в отношении сотрудников пенитенциарной системы. В 112 случаях действия сотрудников квалифицировались как превышение должностных полномочий. В 2016 г. открыто 25 уголовных дел данной категории, в 2017 г. – 23, а в 2018 г. их количество возросло практически в три раза – до 64. К уголовной ответственности привлечено 67 сотрудников, при этом осуждено 38 лиц, наибольшее количество из них в 2018 г. [5].

Данные статистики актуализируют проблему формирования морально-психологической устойчивости сотрудников, заступающих на службу с огнестрельным оружием. В ходе исследования было предложено перечислить пять наиболее важных качеств сотрудника отдела охраны. Ответы в порядке убывания распределились следующим образом: эмоциональная стабильность, самодисциплина, уверенность, умение сохранять спокойствие в трудных служебных ситуациях, оставаться верным долгу и чести, высокая мораль. Полученные данные лишь подтверждают, что морально-психологические качества являются важными для сотрудника данного подразделения исправительного учреждения.

Вместе с тем было выявлено, что большая часть сотрудников (52,6 %) имеет низкий уровень сформированности морально-психологической устойчивости (исследование проводилось на базе ИК-19, ИК-29, СИЗО-2 УФСИН России по Республике Коми, непосредственными участниками педагогического эксперимента стали 79 сотрудников отдела охраны). Так, у респондентов была слабо развита сфера эмоционально-волевых качеств: не выражено наличие морально-нравственных оценок, а также требований, которые направлены на внутреннюю устойчивость и независимость от внешних обстоятельств, а также готовность представителей отдела охраны к принятию решений в ситуации субъективной неопределенности. Умение преобразовать ситуацию,

прогнозировать последствия выбора при реализации самостоятельных решений проявляется эпизодически.

В связи с этим была разработана комплексно-целевая программа, направленная на формирование морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения, несущих службу с огнестрельным оружием. Программа апробировалась в учреждениях УФСИН России по Республике Коми (ИК-19, ИК-29, СИЗО-2).

Основными задачами программы явились:

1. Создание психолого-педагогических условий для самоактуализации внутренних ресурсов и совершенствования личностных и профессионально важных качеств сотрудников.

2. Формирование морально-психологической готовности сотрудников отделов охраны к установленным законом решительным действиям при пресечении побегов и других противоправных деяний осужденных, в том числе к применению оружия на поражение.

3. Повышение уровня сформированности морально-психологической устойчивости сотрудников посредством психолого-педагогической коррекции эмоционально-волевого, операционально-рефлексивного и когнитивно-деятельностного компонентов.

4. Психолого-педагогическая поддержка сотрудников, расширение их социального и психологического опыта.

Программа построена на следующих принципах:

- активности (напряженность внимания, памяти и воли обучаемого для понимания и усвоения учебного материала). Сотрудник выступает субъектом обучения [1] (активность повышалась постепенно в ходе участия представителей отдела охраны в познавательной деятельности);

- исследовательской позиции (в процессе обучения сотрудники открывают новые для себя знания и познают свои личный потенциал, способности и особенности);

- объективации (осознании) поведения (универсальным средством перевода с импульсивного на объективированный уровень поведения участников обучения является обратная связь) [10].

Программа рассчитана на 56 часов: 19 – это лекционные занятия, остальные – групповые (9 часов – семинарские и 28 – практические занятия). Лекционные занятия направлены на освоение теоретических

знаний о морально-психологической устойчивости личности; приемах регуляции психоэмоциональных состояний, ресурсах и резервах психической организации личности; методах снижения уровня тревожности, повышения оптимальных психических состояний; видах рациональных установок на восприятие жизненных событий; методах развития экстернального локуса контроля; мотивации достижения успеха; понимании важности знания законов, инструкций и нормативных документов.

Групповые занятия, в частности практические, ориентированы на развитие таких навыков и умений сотрудников отдела охраны, как гибкость и концентрация в разрешении сложных профессионально-служебных ситуаций; развитие волевой и эмоциональной устойчивости к длительным нагрузкам; стрессоустойчивость к отрицательным факторам деятельности; уверенность в принятии решений в аспекте использования огнестрельного оружия и законных оснований его применения; управление вниманием в ситуациях длительного наблюдения; применение методов оперативной саморегуляции. Семинарские занятия были направлены на анализ ситуаций морального выбора в различных ситуациях деятельности, собственных психоэмоциональных состояний и выбор нужных способов совладания с ними; принятие самостоятельных решений и личной ответственности за результат деятельности; формирование положительного отношения к службе при осознании важности профессиональных задач, которые непосредственно связаны с применением огнестрельного оружия.

Цикл «Теоретические основы морально-психологической устойчивости» включает обсуждение профессионального выбора и рисков в профессии сотрудника отдела охраны (темы «Профессиональный выбор в жизни человека. Риски в профессии сотрудника отдела охраны», «Сущность понятия "моральная устойчивость" и ее место в целостной структуре личности», «Основы правовой грамотности сотрудника отдела охраны», «Морально-психологическое обеспечение несения караульной службы. Сохранение морально-психологической устойчивости сотрудника отдела охраны в особых условиях несения службы: при пресечении побега, при массовых беспорядках» и др.).

Цикл «Практические основы морально-психологической устойчивости» включает три блока:

– блок формирования когнитивных умений и навыков (темы «Нормативные доку-

менты, законы и инструкции по применению огнестрельного оружия в условиях исправительного учреждения», «Правовые основы безопасности» и др.);

– блок формирования волевых и эмоциональных качеств (темы «Как действовать в сложной ситуации», «Проявление решительности в ходе выполнения служебных задач», «Риск и ты», «Стресс – что это?», «Профессиональное наблюдение», «Готов к применению оружия на поражение» и др.);

– блок формирования важных профессиональных качеств сотрудника отдела охраны. Предполагает обсуждение вопросов устойчивости системы собственных взглядов и отношений, моральных требований и оценок, делающих сотрудника относительно независимым от внешних обстоятельств; осмысление своих возможностей эффективного решения служебных задач в различных, в том числе особых, условиях несения службы (темы «Ответственность и долг», «Самооценка личных качеств» и др.).

Групповые занятия имеют следующую структуру: 1) введение в тему (разминочные упражнения, направленные на создание атмосферы доверия, эмоциональной раскрепощенности и сплоченности в учебном коллективе); 2) основная часть (реализация содержания программы); 3) заключительная часть (обсуждение итогов занятия, групповая рефлексия).

В ходе занятий использовались разнообразные психолого-педагогические методы. Так, например, применялся метод морального выбора, где обучающимся, избегая прямого воздействия, предлагалось включиться в обсуждение, казалось бы, далеких от служебной деятельности ситуаций. Являясь теоретическими, эти ситуации в мыслях и чувствах сотрудников отдела охраны моделируют возможное поведение в ситуациях реальной ответственности, принятия решений [2].

На занятиях, направленных на выявление личностного потенциала, раскрытие личностных ресурсов, а также на обучение навыкам управления различными ситуациями, применялись специально подобранные упражнения, например: упражнение «Собранность и готовность действовать», цель которого – выработать точность действий в условиях неопределенности (создаются условия неопределенности и неожиданности, отрабатывается быстрота принятия решений и действий).

Определенным успехам в формировании морально-психологической устойчиво-

сти способствовало включение сотрудников, несущих службу с оружием, в работу по использованию самоподдерживающих утверждений (аффирмаций), а именно: «Я профессионал, я выполняю свою работу», «Я контролирую себя, свои мысли, эмоции, поступки – я контролирую ситуацию!», «Если я не знаю, как поступить в конкретной ситуации, я обращаюсь к более опытному сотруднику за советом», «В критической ситуации сначала думай, затем – делай!», «Я уверен в себе, спокоен, внимателен, требователен согласно инструкции, поступаю разумно, исходя из сложившейся ситуации». Также на занятиях широко использовались мини-лекции, дискуссии, видеoinформационные зарисовки, имитационные техники и др.

Положительным результатом реализации программы является сформированность знаний, умений и навыков, соответствующих требованиям, предъявляемым к профессиональным качествам сотрудника отдела охраны, выработка психического равновесия личности в случаях применения оружия, осуществление систематического контроля своего морально-психологического состояния и т. д. Представленная программа может быть использована при планировании лекционных и практических занятий с сотрудниками отдела охраны исправительного уч-

реждения в рамках служебной подготовки и в системе повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, морально-психологическая устойчивость к различного рода сложным и опасным ситуациям профессиональной деятельности рассматривается как одна из ведущих составляющих эффективности профессиональной деятельности сотрудников отдела охраны исправительных учреждений ФСИН России. Для обеспечения уверенного поведения сотрудников при выполнении должностных обязанностей требуются последовательная и систематическая психолого-педагогическая подготовка, обучение сотрудников правовым основам знаний и осуществление комплекса мероприятий по другим направлениям. Использование специально разработанной комплексно-целевой программы, направленной на формирование морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны в исправительном учреждении, будет способствовать развитию необходимых профессиональных качеств лиц, несущих службу с огнестрельным оружием. Приобретенные ими знания, навыки и умения станут основой для поддержания эмоционального равновесия личности и формирования необходимых профессиональных качеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Барабанщиков, А. В.** Проблемы психологии воинского коллектива / А. В. Барабанщиков, Н. Д. Глоточкин, В. В. Шеляг. – Москва : Воениздат, 1973. – 301 с.
2. **Зауторова, Э. В.** Ситуации морального выбора в нравственном развитии осужденных молодежного возраста : методические рекомендации для сотрудников исправительных учреждений / Э. В. Зауторова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2013. – 105 с. – ISBN 978-5-94991-243-0.
3. **Каленчук, Л. В.** Технологии морально-психологического обеспечения: актуальные проблемы теории и практики / Л. В. Каленчук, А. Г. Караяни, И. П. Логинов. – Москва : ВУ, 1997. – 88 с.
4. **Колодкин, Л. М.** Режим законности и принцип разумности в сфере исполнения наказаний и способы их обеспечения / Л. М. Колодкин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 2 (18). – С. 44–47.
5. Материалы коллегии о состоянии законности в сфере исполнения законодательства, направленного на пресечение незаконных методов воздействия в отношении осужденных и содержащихся под стражей лиц. Генеральная прокуратура Российской Федерации, Главное управление правовой статистики и информационных технологий. – URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1599844/> (дата обращения: 07.09.2020).
6. **Слепов, В. Я.** Морально-психологическое воспитание будущих офицеров-подводников : учебное пособие / В. Я. Слепов. – Ленинград : Высшее военно-морское училище подводного плавания им. Ленинского комсомола, 1968. – 113 с.
7. **Столяренко, А. М.** Экстремальная психопедагогика : учебное пособие для студентов вузов / А. М. Столяренко. – Москва : Юнити, 2002. – 607 с. – ISBN 5-238-00382-X.
8. **Трубочкин, В. П.** Психологические условия мобилизованности сотрудников ОВД на выполнение служебного долга / В. П. Трубочкин // Психолого-педагогические проблемы совершенствования управления и оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. – Москва, 1986. – С. 22–28.
9. **Ушатиков, А. И.** Психологическая подготовка сотрудников пенитенциарных учреждений к действиям в экстремальных условиях : учебно-методическое пособие / А. И. Ушатиков, О. Г. Ковалев, В. А. Семенов. – Рязань, 1997. – 97 с.
10. **Федорова, Е. М.** Духовно-нравственное воспитание сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе профессиональной подготовки : учебное пособие / Е. М. Федорова. – Москва : НИИ ФСИН России, 2007. – 119 с. – ISBN 978-5-9632-0041-4.
11. **Хальзов, В. И.** Педагогические основы воспитания военнослужащих внутренних войск учебное пособие / В. И. Хальзов ; под редакцией А. В. Барабанщикова. – Ленинград : ВПУ, 1988. – 65 с.

REFERENCES

1. Barabanshchikov A.V., Glotochkin N.D., Shelyag V.V. *Problemy psikhologii voinskogo kollektiva* [Problems of psychology of the military team]. Moscow: Voenizdat, 1973. 301 p.
2. Zautorova E.V. *Situatsii moral'nogo vybora v npravstvennom razvitii osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: metodicheskie rekomendatsii dlya sotrudnikov ispravitel'nykh uchrezhdenii* [Situations of moral choice in the moral development of convicted youth: methodological recommendations for corrections officers]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2013. 105 p.
3. Kalenchuk L.V., Karayani A.G., Loginov I.P. *Tekhnologii moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Technologies of moral and psychological support: topical issues of theory and practice]. Moscow: VU, 1997. 88 p.
4. Kolodkin L.M. The legality mode and the rationality principle in the penal sphere and the ways to ensure them. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2012, no. 2 (18), pp. 44–47. (In Russian).
5. *Materialy kollegii o sostoyanii zakonnosti v sfere ispolneniya zakonodatel'stva, napravlenno na presechenie nezakonnykh metodov vozdeistviya v otnoshenii osuzhdennykh i soderzhashchikhsya pod strazhei lits. General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii, Glavnoe upravlenie pravovoi statistiki i informatsionnykh tekhnologii* [Materials of the Board on the state of legality in the implementation of legislation aimed at suppressing illegal methods of influence against convicted and detained persons. General Prosecutor's office of the Russian Federation, Main Department of Legal Statistics and Information Technologies]. Available at: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1599844/> (accessed September 7, 2020).
6. Slepov V.Ya. *Moral'no-psikhologicheskoe vospitanie budushchikh ofitserov-podvodnikov: uchebnoe posobie* [Moral and psychological education of future submarine officers: textbook]. Leningrad: Vysshee voenno-morskoe uchilishche podvodnogo plavaniya im. Leninskogo komsomola, 1968. 113 p.
7. Stolyarenko A.M. *Ekstremal'naya psikhopedagogika: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Extreme psychopedagogy: textbook for university students]. Moscow: Yuniti, 2002. 607 p.
8. Trubochkin V.P. Psychological conditions for mobilization of police officers to perform their duty. In: *Psikhologo-pedagogicheskie problemy sovershenstvovaniya upravleniya i operativno-sluzhebnoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Psychological and pedagogical issues related to improving management and official activity of internal affairs bodies]. Moscow, 1986. Pp. 22–28 (In Russian).
9. Ushatkov A.I., Kovalev O.G., Semenov V.A. *Psikhologicheskaya podgotovka sotrudnikov penitentsiarnykh uchrezhdenii k deistviyam v ekstremal'nykh usloviyakh: uchebno-metodicheskoe posobie* [Psychological training of penitentiary staff to act in extreme conditions: study guide]. Ryazan, 1997. 97 p.
10. Fedorova E.M. *Dukhovno-npravstvennoe vospitanie sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy v protsesse professional'noi podgotovki: uchebnoe posobie* [Spiritual and moral education of employees of the penal system in the process of professional training: textbook]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2007. 119 p.
11. Khal'zov V.I. *Pedagogicheskie osnovy vospitaniya voennosluzhashchikh vnutrennikh voisk uchebnoe posobie* [Pedagogical bases of education of military personnel of internal troops]. Leningrad: VPU, 1988. 65 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Т. В. ВИКТОРОВА – ведущий специалист-эксперт отдела кадров и безопасности Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы России № 3 по Республике Коми, г. Ухта, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-7693>, e-mail: viktoria_psi@mail.ru

Э. В. ЗАУТОРОВА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

TAT'YANA V. VIKTOROVA – leading specialist and expert at the Personnel and Security Department, Interdistrict Office of the Federal Tax Service of Russia No. 3 in the Komi Republic, Ukhta, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-7693>, e-mail: viktoria_psi@mail.ru

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Отзыв официального оппонента о диссертации Бочкарева Сергея Александровича «Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания», выполненной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальностям 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учения о праве и государстве; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право¹

■ **Ю. В. ГОЛИК** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7449-2659>, e-mail: akskrf@yandex.ru

Уголовное право является уникальной сокровищницей знаний. При этом оно само является системой научного знания. Отрадно отметить, что С. А. Бочкарев указал это уже в названии своего исследования. Ключевой проблемой становится ответ на, казалось бы, простой вопрос: что такое знание? И чем отличается (или должно отличаться) научное знание от бытового или обыденного? Есть ли вообще такие отличия? Например, человек знает, что солнце всходит на востоке, но не знает, почему оно всходит именно там, а не на западе. Он не имеет представления ни о строении Вселенной, ни о вращении планет вокруг Солнца. Это как-то умаляет его базовое знание о том, что солнце всходит на востоке? И таких вопросов очень много. В общем-то, вся наша жизнь состоит из этих вопросов.

Что касается уголовного права, то эта сфера не является исключением. Человек совершает преступление и должен быть за это наказан. Но что такое преступление? И что такое наказание? Почему в Древнем Египте наступил на тень фараона считалось преступлением? А сегодня такого преступления нет, да и самих фараонов

тоже нет. А кражи совершались при фараонах и совершаются сейчас. Кражи пережили фараонов. Будут ли они совершаться в будущем? Кто знает.

Раньше людей за преступления казнили, причем казнили часто очень изощренно. Специалисты насчитывают более двухсот видов смертной казни. Сегодня этого все меньше и меньше, но в повестке дня стоит модификация личности как уголовное наказание. Это лучше или хуже? Кто знает.

Подобные вопросы накапливались тысячелетия и будут накапливаться дальше. Это как сам процесс познания: он имеет начало, но не имеет конца.

Казалось бы, ничего не изменилось. Фараонов сменили другие виды правителей, а кражи частично сохранились неизменными, а частично преобразовались в иные формы хищений. И тень фараонов (президентов, монархов и других руководителей) никуда не делась.

Но по историческому процессу как наиболее объективному критерию можно судить, что изменения на самом деле латентно происходили и в конечном итоге произошли. В первую очередь они касались знания. Сформировалось знание того, что есть тень и в чем состоит ее святость, а также чем эта святость отличается от не менее священного права собственности. Через модификацию и аккумуляцию этого знания наступило понимание.

Сначала последовало, как убедительно продемонстрировал соискатель (с. 290), индивидуальное и во многом опережающее понимание на уровне отдельных мыслителей того, что, в отличие от собственности, тень не имеет онтологической ценности, а придаваемое ей значение располагает исключительно приходящими и уходящими свойствами. Только спустя многие века наступило общественное понимание и признание этих же положений. Произошла, иными словами, социализация знания.

В результате длительного и, как правило, опытного познания общественной жизнедеятельности, ее изменений под воздействием различных факторов достигалось получение полного объема знаний об охраняемых правом объектах. Его формирование в свою очередь не проходило бесследно и не оставалось в умах философов, приводило к конкретным для уголовного права последствиям – его трансформации, гуманизации либо дегуманизации, расширению или сужению сферы его компетенции и юрисдикции.

В связи с этим нельзя не согласиться с диссертантом, когда он убедительно позиционирует знание в его двух ключевых и неразрывно взаимосвязанных ипостасях: как объект эволюции общественного сознания (с. 20), в связи с чем применяет к нему метафизический подход, поскольку без высокой степени абстракции, присущей этому подходу, процессы надисторического порядка ни одному позитивному методу не

¹ На заседании 25 июня 2020 г. диссертационный совет Д 002.002.07 при Институте государства и права Российской академии наук принял решение присудить Бочкареву Сергею Александровичу степень доктора юридических наук по итогам защиты диссертации на тему «Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания».

проследить, и как результат конкретно-исторического развития (с. 23), когда знание о событии происшествия, виновности лица, опасности и наказуемости совершенного им деяния вырабатывается здесь и сейчас участниками судопроизводства.

Все эти параметры уголовного права и знания о нем обычно в науке либо опускаются, либо не поднимаются. Почему? Проблема, как замечает диссертант, состоит в том типе научной рациональности, который учеными взят на вооружение (с. 21). Из-за присущих ему ограничений над суждениями о динамике уголовного права сегодня довлеют локализованный взгляд и ситуативная логика. В лучших традициях позитивизма изменения в системе, структуре и нормах этого права специалисты объясняют, как правило, конкретно историческими событиями, волей и предпочтениями действующей власти (господствующего класса). Очень удобный, надо сказать, подход, поскольку позволяет без углубления в социальную материю оперативно отвечать на тривиальные и во многом популистские вопросы, кто виноват и что и кому делать. В итоге получается, что позитивистский подход активно используется в основном за счет своей наглядности и удобства, а не по причине познавательной полезности и полноценности.

Протекание скрытых от невооруженного взгляда процессов гносеологического порядка практически не принимается во внимание. Не учитывается, что через общественно-политические институты, на которые обычно ссылаются позитивисты как на достаточное объяснение происходящих в обществе изменений, совершается в основном только объективация знания, его признание и придание ему официального статуса по причине одобрения социумом, широкого распространения и введения в практическую жизнь.

Уже сказанное заставляет рассматривать весь процесс в комплексе, а это рано или поздно должно вывести исследователя на систему всего знания.

Соискатель назвал свое сочинение теоретико-методологическим исследованием уголовного права. Разумеется, уголовное право изучалось и задолго до него, изучается оно и в наши дни. Изучается оно и как система. Однако до сих пор никто не брал на себя смелость изучить эту проблему как систему научного знания. Это принципиально важно, ибо позволяет взглянуть на все уголовное право как бы со стороны, находясь при этом внутри. Эффект познания увеличивается многократно.

Все сказанное позволяет оценить работу как актуальную, имеющую большое теоретическое и, как ни странно это звучит в данном случае, практическое значение. Она может послужить добротной основой для целого ряда дальнейших исследований.

Работа очень хорошо структурирована. При огромном массиве проблем автор сумел ото-

брать те, которые лучше всего выделяют все проблемные стороны темы, и скрупулезно их описал.

При написании работы автор использовал очень большой объем литературы, в том числе и зарубежной, нормативный материал, судебную практику, исследования других авторов. Это все позволяет оценить сделанные им выводы и предложения как научно обоснованные и достоверные, могущие быть использованными в других научных исследованиях.

В работе содержится достаточно много живых примеров, которые не просто иллюстрируют мысль автора, а позволяют глубже проникнуть в суть проблемы, высвечивают какие-то новые грани темы, делают сам процесс познания более емким.

Очень интересна структура работы. Автор начинает исследование с изучения генезиса уголовно-правового знания (гл. 1). Речь идет именно о генезисе и именно об уголовно-правовом знании. Дальше он переходит к описанию состояния субъектов уголовно-правового знания (гл. 2). Это очень важный момент: кто и как создает уголовно-правовое знание? Как правило, мы вообще не задумываемся над этим в своей повседневной жизни, а пристальный взгляд позволяет высветить такие неожиданные пласты и подходы, что впору задуматься, кто же рулит процессом. Затем он начинает исследование состояния уголовно-правового знания как объекта познания (гл. 3). Я бы, правда, поменял эти главы местами, но это потребовало бы и других изменений (прежде всего внутри самих этих глав). Однако автор волен выбирать свой собственный путь познания, на то он и автор. В гл. 4 соискатель дает свое видение картины философских предпосылок становления уголовно-правовой мысли и ее преобразования в знание. Принципиально важно отметить, что автор видит сначала появление мысли как таковой (как тут не вспомнить «в начале было слово»), которая затем может (но не обязательно) трансформироваться в знание. Это очень перспективный подход исследования, в том числе и в сфере уголовного права. Наконец, завершает все гл. 5 «Потенциал философского подхода в познании уголовного права». Если внимательно вчитаться в авторские описания, то мы увидим поистине безбрежный океан возможностей использования философии в уголовном праве. И это очень хорошо.

Здесь нужно отметить, что обращение соискателя к философскому опыту было осмысленным. Необходимость его использования современной наукой уголовного права, разделяющей в основном прямо противоположные взгляды на философию, последовательно и развернуто обосновывается на протяжении первых трех глав. При этом переход к философским основаниям уголовного права С. А. Бочкарев сделал не только для обозначения несовершенства структуры научного знания и восполнения существующего в нем дефицита философского элемента.

Переход целенаправленно совершен диссертантом в противовес традиционному подходу, с помощью которого уголовно-правовое знание сегодня добывается наукой в основном опытным и весьма затратным по времени путем, а потому, можно сказать, социально неоправданным способом. На осознание и имплементацию простых истин, как доказательно показал автор на богатом историческом материале, уходят века, а то и тысячелетия (с. 289–370). Вспомним высказанные еще в V в. до н. э. предложения Протагора отказаться от возмездия как идеи наказания и использовать его только для улучшения виновного. Массовая адаптация этих предложений и их постепенное вживление в законодательство в качестве нормы общественной жизни начались только на заре Нового времени.

Соискатель обосновал и на примерах показал, что тесная кооперация научного и философского знания представляет собой альтернативный, не менее полезный и авторитетный для науки путь пополнения знаний через постижение онтологических основ уголовного права. Он позволяет здесь и сейчас узнать о том, что есть охраняемое этим правом благо, через углубление в его природу и без применения к нему метода проб и ошибок, требующего для своей реализации значительных временных, ресурсных и общественно-политических издержек. Этот же путь является безальтернативным для проверки того уголовно-правового знания, которое получено наукой исключительно эмпирическим путем, и отличия спекулятивных ценностей от так называемых истинных благ, реально нуждающихся в уголовно-правовой защите.

Избранная автором структура работы и используемые приемы описания позволили ему достичь поставленных целей и задач и полноценно раскрыть содержание проблемы.

Нельзя не отметить, что работа защищает по двум специальностям, и это заслуживает уважения и одобрения. Вообще, деление знания на специальности в наши дни приобретает все более и более условный характер. Недаром И. Валлерстайн утверждал, что такое деление (по направлениям науки) существует только в нашей голове и никакого отношения к реальной жизни и к реальной науке не имеет.

Общая положительная оценка работы не исключает возможности сделать некоторые замечания.

Первое. Вызывают вопросы некоторые тезисы положений, выносимых на защиту. Так, на с. 20 (положение № 5) автор утверждает: «Подлинным и перманентным источником уголовно-правового знания является сознание человека». Всегда ли? Сознание может получать готовое знание извне (например, норма права, положения уголовно-правовой теории и т. д.). Разве в этом случае оно, сознание, тоже будет являться источником знания?

Второе. На с. 21 в положении № 8 утверждается, что логико-позитивистская и крити-

ко-рационалистическая традиция привели «к выработке ограничений в научном познании криминальной реальности, достижению пределов в практическом понимании уголовно-правовой действительности, а также к появлению издержек в социальной поддержке права». Как это могло привести к выработке ограничений в научном познании? Что вообще такое «ограничения в научном познании»? Возможны ли они в принципе?

Третье. В гл. 1 соискатель много внимания уделяет описанию процесса становления науки уголовного права в России. При этом он использует материалы дискуссии в газете «Право» 1915 г. Сегодня за давностью забылись и сама эта газета, и та дискуссия. О ней у нас хорошо написал в свое время А. Н. Трайнин, работа которого по этому поводу практически не вспоминается. А напрасно. Дело в том, что дискуссия о путях развития уголовного законодательства в Германии фактически стала причиной кризиса в науке уголовного права Германии. У нас нечто подобное было в 50-х гг. прошлого столетия, когда ученые пытались определить, что же такое вина в уголовном праве. Известна фраза Поскребышева, брошенная им с трибуны XIX съезда ВКП(б), которая завершила всю дискуссию: «Без вина в вине не разберешься». Вместо того чтобы разобратся в этом сложнейшем вопросе, мы прекратили все поиски истины на долгие годы. Вопрос заключается в том, сможем ли мы избежать ошибок прошлого в поисках истины или будем их с нелепой настойчивостью повторять.

Четвертое. На с. 122 автор приводит цитату из работы десятилетней давности, в которой утверждается, что российское общество переходит в эпоху глобализма. В наше время появилась масса аргументированных заключений о том, что эпоха глобализма закончилась. Одно из последних изложено академиком С. Ю. Глазьевым в его докладе «О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса». От глобализма как такового отказались и его «родители» (Сорос и др.). Стоит ли нам опираться на давнишние выводы сегодня?

Пятое. Не могу согласиться и с поддержкой автором давнишней позиции И. Г. Михайловского о том, что уголовная политика не есть наука (с. 146). Слишком много воды утекло с тех пор, все поменялось. Автор в какой-то мере противоречит сам себе, когда позже (с. 203) ставит рядом уголовную политику и уголовное право. Значит уголовная политика все же является наукой?

Высказанные замечания носят частный и уточняющий характер, при желании могут быть оспорены. Они не могут поколебать общего положительного впечатления от работы, которая отвечает всем предъявляемым к данному классу работ требованиям, является самостоятельным, законченным научным произведением и вполне обоснованно вынесена на защиту.

JURISPRUDENCE

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-537-541

UDC 340.1:349.9.018.3

Penal and Legal Doctrine as a Legal Category and a Metalanguage Means to Shape the Penal and Legal Policy

VITALII E. LAPSHIN

Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

VYACHESLAV V. SHAKHANOV

Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Abstract. So far, the science of penal law has not looked closely into the term “doctrine”, and, in particular, “penal and legal doctrine” from the theoretical point of view. Thus we find it necessary to eliminate this gap, since the use of these terms and their synonyms varies greatly in the scientific and educational activities of penal institutions. Understanding the doctrinal grounds is also important for assessing the current situation and prospects for development of the science of penal law. The article analyzes the usage of the terms “penal and legal doctrine”, “criminal-executive doctrine” “doctrine of criminal-executive law”, “penal doctrine”, “correctional doctrine”; penal and legal doctrine is considered as part of legal doctrine; we study the notion of “legal doctrine” in its relations with adjacent categories (science, concept, position); we also investigate the effects of penal and legal doctrine on the penal and legal policy. We conclude that the term “penal and legal doctrine” is the core one and acts as a necessary prerequisite for scientific analysis. We also provide recommendations for the use of the term “doctrine” in the penal law sphere and put forward our own definition of the term “penal and legal doctrine”. In the course of our research we used general scientific, sectoral (social narrative) and level methodology (methods of theoretical and metatheoretical levels of cognition in science).

Key words: penal and legal doctrine; legal doctrine; criminal-executive doctrine; correctional doctrine; doctrine of the criminal-executive law; penal and legal policy; metalanguage tool.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state.

For citation: Lapshin V.E., Shakhanov V.V. Penal and legal doctrine as a legal category and a metalanguage means to shape the penal and legal policy. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 537–541. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-537-541.

Any scientific research, as a rule, starts with an analysis of the terminology it uses, because, according to a well-known scientific axiom, “before you start a debate, you need to de-

fine the terms”. It is worth paying attention to the terms that act as metalanguage means, which may not be generic (specific) or related concepts and categories, but may be system-

forming and considered as a necessary prerequisite for scientific analysis. These include the term “doctrine” (in the penal sphere: “penal doctrine”, “criminal-executive doctrine”, “doctrine of the criminal-executive law”, etc.).

Having analyzed the information on the official website of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN Russia), we find the following phrases with the term “doctrine”: “religious doctrine”, “pre-revolutionary legal doctrine”, “military doctrine”, “doctrine of uncertainty in law”, “doctrine of military science”, “doctrine of criminal punishment”, “food security doctrine”, “information security doctrine”, “political and legal doctrine of the state”, “correctional doctrine”, etc. As we can see, the term “doctrine” is quite variable. It is used in the scientific and public life of research and educational organizations of FSIN Russia, as well as in the educational work of correctional institutions. Variation can also have negative implications if it affects the accuracy of the use of scientific terminology.

We browsed the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU in order to find published research by the keywords “criminal-executive doctrine” and “doctrine of the criminal-executive law”, but the search produced no results. At the same time, the key word “legal doctrine” is contained in 331 publications, and the key word “criminal-executive doctrine” (ranks second in the “rating” of keywords in combination with the term “legal doctrine”) – in 30 publications. The term “penal doctrine”, as a key word, is found in two publications [7; 15], and “penal science” – in 19 publications. There is no term “correctional doctrine” as a keyword in eLIBRARY.RU, but it appears in the title of one of the publications [12].

All the above-mentioned terms (“criminal-executive doctrine”, “doctrine of the criminal-executive law”, “penal doctrine”, “correctional doctrine”) can be considered as synonymous if they are used as a means of expressing penal thought. However, there is a certain dualism here, because all of the terms, except for the “doctrine of the criminal-executive law”, can be used as a means to express criminal-executive policy and reflect the main vector of state policy in the relevant field enacted in official documents. It is more logical to use the term “penal and legal doctrine” to objectify the fact of using penal and legal thought, because in the framework of penal studies one considers not only legal, but also sociological, psychological, pedagogical, and other issues.

There are no monographs that would study the term “penal and legal doctrine” and its synonyms, i.e. there has been no scientific research devoted to this category, its place in the

conceptual series of legal categories, its functional content, theoretical and methodological significance, its relationship with adjacent concepts and categories, etc. In this article, we shall try and fill this gap in part.

It is important to emphasize that we are talking about the lack of development of the concept as a legal category rather than as a social phenomenon. Penitentiary science (doctrine) as a social phenomenon has been studied very carefully and its study continues with the efforts of a fairly wide range of penal scientists, and the quality of the findings they achieve is beyond doubt.

R.V. Puzikov [11], A.A. Zozulya [5], S.V. Baturina [2] and E.O. Madaev [8] studied the legal doctrine from the general theoretical positions. According to R.V. Puzikov, it is “a system of views developed by legal science on the problems of legal regulation of public relations, expressed in the form of principles, presumptions, axioms and other basic foundations; this system of views represents a model of positive law, serves as a regulator of public relations, determines priority directions, patterns and trends in the development of legislation, regardless of whether its provisions are legally established in any document” [11, p. 73]. Considering this definition from the perspective of constructive criticism, we would like to draw attention to the fact that the doctrine does not always act as a model of positive law, nor does it act as a regulator of public relations (norms of law act as such a regulator).

According to the viewpoint of A.A. Zozulya, “legal doctrine is a general legal category that integrates a set of legal and scientific interpretations and judgments of positive law, which develop and substantiate legal and cognitive forms of knowledge of law and legal phenomena, principles, concepts, terms, constructions, methods, means, techniques for understanding and interpreting positive law: its sources, systems, structures, actions and applications, violations and restoration” [5, p. 9]. This definition, in our opinion, is not an integrating one, i.e. it does not cover all the approaches that allow us to speak about the multiple contexts of the phenomenon under consideration.

We paid attention to the term “doctrine”, which is generic to “penal and legal doctrine”, when we came across the publications by Yu.E. Ibragimova, dedicated to the development of the concept “judicial doctrine”. We should clarify that the practice of using the term “judicial doctrine” is not fragmentary, though it is not used extensively in Russian legal science. It is used in foreign legal systems (primarily in

the United States) as a means of generalizing judicial practice based on the principle of judicial precedent.

We believe that a legal doctrine cannot be tied to a specific professional community. We do not agree with Yu.E. Ibragimova's opinion that judicial doctrine and legal doctrine can be considered as two independent phenomena [6, p. 80]. Professional communities should be distinguished from scientific communities. Doctrine is the sphere of activity of the latter. Thus, when we speak about a "penal and legal doctrine", we mean the research findings of penal scientists outside of their official activities (and not all of them continue to serve in the penal system, and some have never experienced the burden of this service).

Earlier, one of the authors of the present paper drew attention to the fact that "the views of the category of legal practitioners who in the process of applying the law do not need deep reflexive thinking when making a law enforcement act can be described as corporate (corporate style of thinking)" [16, p.117–118].

In the framework of their professional duties related to the administration of justice, judges are not engaged in the formation of judicial doctrine, but in law enforcement and legal interpretation activities. At the same time, in some cases, they form their own legal positions rather than judicial doctrine. It is necessary to clearly distinguish between different types of activities. The activity of judges is not scientific, but professional. Granted, when they do not perform their professional duties, they can engage in doctrinal activities to increase scientific knowledge based, among other things, on the results of their practical activities, and these results will be objectified in scientific literature rather than in judicial acts. Thus, we can state the fact that various types of activities differ from each other by the sources of objectification of their results.

So, as we mentioned earlier, penal and legal doctrine is a means of expressing penal and legal thought. In this regard, the question arises about the relationship between the terms "science" and "doctrine". Not all authors consider them as similar. Thus, I.S. Zelenkevich draws attention to the difference between legal doctrine and legal science [4]. The differentiation of these terms occurs against the background of research on the problem of sources of law. This fact allows us to raise the question of recognizing the multiple contexts of the terms "legal science" and "legal doctrine". If they are considered in the context of using them as a form (source) of law, then the term "legal doctrine"

looks more preferable, since it is more suited for the characteristic and form of expression of a certain legal position. Without going into further details, we believe that the term "legal position" would be more accurate to denote a scientific (doctrinal) view as a source of law. Legal science is very conservative in terms of the use of terminology, which obviously explains why the term "legal doctrine" is continued to be used for the purpose of designating a form of law instead of the term "legal position" that was introduced into scientific discourse mainly in the last decade.

E.O. Madaev highlights the scientific and applied nature of the latter and its focus on legal practice as an essential feature that distinguishes scientific research from doctrine [8, p. 56]. He suggests considering the legal doctrine as "a relatively independent, complex (multidimensional) element of the legal system of the state, which represents scientifically based, authoritative views and theories about other elements of the legal system and legal activity that have a scientific and applied nature and direct regulatory capabilities" [8, p. 61–62]. We believe that there are no prerequisites for giving the doctrine an applied character; rather, on the contrary, doctrinal specifics emphasize the predominance of the theoretical component over empiricism.

It is very problematic to distinguish between the notions such as "science" and "doctrine" in one plane. Scientific research cannot be considered as such if it ignores authoritative views and theories, and the applied nature is an obvious goal of any scientific research (although is it not always achievable), because science is aimed at "obtaining theoretical knowledge that serves to satisfy basic human needs" [13, p. 347]. However, the applied nature cannot be a constant companion of science. Some scholars see the meaning of its existence in the pre-emptive reflection of reality [3, p. 15].

Science is a field of activity, doctrine is a certain result of scientific activity that embodies not only knowledge, but can also be used as a means of knowledge. It is important to understand that not all the ideas that make up the "disciplinary matrix" of science are products of individual scientific thought bearing the name of its creator. Many things can be considered as an impersonal well-known result of collective efforts.

The term "doctrine" should also be distinguished from the term "concept". V.M. Baranov considers doctrine to be a category of "mainly or purely scientific creativity" [1, p. 54–56].

The practice of using the term "doctrine" proves that it is in demand not only in science but

also in the sphere of law-making; there, it denotes a normative strategic planning document (e.g., the information security doctrine approved by the President of the Russian Federation on September 9, 2000, No. Pr-1895). This highlights the multi-aspect nature of the term, but does not give rise to its “devaluation”.

An important point in studying penal and legal doctrine is its differentiation from the science of criminal-executive law. The latter term is generic in relation to the former. The doctrine is more subjective, it makes it easier to reflect the opinion of individual scientists or their groups, but not the wholerange of penal scientists, which is usually not logical, since the unity of views in the scientific community on certain issues is not always achievable. No doubt, science gravitates toward collective forms of recognition, but against the background of individual creativity. This is one of its few strongholds remaining after the devaluation of the collective spirit. Doctrine “frames” the product of both collective creativity and individual achievements, if the latter are supported by a scientific school or scientific community working within a certain paradigm.

Legal doctrines can be classified according to various criteria. For instance, according to the content side, D.A. Polyanskii and R.V. Puzikov distinguish general legal doctrine, sectoral legal doctrine, and the doctrine of a specific legal institution [10]. In our opinion, it is not logical to talk about the doctrine of a specific legal institution, since such an approach devalues the term “doctrine”, depersonalizes the result of the activity of a scholar or scholars. There should be a person behind this term – a scientist with a certain style of scientific thinking (metatheoretical baggage of knowledge).

Legal doctrine is a carrier of a certain legal ideology and a means of forming a legal policy. We share S.V. Baturina’s view point, according to which “the legal doctrine, being the ideological basis of the Russian legal system, at the same time acts as a guiding vector for the development of legal policy” [2, p. 11].

An attempt to take a system-wide look at the phenomenon of penal and legal policy was made at the all-Russian round table held at Samara Institute of Law on December 12, 2013 [9]. In scientific publications, the terms “penal policy” and “criminal-executive policy” are used more frequently. In the titles of articles and in the keywords, they were used in 214 and 407 publications, respectively. These are more capacious (broad) terms that reflect changes and trends not only in law, but also in other fields, which is obviously more convenient when covering the relevant segment of public relations.

A.V. Mal’ko understands penal and legal policy as a “scientifically substantiated, consistent and system-wide activity of state bodies and civil society institutions to optimize the penal system and improve the mechanism of penal and legal regulation” [9, p. 106]. Speaking about the need to create a concept for penal and legal policy, A.V. Mal’ko uses the term “doctrinal document” [9, p. 107]. But we believe that the document cannot be doctrinal. A doctrine is “a teaching, a scientific or philosophical theory, a political system, a guiding theoretical or political principle” [14, p. 211]. When we speak about documents, we find it more logical to use terms such as guiding, basic, directive, conceptual, etc.

We consider it possible to emphasize the influence of penal and legal doctrine on penal and legal policy by including this fact in our own definition as one of its essential features. Here it is necessary to pay attention to the fact that penal and legal doctrine acts as a metalanguage means of forming a criminal-executive policy. Its cognitive tools cover not only the theoretical but also the metatheoretical level of scientific knowledge – the style of legal thinking, legal paradigms, legal worldview, etc. This makes it possible to use the tools of interdisciplinary interaction when forming a penal and legal doctrine.

Our study produced the following findings.

The science of criminal-executive law needs self-cognition using general scientific knowledge and philosophical foundations. This is necessary for the systematization of scientific knowledge within a particular field. System-wide nature of knowledge is one of the criteria for its validity. One of systematization tools is the doctrine as a system of views. The term “penal and legal doctrine” is a system-forming one and is a necessary prerequisite for carrying out scientific analysis.

We propose the following correlation between the terms “science” and “doctrine”: science defines primarily the sphere of activity, and doctrine is a certain result of scientific activity, which not only embodies knowledge, but also can be used as a means of knowledge. It is more logical to use the term “doctrine” to personalize scientific views.

Let us formulate some recommendations on the use of the term “doctrine” in the penal sphere:

– proceeding from the fact that the term “science of criminal-executive law” is generic in relation to the term “penal and legal doctrine”, we consider it advisable to use the latter to reflect the views of individual scientists or their groups, rather than the entire range of penal scientists;

– it would be logical not to use the phrase “doctrinal document”, but to use the terms “guidance document”, “main document”, “policy document”, “framework document”.

Concluding our study of the penal and legal doctrine as a legal category, we put forward our own definition of this category: it is a phenom-

enon used in multiple contexts and reflecting formal aspects of penal science (as its source) and its content (as a system of views, a means of expressing penal thought), which acts as a carrier of a certain penal and legal ideology and a metalanguage means of forming the penal and legal policy.

REFERENCES

1. Baranov V.M. *Kontsepsiya zakonoproekta: ucheb. posobie* [Concept of a draft law: textbook]. Nizhny Novgorod, 2003. 190 p.
2. Baturina S.V. *Traditsii rossiiskoi pravovoi doktriny. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Traditions of Russian legal doctrine: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2008. 27 p.
3. Berkov V.F. *Filosofiya i metodologiya nauki: ucheb. posobie* [Philosophy and methodology of science: textbook]. Moscow: Novoe znanie, 2004. 336 p.
4. Zelenkevich I.S. Legal doctrine and legal science: some aspects of correlation and use as sources of law. *Severo-Vostochnyi nauchnyi zhurnal = North-Eastern Scientific Journal*, 2010, no. 2, pp. 42–47. (In Russ.).
5. Zozulya A.S. *Doktrina v sovremennom prave. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Doctrine in modern law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2006. 31 p.
6. Ibragimova Yu.E. The role of judicial doctrines in establishing and elimination of gaps in legislation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 80–95. (In Russ.).
7. Korsakov K.V. Alternatives to deprivation of liberty as a way out of the crisis of modern penal practice. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika = Law Enforcement Agencies: Theory and Practice*, 2018, no. 1, pp. 23–26. (In Russ.).
8. Madaev E.O. *Doktrina v pravovoi sisteme rossiiskoi federatsii. Diss. ... kand. yurid. nauk* [Doctrine in the legal system of the Russian Federation: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2012. 254 p.
9. Mal'ko A.V., Romashov R.A., Timofeeva E.A. Penal and legal policy of Russia: constitutional foundations (review of materials of an all-Russian round table) (Samara, December 12, 2013). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2014, no. 12, pp. 106–114. (In Russ.).
10. Polyanskii D.A., Puzikov R.V. Legal doctrine as a special legal phenomenon. *Vestnik TGU = Tambov University Review*, 2013, no. 11 (127). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-doktrina-kak-osoboe-pravovoe-yavlenie> (accessed July 1, 2020). (In Russ.).
11. Puzikov R.V. *Yuridicheskaya doktrina v sfere pravovogo regulirovaniya (problemy teorii i praktiki): dis. kand. yurid. nauk* [Legal doctrine in the sphere of legal regulation (problems of theory and practice): Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Tambov, 2003. 196 p.
12. Seliverstov V.I. Correctional doctrine and its impact on the status of an individual exonerated from serving their sentences. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2018, no. 2, pp. 65–73. (In Russ.).
13. Kuznetsov V.G. (Ed.). *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moscow: INFRA-M, 2004. 731 p.
14. *Sovremenniy slovar' inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. Moscow: Rus. yaz., 1993. 740 p.
15. Teplyashin P.V. Theoretical foundations of modern comparative research on European penal systems. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2015, no. 1, pp. 112–116. (In Russ.).
16. Shakhanov V.V. “Horizontal” and “vertical” structuring of elements of the legal system as a reflection of its meta-phenomenality (revisiting the issue of conceptual series of legal categories). *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2019, no. 2, pp. 114–119. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VITALII E. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Personality Psychology and Special Education at Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activity at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6243-9532>, e-mail: ve_lapshin@mail.ru

VYACHESLAV V. SHAKHANOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor of the Department of Theory and History of State and Law at Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation, associate professor of the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Management at Vladimir Law Institute of FSIN Russia, Vladimir, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1251-7886>, e-mail: shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Criminal Law Measures and Criminal Liability: Scientific Discussion and Searching for a Solution

YURII E. PUDOVCHKIN

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000000311009310>, email: 11081975@list.ru

Abstract. The paper analyzes the content of scientific discourse on the relationship between criminal liability and criminal law measures and proves that the corresponding concepts are not subordinate and interchangeable. Criminal law measures are defined as legal means and normative structures established by law, which the state uses to respond to a crime. Criminal liability is defined as a real phenomenon, a special combination of criminal law measures implemented on the basis of a court sentence. The common feature of criminal liability and criminal law measures is that they can only be applied in case of commission of a crime. In this regard, measures imposed on persons who have committed a socially dangerous act before reaching the age of criminal liability or in a state of insanity should be excluded from the list of measures of a criminal legal nature. The difference between liability and criminal law measures is that liability requires official recognition of a person guilty of committing a crime, while criminal law measures can also be applied in the absence of a decision on guilt, when a person is exempt from criminal liability. Based on this, all criminal law measures are divided into two groups: a) measures applied outside the scope of liability, and b) measures that are part of liability. We give the nomenclature of each of them and identify promising opportunities for their expansion. In particular, the list of criminal law measures may be supplemented with community service, limited paid work, and administrative supervision.

Key words: criminal liability; measures of a criminal-legal nature; criminal punishment; conditional conviction; criminal record; administrative supervision; criminal-legal attitude.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Pudovochkin Yu.E. Criminal law measures and criminal liability: scientific discussion and searching for a solution. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 542–551. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-542-551.

Recognizing criminal law measures as a legal means by which the state adjusts the legal status of an individual who has committed a crime within the framework of criminal law relations, we find it necessary to consider the most significant issue of the relationship between criminal law measures and criminal liability.

Modern criminal legislation in this part gives grounds for a variety of interpretations.

In Articles 2, 6 and 7 of the Criminal Code of the Russian Federation (RF CC), which contain the concept of “criminal law measures”, it is used in a general semantic row with the notion of “punishment”. However, since punishment is unthinkable without criminal liability, the relevant legislative formulations give grounds for lawyers to consider criminal measures as an integral part of criminal liability. For example, A.V. Naumov asserts that “criminal liability should be understood as all measures of criminal law impact applied to a person who has

committed a crime... Criminal liability is divided into punishment and other measures of criminal law impact (for example, medical treatment measures) that are not defined as punishment” [32, p. 96]. In such arguments, criminal liability is a generic concept in relation to punishment and other criminal law measures.

At the same time, Articles 6 and 7 of RF CC state that criminal law measures are applied to an individual who has committed a crime, while Section 4 of RF CC states that criminal law measures include compulsory medical measures that are prescribed, among other things, to persons whose state of insanity at the time of committing an act provided for by criminal law does not allow the act to be considered as a crime. These regulations allow legal professionals to talk about a different ratio of criminal liability and criminal law measures. In particular, V.V. Maltsev writes that “there are much more arguments in favor of the fact that the content of the term

'criminal law measures' includes the content of the term 'criminal liability' than vice versa" [25, p. 184–185]. N.A. Lopashenko shares this opinion and points out the following correlation between the terms under consideration: "criminal law measures include criminal liability and other criminal law measures" [23, p. 66].

As we can see, the issue under consideration is very controversial. The main problem that provokes debate among legal professionals is as follows: are criminal law measures a manifestation of criminal liability or an alternative to it, or is criminal liability a criminal law measure?

The problem is complicated by the discussion about criminal liability itself. For example, N.V. Shchedrin, discussing the new criminal law measures introduced in RF CC, writes that "the perception of the essence of the novel is complicated by a long-standing discussion about the concept of criminal liability and the forms of its implementation. It seems that the category of 'criminal liability' creates unnecessary conflicts in practice and generates endless disputes in theory". Then the author asks the question: "I would like to know what 'terrible losses' we are to expect if we remove this term from criminal law? Instead, we can use the general term 'criminal law impact', 'criminal law measures' or simply 'criminal law sanctions'... But the benefits of such a step are undeniable. One of them is that it will put an end to the fruitless discussions about the scope and forms of implementation of criminal liability and the moment of its occurrence and termination" [44, p. 46].

Such a lengthy quotation, although it exhausts the arguments of N.V. Shchedrin about the uselessness of the category of criminal liability, nevertheless does not contain, in fact, a single weighty argument against the use of the category "criminal liability", except for the need to end the discussion. And even that should not be taken into account, since it seems that in this case, the way out of the problem situation is not to end the discussion, but rather to deepen it, to bring the scientific controversy to a higher and methodologically important level.

As we know, the category of criminal liability was filled with modern meaning in the middle of the past century due to the need, on the one hand, to integrate all measures of influence on the criminal, and on the other hand – to separate some of these measures from criminal punishment and measures not related to the criminal law. Today, the need for instrumental support for this function not only remains relevant, but, on the contrary, has become even more acute.

Without conducting a full-fledged analysis of this category, especially since a significant

amount of scientific literature is devoted to this topic, we only note that the value of the category of criminal liability for a proper understanding of criminal law measures directly depends on what meaning is put into the concept of criminal liability itself.

In our opinion, out of the large number of existing concepts, the most convincing one is that in which criminal liability is understood as a deterioration of the legal status of a person who has committed a crime, which consists in depriving or restricting some of their rights and freedoms, based on the law and expressed in a court sentence [26, p. 52; 40, p. 104]. This approach assumes that liability as a phenomenon can exist only within the framework of actual and developing protective social relations generated by crime [19, p. 26; 22, p. 33] and that liability is a "phenomenon of objective reality" [43, p. 100].

If we proceed from these positions, we will have to state an obvious fact: liability is something from the field of actual relations, it is always individual. Criminal law measures are initially on a completely different plane. As the means of legal regulation of relations arising in connection with a crime, they primarily relate to the sphere of normative structures. In other words, if liability is a certain element of implementation and dynamics of criminal law regulations, then criminal law measures are a static element, if it is permissible to say so, a model-normative element. They can become an element of reality only if they are actually applied to an individual who committed a crime, that is, when they are part of liability.

The proposed explanation of criminal liability, in our opinion, confirms the necessity and usefulness of this scientific and normative category for understanding and improving the mechanism of criminal law regulation, although it does not answer the question of the ratio of the scope of the terms "liability" and "criminal law measures".

It seems that the restriction of the legal status of a person who has committed a crime, expressed in criminal liability, occurs due to the application of certain criminal law measures to this person, and the implementation of these measures constitutes the content of criminal liability. Does this mean that in the discussion presented above, A.V. Naumov's argument that criminal law measures are part of liability should be recognized as the only correct one? We believe that the answer is negative.

As we know, criminal law allows for the application of criminal law measures beyond the implementation of criminal liability. We note that

we are only talking about measures that apply to persons who have committed a crime (which excludes from the scope of analysis the measures applied to insane persons and persons who have not reached the age of criminal liability, which, in our opinion, should be placed outside criminal law). In this case, their implementation occurs when they are exempted from liability. This institution has recently become very popular. Without going into its analysis, we point out that some experts recognize this exemption as a form of implementation of criminal liability [2, p. 13; 17, p. 101]. Therefore, based on the logic of recognizing all forms of implementation of liability as criminal law measures, the very exemption from criminal liability should be considered as one of such measures. I.E. Zvecharovskii [11, 35], V.K. Duyunov [7, p. 68], G.V. Nazarenko [31, p. 266] write about it in their works. However, in our opinion, the fallacy of this conclusion lies in the flawed original premise.

If, upon exemption from criminal liability the person who committed the crime is released from the official negative assessment of their behavior as criminal and the need to accept some of the legal restrictions expressed in the court sentence, if the person is not subjected to actual legal restrictions, then the exemption from liability cannot serve as a form of implementation of this liability. The absence of something, by definition, cannot be a form of implementation of this something [9, p. 25].

When an individual is exempted from criminal liability, the criminal law relationship is terminated (sometimes suspended) by the will of the state. Having a kind of subjective right to bring criminals to justice and punish them, the state (if there are conditions established by law), of its own free will and guided by its own considerations related to humanism, justice, expediency, etc., breaks the legal link with the person who committed the crime, refuses to exercise the right that belongs to it. As a general rule, no real punitive or other measures of influence are applied against an individual who committed a crime. Therefore, exemption from criminal liability itself is not classified as a criminal law measure.

However, there are significant exceptions to this rule (Articles 76.2, 90 of RF CC). It is very difficult to determine the legal nature of the measures that can be applied to a person who has committed a crime when this person is exempted from criminal liability. Today these include compulsory measures of educational influence and a court-imposed fine, and in the future, there will be other criminal law measures, if a legislative initiative of the Supreme Court of the Russian

Federation on the introduction of the criminal offence and other criminal law measures is implemented. A significant number of the authors mentioned earlier recognize them as criminal law measures. However, this does not always take into account, for example, the fact that compulsory measures of educational influence can be applied to three categories of adolescents: minors who are not subject to criminal liability due to their young age or lag in mental development that is not associated with a mental disorder; minors exempted from criminal liability; minors exempted from criminal punishment. Thus, we find it difficult to fully agree with the opinion of S.A. Borovikov, who suggests ignoring these differences and, in any case, classifying educational measures as criminal law measures [1, p. 16]. A.V. Brilliantov holds a different opinion and argues that when Article 90 of RF CC is applied, then measures of educational influence are not included in the content of criminal liability from which a person is exempted [2, p. 8]. It is difficult to share this point of view, since the legal nature of certain measures of influence cannot be completely determined only by the procedural order of their application. Other authors also write about the unified nature of the measures under consideration; and at the same time they see them as measures of administrative-legal impact [15, p. 113], or measures of public impact [35, p. 15–16] rather than measures of criminal-legal impact.

Presenting our own view of the problem, we shall focus on the following facts that we consider obvious:

1) measures applied in the absence of the grounds for bringing to criminal liability (medical treatment measures against the insane and educational measures against persons under the age of criminal liability) do not belong to the category of criminal law measures;

2) measures applied to persons who have committed a crime as part of the implementation of their criminal liability (medical measures in relation to partially sane individuals, confiscation of property) are part of criminal liability;

3) measures applied when exempting from criminal liability the persons who have committed crimes (measures of educational influence, court-imposed fine) retain the property of criminal law measures without being part of criminal liability.

Thus, not all criminal law measures are part of liability; the relationship between them is not a relationship of subordination (part and whole). However, this does not provide arguments in favor of the viewpoint of V.V. Maltsev and N.A. Lopashenko in the theoretical discussion

presented above, since criminal liability is not necessarily an element of criminal law measures.

In this case, there is no reason to accuse experts of contradictions in the viewpoints presented, or even more so of their fallacy. We cannot ignore an important fact that many theoretical views were formed and presented under the criminal law that is significantly different in its content from the current version. In this regard, both points of view presented above, being on different sides in the theoretical dispute, in our opinion, objectively do not take into account the dramatic transformations of criminal legislation and are inaccurate only because of this.

Criminal law measures in the current Criminal Code of the Russian Federation do not form a homogeneous group. Some of these measures are applied outside the scope of liability, while others are applied within it. Moreover, it is important that these measures do not intersect (compulsory measures of educational influence can be applied in accordance with Article 90 of RF CC when an individual is exempted from liability and in accordance with Article 92 of RF CC upon release from criminal punishment, but it is the exception which requires special studies and, perhaps, elimination). Therefore, it is logically incorrect to build unambiguous and linear links between liability and these measures. The establishment of such a link should be accompanied by a differentiated analysis of criminal law measures.

Thus, all of the above allows us to conduct the first ranking of criminal law measures on the basis of their correlation with criminal liability. The first group consists of criminal law measures that are applied when a person who has committed a crime is exempted from criminal liability. These, according to the law, are compulsory measures of educational influence (Article 90 of RF CC) and a court-imposed fine (Article 104.4 of RF CC). In the future, it is possible to supplement this list with community service and limited paid work.

The second group consists of criminal law measures that are applied within the framework of criminal liability. Determining their list is a separate research task. Proceeding from the idea of recognizing criminal law measures as an element of criminal liability, experts have very different solutions as to what legal means of influencing the legal status of a person within the framework of liability are considered criminal law measures. Thus, it is possible to identify three key approaches within this area of scientific thought.

A broad interpretation of criminal law measures is proposed by I.E. Zvecharovskii. He un-

derstands them as measures provided for by criminal law, applied regardless of the legal nature of the behavior of an individual who committed a crime, but taking into account changes in the individual's criminal status. This interpretation allowed the author not only to refer to the measures under consideration as "humanistic alternatives" (all types of exemption from criminal liability, voluntary refusal to commit a crime, amnesty), but also to take into account the existence of those criminal law norms that assess the negative behavior of an individual after committing a crime (Part 4 of Article 50 of RF CC).

The above is close to the reasoning of S.I. Kurganov, who argues that the grounds for applying other criminal law measures can include wrongful behavior of an individual after they committed a crime and that such measures include, besides the forms of implementation of criminal liability, measures applied to convicts who do not fulfill the requirements of the court sentence (abolition of probation or extension of probation (Parts 2 and 3 of Article 74 of RF CC), revocation of parole (Item "a" of Part 7 of Article 79 of RF CC), abolition of compulsory measures of educational influence, which are used in the exemption from criminal liability (Part 4 of Article 90 of RF CC), cancellation of the suspension of punishment for pregnant women and women with small children (Part 2 of Article 82 of RF CC), substitution of the punishment for a more strict one in case of malicious evasion from serving the sentence (Part 5 of Article 46, Part 3 of Article 49, Part 4 of Article 50, Part 4 of Article 51 of RF CC)) [21, p. 59].

In this case, criminal law measures are declared to be all means of the state's response to absolutely any life circumstance recognized as a legal fact in criminal law. In our opinion, such a concept allows for an unjustifiably broad interpretation of the phenomenon under consideration and includes measures that are fundamentally different in terms of grounds, goals and legal nature in a single system of criminal law measures. Replacing the imposed sentence with a more severe one, abolition of suspended sentence, canceling the suspension of serving the sentence, canceling the exemption from criminal liability are not criminal law measures as such (a substantive phenomenon, a legal means of resolving a conflict caused by the crime), but rather the legal consequences of violating the protective relations between the criminal and the state already regulated by criminal law. In other words, these means are aimed not at settling the criminal law relationship, but at ensuring the inviolability of the option of resolving the criminal law conflict ex-

pressed in a sentence or other procedural act. They are, therefore, of a secondary, enforcement nature. And because of this, it is impossible to equate their legal nature with the legal nature of criminal law measures that serve as a reaction to the crime committed rather than to post-criminal illegal behavior.

The second approach to understanding criminal law measures is formed by the views of a group of authors who introduce additional criteria for classifying measures as criminal law measures and give them a restrictive interpretation. Thus, S.V. Zemlyukov recognizes that criminal law measures are applied only to persons who have committed crimes, and are aimed at solving the problems of criminal law. At the same time, he believes that "other criminal law measures are measures of influence stipulated in the Criminal Code, applied by the bodies of inquiry, investigation or court to the person who committed a crime, instead of criminal liability or punishment, and aimed at saving measures of criminal repression, reformation of the person, and preventing them from committing new crimes" [12, p. 32]. S.V. Zemlyukov argues that such humanistic alternatives include measures used when an individual is exempted from criminal liability (Article 90 of RF CC), measures applied when an individual is released from criminal punishment (Article 92 of RF CC), conditional sentence (Article 73 of RF CC).

V.M. Stepashin also recognizes criminal law measures as a humanistic alternative to punishment [34, p. 398]. Similar reasoning is proposed by M.F. Gareev, who classifies all criminal law measures related to liability and having an impact on an individual guilty of a crime as follows: 1) punishment and 2) other non-punitive criminal law measures [3, p. 10]. S.Yu. Skobelin builds his concept on the same positions: he understands other criminal law measures as other forms of implementation of criminal liability, other than punishment, that can be applied to a person who has committed a crime. Such measures, in his opinion, are law-limiting; but they are not punitive, but educational and preventive in nature [38, p. 61].

Although there are some differences, the presented theories have the following common features: first, experts recognize punishment as a criminal law measure; second, other measures are understood only as a humanistic alternative to punishment.

Finally, the third approach to understanding criminal law measures is formed by specialists who, while recognizing the fact of committing a crime as the basis for applying the measures under consideration (and thereby excluding en-

forcement means from the range of measures), nevertheless consider other criminal law measures as not only an alternative to criminal punishment, but also as its complement. Such judgments are made by the authors who divide criminal law measures into those that complement punishment and those acting as an alternative to it [3, p. 17; 27, p. 46; 30, p. 7].

Analyzing the approaches to understanding criminal law measures presented in Russian science, we should acknowledge that each of them not only has the right to exist, but also has a certain cognitive potential by revealing and highlighting one or another aspect, property, or feature of these measures. It is hardly possible to speak unequivocally about the justice or injustice of any of them. It should only be a question of greater or lesser preferences for a concept that corresponds (or does not correspond) to an author's understanding of the essence of the criminal law mechanism. In fact, any particular theory of criminal law measures is the basic one that determines the understanding of criminal law in general, since it intersects ideas about the subject and method of criminal law, legal facts, subjects of criminal law relations, goals of criminal law regulation, etc. For this reason, any criticism of such a theory requires numerous preliminary reservations about the author's understanding of criminal law. It can be fruitful only if the opponents speak the same language, within the framework of a single scientific paradigm shared by the parties.

Taking this into account, as already noted, we do not undertake to analyze the concepts that recognize criminal law measures as those that are applied if there are no elements of a crime in the act. We also leave aside those criminal law measures that are applied when an individual is exempted from criminal liability. We will limit ourselves only to those measures that are provided for persons who can bear criminal liability, and are part of the latter.

But here a problem arises that should be discussed; otherwise, further scientific search will be difficult. We are talking about the content and forms of implementation of criminal liability. A full analysis of this issue in the framework of the present paper is hardly necessary, and therefore we will pay attention only to some aspects of the topic that are directly related to the understanding of criminal law measures.

We believe that science is not going to criticize a thesis that the content of criminal liability should include the conviction of an individual and the act they committed, this conviction is made on behalf of the state in the sentence issued by the court; criminal liability should also

include the measures of influence on this individual contained in the court sentence under the criminal law, and a criminal record. Depending on what measures of influence are defined in the sentence and what is the procedure for their execution, we can talk about various forms of implementation of criminal liability. The form of implementation of criminal liability does not depend on the fact of conviction (it is universal and is present in all cases of criminal liability implementation). It is defined by the "middle part" of the content of liability, that is, the measures applied by the state, the order in which they are implemented, and the possibility of combining various measures.

Until recently, the law knew only one measure – punishment, different variations of the purpose of which determined the form of implementation of criminal liability. Today, among the measures implemented in the framework of liability, there are also criminal law measures that differ from punishment. The law explicitly names only three such legal means: measures of educational influence that are applied when an individual is exempted from criminal liability (Article 92 of RF CC), compulsory supervision and treatment by a psychiatrist on an outpatient basis (Part 2 of Article 99 of RF CC), confiscation of property (Article 104.1 of RF CC).

In the criminal law literature, this list is sometimes corrected, primarily in connection with the discussion of such criminal law institutions as probation and release from criminal punishment.

A number of specialists consider exemption from punishment as an independent criminal law measure [11, p. 35; 16, p. 287; 31, p. 266]; even more specialists view conditional sentence as a criminal law measure [18, p. 57; 20, p. 24; 29, p. 23–25; 33, p. 88; 39, p. 290]; a group of authors argue that criminal law measures include the restrictions and obligations assigned to probationers or those exempted from punishment and do not include a conditional sentence or exemption from punishment [6, p. 128; 8, p. 211; 14, p. 173].

It seems that, despite the external similarity, conditional sentence and exemption from punishment require separate analysis.

In the situation of exemption from criminal punishment, it is, first of all, criminal punishment itself that acts as a criminal law measure imposed by the court sentence. The special order of execution of this punishment is a circumstance that determines the form of implementation of criminal liability, but does not act as an independent criminal law measure. Possible requirements for the conduct of persons exempted from liability, including their respon-

sibilities to raise children or to undergo medical and social rehabilitation, also should be considered not as separate criminal law measures that are assigned for committing a crime, but as the statutory consequences of assessment of certain legal facts that affect the dynamics of the existing criminal legal relationship, that is, as a penal consequence.

Speaking about the conditional sentence, we do not intend to enter into a long-standing and ongoing dispute about the legal nature of this measure. Instead, in this part of the study, we will allow ourselves, without additional arguments, to support the opinion already expressed in science and relate it to the subject under consideration. The only significant reservation in this case will be the question whether criminal law measures include the actual suspended sentence or the measures that are applied by the court to conditionally convicted persons in order to reform them and prevent new crimes. It seems that a suspended sentence itself is a form of implementation of criminal liability, under which two criminal law measures are imposed: one (punishment) is mandatory and conditional, and the other (restrictions and requirements for behavior) is alternative, but real. In this regard, when discussing a suspended sentence in the context of the doctrine of criminal law measures, we find it advisable to consider the following: the special and independent measures do not include a suspended sentence in general, but include those measures that are imposed by a court sentence and the fulfillment of which is a condition that makes it possible not to execute a criminal sentence. We agree with experts, who note that "the institution of conditional sentencing in the form in which it is enacted in the current Criminal Code is nothing more than a combination of the use of two independent tools of criminal law enforcement: punishment and probation. Hence, it is more correct to consider a suspended sentence not as one of the manifestations of punishment or probation separately, but as a form of implementation of criminal liability... Based on this approach to understanding the meaning of a suspended sentence, there inevitably arises a question concerning the status of probation. Quite obviously, it is an independent criminal law measure, which in its essence acts as a means of criminal liability alternative to punishment. Therefore, it deserves a separate place in the criminal law [28, p. 109].

The assessment of criminal records deserves special attention in the discussion of the relationship between criminal law measures and the content of criminal liability. It is con-

sidered quite ambiguously in modern science. The view of the criminal record and related legal restrictions as an integral part of criminal liability can be considered as common [10, p. 39–40; 24, p. 11]. At the same time, V.V. Maltsev writes: “A criminal record under the law cannot (and does not) serve as a means of depriving or restricting the rights and freedoms of persons who have served a sentence but have an outstanding or unquashed criminal record. Hence, without contradicting the criminal law, it cannot be considered “neither the burden of responsibility” or the continuation of punishment, nor criminal liability in the form of punishment. There are no restrictions on the exercise of human and civil rights and freedoms in connection with a criminal record, nor are there any restrictions in the Constitution or regulations of other branches of the law. Thus, the presence of a criminal record in general does not worsen the legal status of persons who have served their sentences” [25, p. 202; 26, p. 67]. It seems that this is not quite true. The list of legal restrictions imposed by law on persons with a criminal record is extremely wide. In this regard, there is a need to determine their nature, as well as the nature of the criminal record itself.

For example, Article 45 of the Criminal Code of the Republic of Belarus links a criminal record with the very fact of conviction and recognizes it as a consequence of conviction, which creates prerequisites for the application of punishment or other criminal law measures: “The conviction of a person for a crime they committed creates a legal state of criminal record, which consists in the possibility of applying punishment or other criminal liability measures to the convicted person in accordance with the court sentence and this Code”. A.V. Brilliantov writes that a criminal record as a certain legal condition of an individual is not an integral part of criminal liability and not its prerequisite, but its consequence. The Constitutional Court of the Russian Federation in the decision dated March 19, 2003 No. 3-P “On the case regarding the examination of constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of the criminal record of a person, repeated crime and recidivism, as well as Paragraphs 1 to 8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000 ‘On the declaration of amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945’ in connection with a request of the Ostantkino intermunicipal (district) court of Moscow and complaints of some citizens” identified a criminal record as “the legal condition of a person determined by the fact of conviction and im-

position of a court sentence for the crime committed”. S.G. Kelina pointed out that a criminal record is a criminal law measure [16, p. 287].

As we can see, the range of opinions is quite extensive. Assessing them, first of all, we point out the inadmissibility of recognizing a criminal record as an independent criminal law measure. The law does not recognize it as such, nor is it a criminal law measure in its essence, since it does not imply any materialized expression in the form of certain restrictions. It is hardly correct to define a criminal record as a consequence of conviction or criminal liability. A criminal record, as it follows from the provisions of Article 86 of RF CC, is generated not just by convicting an individual, but by imposing a criminal penalty on an individual. In this regard, the approach proposed by the Constitutional Court of the Russian Federation can be considered optimal.

Meanwhile, a criminal record, as we know, implies certain legal restrictions that are outside criminal law. In science, it was noted that restrictions of a general legal nature are not included in the content of a criminal record. It is difficult to agree with this, given that RF CC does not directly establish any legal restrictions related to a criminal record. They are all enshrined in the laws of different fields. Labor legislation, legislation on military service, electoral legislation, and constitutional legislation contain a number of very significant legal restrictions for persons with a criminal record. In addition, the presence of a criminal record is a prerequisite for applying to some persons such a measure of legal influence as administrative supervision, according to Federal Law 64-FZ of March 6, 2011 “On administrative supervision of persons released from prison” [13, p. 307].

It is pointless to say that all these measures do not restrict the legal status of convicted individuals; we also cannot deny the connection of these restrictions with the crime committed. Thus it will be fair not to exclude a criminal record from the content of liability and not to exclude the link between civil legal restrictions and a criminal record, but on the contrary, to include measures that restrict an individual’s rights due to the presence of a criminal record in the analysis of criminal law measures, first of all, in order to find an answer to the fundamental question of whether any restrictions of rights associated with a criminal record can be recognized as restrictions of a criminal-legal nature. We believe that we cannot assume that all such legal restrictions are criminal law measures, but some of them may have such properties. Understanding that finding a solution to this com-

plex issue requires a separate study, we shall agree with a scientific point of view that administrative supervision fully meets the criteria of a criminal law measure, without additional arguments [36, p. 98–103].

Another important theoretical problem in the framework of the doctrine of criminal liability and criminal law measures is their correlation with the sanction of a criminal law norm. A sanction is defined as that part of the norm that contains a description of the types and amounts of punishments possible in the case of a crime described in the disposition of the present paper. Since the most ancient and classical form of liability is punishment provided for by the sanction, liability usually looks like the implementation of the sanction. A.A. Magovedov writes about it as follows: “Criminal liability is the implementation of a criminal law norm in the form of a protective criminal law relation” [24, p. 32–33]. But in a number of cases, the penalty imposed by the sanction becomes either excessive or insufficient. Taking into account some relatively common individual features of crimes, the legislator provides additional means of differentiating liability, allowing for the adjustment of the sanction by applying other measures of influence to perpetrators. At the same time, based on considerations of system-wide nature of the law and legal technique, these means are placed outside the sanction of the Special Part of RF CC. Experts have already drawn attention to the corresponding sign of other criminal law measures [16, p. 285; 37, p. 322]. Fully recognizing its existence, we emphasize that it provides grounds to adjust the idea of liability as the implementation of a sanction, or a sanctions as a description of punishments only. In any case, this fact makes it possible to clarify an extremely important feature of criminal law measures: they can act either as an alternative to criminal punishment, or as a supplement to it.

The incomplete analysis of the content and forms of implementation of criminal liability carried out through the prism of the subject of the present study allows us to get closer to

understanding the essence and nomenclature of criminal law measures, their variety that is part of criminal liability. We believe that in this case it is possible to support the point of view of V.I. Gorobtsov, who includes punishment, compulsory measures of educational influence, compulsory medical measures, and suspended sentence in criminal law measures [4, p. 36]; we also share the position of T.G. Ponyatovskaya on the possibility of including administrative supervision in such measures.

All these measures (similar to the types of punishments provided for in Article 45 of RF CC) can be divided into basic ones, which are imposed independently and cannot be combined with other measures, and additional ones, which are imposed only in conjunction with some basic criminal law measure. Criminal law measures alternative to punishment that are applied to minors, and conditional sentence are the main ones, while compulsory medical treatment, confiscation of property and administrative supervision are additional criminal law measures.

Let us draw the following conclusions:

1. Criminal law measures do not constitute a homogeneous group and, depending on their relation to criminal liability, can be classified into two groups: a) measures applied outside the scope of liability, and b) measures that are part of liability. The common integrative feature of these measures is their basis – the commission of a crime, their general distinguishing feature – the presence or absence of an official conviction of an individual in a court sentence.

2. Criminal law measures that are not related to the implementation of criminal liability are compulsory measures of educational influence and a court-imposed fine, and in the future – community work and partially paid work.

3. Criminal law measures implemented within the framework of criminal liability are divided into basic (criminal punishment, compulsory measures of educational influence, conditional sentence) and additional (compulsory medical treatment, confiscation of property, and in the future – administrative supervision).

REFERENCES

1. Borovikov S.A. *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya kak al'ternativa nakazaniyu nesovershennoletnikh* [Compulsory measures of educational influence as an alternative to the punishment of minors]. Moscow: YurLitinform, 2008. 192 p.
2. Brilliantov A.V. *Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti: s uchetom obobshcheniya sudebnoi praktiki: nauchno-prakticheskoe posobie* [Exemption from criminal liability: taking into account the generalization of judicial practice: research and practice textbook]. Moscow: Prospekt, 2014. 111 p.
3. Gareev M.F. *Tseli inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera i sredstva ikh dostizheniya po rossiiskomu ugolovnomu pravu: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Goals of other criminal law measures and means of achieving them in Russian criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Kazan, 2005. 198 p.
4. Gorobtsov V.I. Development of the theory of criminal law enforcement in the new Criminal Code of the Russian Federation. In: *Aktual'nye problemy teorii ugolovnogo prava i pravoprimenitel'noi praktiki: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of the theory of criminal law and law enforcement practice: a collection of scientific papers]. Krasnoyarsk: KrVShMVDRF, 1997. Pp. 60–67. (In Russ.).

5. Grammatichikov M.V. *Sudimost': istoricheskii, ugovolno-pravovoi i ugovolno-ispolnitel'nyi aspekty: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal record: historical, criminal-legal and penal aspects: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnoyarsk, 2002. 23 p.
6. Grebenkin F.B. The concept, features and types of other measures of a criminal-legal nature. In: *Sistemnost' v ugovolnom prave: Materialy II Rossiiskogo Kongressa ugovolnogo prava* [Consistency in criminal law. Proceedings of the second Russian Congress on Criminal Law]. Moscow: Prospekt, 2007. Pp. 125–127. (In Russ.).
7. Duyunov V.K. *Ugovolno-pravovoe vozdeistvie: teoriya i praktika* [Criminal law impact: theory and practice]. Moscow: Nauchnaya kniga, 2003. 520 p.
8. Egorov V.S. *Voprosy pravovogo regulirovaniya mer ugovolno-pravovogo prinuzhdeniya* [Issues of legal regulation of criminal law enforcement measures]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo in-ta; Voronezh: Izd-vo NPO "MODEK", 2006. 309 p.
9. Endol'tseva A.V. *Institut osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye problemy: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Institute of exemption from criminal liability: theoretical, legislative and law enforcement problems: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2005. 50 p.
10. Zagorodnikov N.I. On the limits of criminal liability. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1967, no. 7, pp. 39–46. (In Russ.).
11. Zvecharovskii I. Criminal law measures: concept, system, types. *Zakonnost' = Legality*, 1999, no. 3, pp. 36–39. (In Russ.).
12. Zemlyukov S.V. The concept and content of criminal law measures. In: *Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov: Kriminologiya, ugovolnoe pravo, sudebnoe pravo: materialy Vserossiiskoi konferentsii* [State and law at the turn of the century: Criminology, criminal law, judicial law: Proceedings of the all-Russian conference]. Moscow: In-t gosudarstva i prava RAN, 2001. Pp. 29–36. (In Russ.).
13. Kalinina T.M. Administrative supervision as another measure of criminal law. In: *Ugovolnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Proceedings of the 9th research-to-practice conference]. Moscow, 2012. Pp. 300–307. (In Russ.).
14. Kaplin M.N. On criminal law measures. In: *Aktual'nye problemy differentsiatsii ugovolnoi otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki v ugovolnom prave i protsesse: sbornik nauchnykh statei*. Yaroslavl: Izd-vo Yarosl. un-ta, 2003. Pp. 169–176. (In Russ.).
15. Karelin D.V. *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeistviya kak al'ternativa ugovolnoi otvetstvennosti: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Compulsory measures of educational influence as an alternative to criminal liability: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Tomsk, 2001. 269 p.
16. Kelina S.G. "Other measures of a criminal law nature" as an institute of criminal law. In: *Ugovolnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century. Proceedings of the 4th international research-to-practice conference]. Moscow: Velbi, 2007. Pp. 283–288.
17. Kelina S.G. Measures of responsibility provided for by the criminal law and the grounds for their application. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1982, no. 5, pp. 100–108. (In Russ.).
18. Kelina S.G. Punishment and other criminal law measures. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 6, pp. 51–58. (In Russ.).
19. Kelina S.G. *Teoreticheskie voprosy osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti* [Theoretical issues of exemption from criminal liability]. Moscow: Nauka, 1974. 231 p.
20. Kondalov A.N. *Uslovnoe osuzhdenie i mekhanizmy ego obespecheniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Suspended sentence and mechanisms of its provision: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Kazan, 2000. 180 p.
21. Kurganov S. Criminal law measures. *Ugovolnoe pravo = Criminal Law*, 2007, no. 2, pp. 59–63. (In Russ.).
22. Lesnichenko I.P. *Ponyatie i osnovanie ugovolnoi otvetstvennosti: lektsiya* [The notion and basis of criminal liability: a lecture]. Stavropol: Servisshkola, 2005. 59 p.
23. Lopashenko N.A. *Konfiskatsiya imushchestva* [Confiscation of property]. Moscow: YurLitinform, 2012. 160 p.
24. Magomedov A.A. *Ugovolnaya otvetstvennost' i osvobozhdenie ot nee: evolyutsiya pravovykh vozzrenii i sovremennost': avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Criminal liability and exemption from it: evolution of legal views and modernity: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1998. 57 p.
25. Mal'tsev V.V. *Vvedenie v ugovolnoe pravo* [Introduction to criminal law]. Volgograd: Volgogr. yurid. in-t MVD Rossii, 2000. 204 p.
26. Mal'tsev V.V. *Problemy osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti i nakazaniya v ugovolnom prave* [Problems of exemption from criminal liability and punishment in criminal law]. Volgograd: VA MVD Rossii, 2004. 209 p.
27. Medvedev E. The concept and types of other criminal law measures applied for the commission of crimes. *Ugovolnoe pravo = Criminal Law*, 2009, no. 5, pp. 46–51. (In Russ.).
28. Medvedev E.V. The concept and essence of suspended sentence as a tool of criminal law impact. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 2 (29), pp. 107–112. (In Russ.).
29. Muzenik A.K. Differentiation of criminal liability: forms and types. In: *Ugovolnoe pravo i sovremennost': mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Criminal law and modernity. Inter-university collection of scientific papers]. Krasnoyarsk: KrVSh MVD RF, 1998. Pp. 21–26. (In Russ.).
30. Nabiullin F.K. *Nekaratel'nye mery ugovolno-pravovogo kharaktera: priroda, sistema i sotsial'no-pravovoe naznachenie: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Non-punitive criminal-legal measures: nature, system and socio-legal purpose: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kazan, 2008. 23 p.
31. Nazarenko G.V. Criminal law measures that are not a punishment. In: *Ugovolnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: Proceedings of the 17th international research-to-practice conference]. Moscow: RG-Press, 2010. Pp. 22–26.
32. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lektsii* [Russian criminal law. General part. A course of lectures]. Moscow: Bek, 1996. 550 p.
33. Nepomnyashchaya T.V. Punishment and measures of criminal law in the system of measures to counter crime. In: *Protivodeistvie prestupnosti: ugovolno-pravovye, kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty: materialy III Rossiiskogo Kongressa ugovolnogo prava* [Combating crime: criminal law, criminological and criminal law aspects. Proceedings of the 3rd Russian Congress on criminal law]. Moscow: Prospekt, 2008. Pp. 86–89.
34. Nepomnyashchaya T.V., Stepashin V.M. *Problemy naznacheniya nakazaniya: uchebnoe posobie* [Problems of sentencing: a textbook]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2011. 590 p.
35. Paltser A.R. *Osvobozhdenie ot ugovolnoi otvetstvennosti po sovetskomu ugovolnomu pravu: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Exemption from criminal liability under Soviet criminal law: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Tartu, 1966. 18 p.

36. Ponyatovskaya T.G. Crime prevention: security measures, administrative supervision. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 3, pp. 98–103. (In Russ.).
37. Radaev A.G. About the notion of “measures of criminal law”. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy Vos'moi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: Proceedings of the 8th international research-to-practice conference]. Moscow: MGYuA, 2011. Pp. 318–322.
38. Skobelin S.Yu. The essence and content of criminal law measures, alternative to punishment. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2009, no. 4 (10), pp. 57–62. (In Russ.).
39. Skripchenko N.Yu. Legal regulation of other criminal law measures: realities and prospects for improvement. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the 21st century: Proceedings of the 9th international research-to-practice conference]. Moscow: Prospekt, 2012. Pp. 289–293.
40. Tarbagaev A.N. Responsibility in criminal law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1994, no. 3, pp. 102–106. (In Russ.).
41. Brilliantov A.V. (Ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya: uchebnik* [Criminal law of Russia. The general and the special part: a textbook]. Moscow, 2008. 1180 p.
42. Aslanov R.M., Boitsov A.I., Matsnev N.I. (Eds.). *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Code of the Republic of Belarus]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2001. 474 p.
43. Filimonov V.D. *Ugolovnaya otvetstvennost' po rossiiskomu zakonodatel'stvu* [Criminal liability under Russian legislation]. Moscow: YurInfoR-MGU, 2008. 247 p.
44. Shchedrin N.V., Kamylnina O.M. Russian criminal law in the context of doctrinal models of building criminal law sanctions. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2008, no. 3, pp. 40–49. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

YURII E. PUDOVCHIKIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, chief researcher, head of the criminal law direction at the Center for Justice Research of the Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1100-9310, e-mail: 11081975@list.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-551-555

UDC 343.9.01

Fine in the System of Punishments for Crimes against Property and Some Issues Related to the Enhancement of Its Effectiveness

IRINA V. AZAROVA

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3497-2126, e-mail: aziravlad@rambler.ru

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0542-5254, e-mail: diw@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the place and role of fines in the system of criminal penalties and looks into some trends in its establishing by the legislator and application by the court. We investigate property protection issues that have always been in the focus of attention of legislators and legal science and that have never lost their relevance, because they relate to the inviolable vital interests of an individual, society and the state. In the framework of the topic under consideration, we undertake to explain our viewpoint on three basic terms: “fine”, “property” and “punishment effectiveness”. We conclude that property should be considered (among other things in the establishment of the elements of a crime) as a complex multifaceted phenomenon associated with ensuring the security of individuals, society and the state from various threats, including those of an intangible nature. We analyze fine as a penalty and fine imposed by the court as a criminal law measure in the aspect of legal regulation and application practice. We carry out comparative analysis of the rules on the protection of property and the application of penalties in the form of a fine for encroachment upon it on the example of the criminal legislation of the Republic of Belarus.

As a result, we conclude that the importance of fine in the structure of penal sanctions is increasing; we note that there is a trend to increase the use of a court imposed fine as an exemption from penal sanctions. At the same time, we point out that this approach used by legal professionals does not fully fit in with the legally established principle of social justice as the goal of punishment. Crimes against property should be considered as a threat not only to property, but also to the life and health of people (Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation), moral, spiritual and other values of an individual and society. We believe this approach should be used both in legislative and law enforcement practice, including cases of applying a court imposed fine.

Key words: property; fine; court imposed fine; punishment goals; punishment effectiveness.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Azarova I.V., Dvoryanskov I.V. Fine in the system of punishments for crimes against property and some issues related to the enhancement of its effectiveness. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 551–555. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-551-555.

Property protection issues have always been the focus of attention of the legislator and legal science, and they have never lost their relevance because they deal with inviolable vital interests of an individual, society and the state. The legislator also recognizes them as such, having defined in the fundamentals of the constitutional system the provision that private, state, municipal and other forms of property are recognized and equally protected in our country (Article 8 of the Constitution of the Russian Federation). At the same time, the Constitution stipulates that no one “may be deprived of their property except by a court decision” (Part 3, Article 35). Compulsory acquisition of property is allowed only on condition of preliminary and equivalent compensation for it.

Property protection is carried out in various ways, including criminal legal means [9, p. 118–138]. It is known that traditionally the structure of crime is dominated by theft [4, p. 461]. Suffice it to say that in 2019, according to official data from the Prosecutor General’s office of the Russian Federation, they accounted for 42.5% of the total number of all registered crimes. The share of those convicted of crimes under Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2019 reached 37.4% [7]. The indicators of the court-imposed fine for the analyzed Chapter were even higher: out of 33,329 such fines, 46.3% were imposed under the articles of this part of the criminal law.

However, the scientific elaboration of the topic of fine and the level of generalization of its application in the context of the effectiveness of this type of punishment do not correspond to its significance.

The development of the topic under consideration urges us to clarify our position on its three basic notions, which are “fine”, “property” and “punishment effectiveness”, all of them are in the center of ongoing debate in legal science.

It is known that the notion of “fine” [*shtraf* in Russian – translator’s note] is of German origin, it comes from the word “die Strafe”, which means punishment in Russian [11, p. 521]. The current legislation uses this definition very widely in the leading branches of private and public law.

Thus, the Civil Code of the Russian Federation recognizes the forfeit (the fine, the penalty) as the sum of money, defined by the law or by the agreement, which the debtor is obliged to pay to the creditor in case of his non-discharge, or an improper discharge, of the obligation (Article 330 of the RF Civil Code).

The Code of Administrative Offences of the Russian Federation defines fine as a monetary sanction expressed in terms of rubles or at a multiple of various indicators, including a multiple of the cost of the administrative offense or the amount of unpaid taxes, or taxes payable, and so on (Article 3.5 of the RF Code of Administrative Offences).

According to the Criminal Code of the Russian Federation, a fine is a monetary penalty imposed within the limits provided for by the Criminal Code (Article 46 of the RF Criminal Code).

Analysis of the legal and doctrinal interpretation of this phenomenon allows us to conclude that a fine is a measure of material impact on the offender implemented so as to compensate for material damage, moral damage, and also for the implementation of multi-faceted socially significant goals of punishment.

As for the notion of “property”, it is traditionally basically a category of civil law, the essence of which is expressed in the ability of any person to legally have an unlimited amount of property, own, use and dispose of it freely. The use of this definition in other branches of law is the subject of ongoing disputes.

Thus, there is an opinion that the condition of both the Russian criminal legislation and the

established criminal law theory on the issue of the connection of the definition of property with the essence of criminal law is unsatisfactory [2, p. 4]. Having pointed out a certain categorical implication of the statement we note that it is not entirely justified, and we would like to add that at the end of the past century the analysis of global changes in the country's socio-economic and political nature shows that criminal law science has developed an opinion according to which such features as "materiality", "economic value" and "price" are not always crucial in determining property as an object of encroachment. Moreover, the author of the reasoning provided above indicates that different chapters of the Criminal Code contain components representing property as private area (Item B, Part 2, Item A Part 3 of Article 58), and the basis for social existence (Articles 167, 168, 214), etc.

At the same time, we agree with the conclusion that property should be considered (among other things, in cases when the elements of a crime are determined) as a complex multi-faceted phenomenon [1, p. 22] associated with ensuring the state of protection of an individual, society and the state as the main security objects from various threats, including non-material ones (life and health, spiritual and moral values, etc.) [10, p. 313].

Eight types of penalties out of thirteen provided for in the RF Criminal Code are applied as basic and additional punishments for encroachments upon one's property. Fine can be applied as the main or additional penalty from the total amount of such sanctions.

For comparison, in the Criminal Code of the Republic of Belarus, with which our country forms the Union State, and we may assume that in the framework of integrative legal thinking that we recognize [3, p. 57–63], the legislation in different spheres of public life will be leveled off, and the number and types of penalties for encroachment upon one's property match by about 70%. At the same time, the Criminal Code of the Republic of Belarus contains no such penalty as "compulsory labor". We should note that this sanction is used as an alternative to incarceration in cases explicitly provided for in the Criminal Code and implies putting the convicted to labor in places determined by the institutions and bodies of the penal system, followed by deduction from 5 to 20% of the wage of the convicted person's income for the benefit of the state. This type of punishment in our country was introduced by Federal Law 420-FZ dated December 7, 2011 and is applied only from January 1, 2017, not being particularly popular with executors of law. Thus, in 2018 on the whole this sanction

was applied to 1,030 individuals, although it is twice as big as in 2017.

Unlike the Belarusian criminal law, the Criminal Code of the Russian Federation does not have such a penalty as "community service". In accordance with Article 49 in Belarus, such a sanction provides for a convicted person to engage in unpaid labor for a period of 60 to 240 hours for the benefit of society, and the type of such labor is determined by the authorities responsible for the implementation of community service.

In addition, as we look into the features of the Criminal Code of the Republic of Belarus in the area under consideration, we should recognize that it is justified that Belarus, compared to Russia, uses on a wider basis such penalty as deprivation of the right to hold certain posts or to be engaged in a certain activity for encroachment upon one's property. We believe that in our country, given the level of corruption, which in 2008 the President of the Russian Federation called Number One enemy of a free, democratic and just society, it is appropriate in all cases, in which officials may be involved in embezzlement, to provide for this type of criminal penalty as an alternative to other penalties, including a fine.

Our attitude toward diversity and mix of different types of punishments is sooner positive than negative, because it enables law enforcement officials to consider specific features of the elements of a crime, personality of the offender, as well as doctrinal and legal achievement of the purposes of punishment, its social effectiveness [8]. In this context, according to the Criminal Code of the Russian Federation, a fine is a special type of punishment, used in various ways: a) as the main type of penalty; as an additional type of penalty; as another criminal law measure (court imposed fine). In general, fine ranks third among the penalties for encroachment on property and goes after incarceration and compulsory labor. Thus, in 2019 fines were imposed as the main ones on 20,800 convicts for crimes against property, which is approximately 8.9% of the total number of persons convicted under Chapter 21 of the RF Criminal Code (228, 953).

The law establishes a fine in certain amounts defined in specific elements of criminal offences (Article 46 of the RF Criminal Code). At that, its lower limit is set at five thousand rubles and the upper limit at five million rubles. In parallel with the establishment of a fine in absolute totals, it is estimated: a) in the amount of the wage or salary or any other income of the convicted person for a period from two weeks to five years; b) in the amount which is a multiple of the cost

of the article, or of the sum of commercial subornation or bribe; c) in the amount of the bribe or the amount of illegally moved funds and (or) the value of monetary instruments.

The Criminal Code of the Russian Federation makes an exception from the established amounts of minimum and maximum fines for a fine related to commercial bribery, bribery of a contract service employee, contract manager, member of the procurement commission and other authorized persons representing the interests of the customer in the procurement of goods, works, services for state or municipal needs, as well as a bribe or the amount of illegally moved funds and (or) the cost of monetary instruments. The penalty in the form of a fine for the commission of such crimes may not be less than twenty-five thousand rubles and not more than five hundred million rubles.

At the same time, the legislator obliges the court to take into account the gravity of the crime committed and the property status of the convicted person and their family when imposing a penalty. The opportunities to receive a wage, salary or other income by the convicted person should also be clarified. Taking into account the same circumstances, the court may impose a fine with installment payments in certain parts for a period of up to five years.

In case of malicious evasion of payment of a fine imposed as the main penalty it is replaced by any other penalty among those contained in the RF Criminal Code, with the exception of deprivation of liberty. The exception to this rule is a fine that is estimated as a multiple of the cost of the article or of the sum of commercial subornation or bribe and that is replaced by a punishment within the sanction provided for in the relevant article of the Special Part of the criminal law. At that, the sentence imposed cannot be suspended.

A fine as an additional type of punishment can be imposed only in cases provided for in the relevant articles of the Special Part of the RF Criminal Code. Their analysis under Chapter 21 of the criminal law shows that in cases where a fine is not the main type of punishment, it is established as an additional one (Articles 161, 162, 163, 164).

A court imposed fine as a type of exemption from criminal liability for a petty or medium-gravity crime committed for the first time was introduced in Chapter 11 of the RF Criminal Code in 2016 by Federal Law 323-FZ. The court can make such a decision if the person who committed a crime has compensated for the damage inflicted or has in any other way effected restitution for the damage caused as a result of the crime. The dynamics of applying

a court imposed fine over the past two years are characterized by the following indicators. In 2019 26,040 people were exempted from criminal liability under Article 76.2 of the RF Criminal Code; this figure is by 10,588 people or 41% more than in 2018. At the same time, the vast majority of persons released on such grounds in 2019 (12,850 people) fall under Parts 2 and 3 of Article 158 of the RF Criminal Code characterized by the presence of aggravating circumstances. There is also a practice of exemption from criminal liability for robbery (Part 1 of Article 161): in 2019 there were 829 such cases. In general, over the past five years the legislator was actively expanding the conditions and grounds for exemption from criminal liability. Thus, for the specified period, besides court imposed fine, Article 76.1 "Exemption from criminal liability in connection with the compensation for the damage inflicted" received other amendments and supplements introduced by eight federal laws. Law enforcement practice has responded to these innovations with a large and increasing number of legal cases being dropped (exemption from criminal liability) on the grounds of compensation for losses or making amends for the damage inflicted by the crime. Thus, according to the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, the number of dropped cases, excluding exemption from criminal prosecution due to the absence of the elements or event of the wrongful act, amounted to 90,911 or 39.7% of the total number of cases of those convicted of encroachment on property, which is significantly more than in 2018 (90,911 and 76,474). The difference in the ratio of those exempted from criminal liability to the total number of convicted persons during the analyzed period of time is also noticeable: 39.7% and 30.9%. This is against the background of a reduction in the total number of convicts in 2019 as compared to 2018: from 249,231 to 228,953 [6].

The analysis conducted in the field of application of penalties and exemption from criminal liability objectively raises the issue of the social effectiveness of the state's criminal enforcement policy related to committed crimes, including those in the field of property protection, understood as "effectiveness" reduced to the ability to influence something [5, p. 914]. In our research, effectiveness implies achieving the goals of criminal punishment in general, and a fine in particular.

The legal definition of purposes of punishment is given in Article 43 of the Criminal Code. These include restoring social justice, reforming a convicted person and preventing the commission of further crimes. The provisions

of the analyzed article on the correction of the convicted person and prevention of crimes are generally definite; however, there is no such certainty regarding social justice as the goal of punishment. We think that controversial issues in this area of public relations should include the legally established conditions under which persons who have committed crimes, including crimes against property, can be exempted from criminal liability. For example, the liability of an individual who has the financial means to compensate for the material damage and other harm inflicted is virtually reduced only to the deprivation of these means. But those who do not have such means to be used for exemption from criminal liability face actual criminal punishment including incarceration and other negative consequences associated with a criminal record. Part 2 of Article 88 of the RF Criminal Code contains a very controversial position that conflicts with the principle of fault-based liability: it states that “a fine imposed upon a convicted juvenile may be recovered by decision of a court of law from his parents or other legal representatives thereof with their consent. A fine shall be imposed in the amount from one thousand to 50 thousand rubles or in the amount of the wage or salary, or any other income of the convicted minor, for a period of from two weeks to six months”.

Thus, the research we have conducted makes it possible to draw the following generalizing conclusions.

The value of a fine in the system of criminal penalties, especially regarding all crimes against property, tends to increase significantly. This applies to a significant extent to court imposed fines that provide an opportunity of exemption from criminal liability, including cases of crimes with aggravating circumstances (Parts 2 and 3 of Article 158 of the RF Criminal Code).

Crimes against property should be considered as a threat not only to property, but also to human life and health (Article 162 of the RF Criminal Code), spiritual, moral and other values of an individual and society. In our opinion, this approach, should be used as a guide both in legislative and law enforcement practice, including cases of applying a court imposed fine.

The issues concerning the effectiveness of criminal penalties, including the imposition of a fine, are multifaceted. Besides the implementation of the goals of punishment, these issues include the creation of a consistent and effective legal framework, in the field of criminal policy as well; education of law-abiding citizens on this basis; ensuring the inevitability of punishment for any offense; a high level of professionalism and responsibility of persons involved in the implementation of protective norms, and so on.

REFERENCES

1. Bezverkhov A.G. *Imushchestvennye prestupleniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Property crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Izhevsk, 2002. 42 p.
2. Bochkarev S.A. *Ugolovno-pravovaya okhrana sobstvennosti: teoretiko-instrumental'nyi analiz: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal-legal protection of property: theoretical and instrumental analysis: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2010. 26 p.
3. Ershov V.V. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii: monografiya* [Legal and individual regulation of public relations: monograph]. Moscow: RGUP, 2018. 627 p.
4. Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii* [Crime of the twentieth century: world, regional and Russian trends]. Moscow: Volters Kluver, 2005. 912 p.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p.
6. *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam UK RF za 2018 i 2019 gg.* [Report on the number of convicts under all parts of the Criminal Code of the Russian Federation for 2018 and 2019]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (accessed April 12, 2020).
7. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' – oktyabr' 2018 g.* [Crime situation in Russia in January–October 2018]. Available at: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/ddb/sbornik_10_2018.pdf (accessed April 12, 2020).
8. Khatuaev V.U., Shaimova E.S. Problems of the effectiveness of punishments in the works of Soviet scientists of the second half of the 20th century. In: *Sudebnaya vlast' i formy ee realizatsii v Rossii: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Judicial power and forms of its implementation in Russia: proceedings of an all-Russian scientific and practical conference]. Voronezh: Istoki: Tsent. fil. Ros. akad. pravosudiya, 2011. Pp. 133–141. (In Russ.).
9. Chernikov V.V. *Sovremennaya gosudarstvennaya sistema okhrany sobstvennosti v Rossii* [Modern state system of property protection in Russia]. Moscow: Infra-M, 1995. 224 p.
10. Shul'ga A.V. *Ob'ekt i predmet prestuplenii protiv sobstvennosti v usloviyakh rynochnykh otnoshenii i informatsionnogo obshchestva: monografiya* [Object and subject of crimes against property in the conditions of market relations and information society: monograph]. Moscow: YurLitinform, 2007. 376 p.
11. Sukharev A.Ya. (Ed.). *Yuridicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary of law]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 528 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

IRINA V. AZAROVA – Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Economic Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3497-2126, e-mail: aziravlad@rambler.ru

IVAN V. DVORYANSKOV – Chief Researcher, Doctor of Sciences (Law), Professor, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0542-5254, e-mail: diw@yandex.ru

Genetic Engineering: Issues of Criminal Law Regulation

OLEG A. BELOV

Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4184-4379>, e-mail: belov_oleg@mail.ru

YULIYA N. SPIRIDONOVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian
Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>, e-mail: upkiord@yandex.ru

ALEKSANDRI I. ODINTSOV

Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9234-8973>, e-mail: odintsovai@rambler.ru

Abstract. The article analyzes modern scientific achievements in the field of genetic research, considers methods of genetic engineering as an integral part of modern biomedicine, and the issues of human cloning. We examine the differences between reproductive cloning and therapeutic cloning, emphasizing the importance of the latter for improving human life, fighting various diseases, and so on. However, along with ethical problems, there are also problems in the world of legal regulation of genetic research and manipulation of human genes. We touch upon the problems of legal regulation of genome research and human cloning in foreign countries and in the Russian Federation, and, above all, the problems of criminal law regulation of genetic engineering. Based on a comparative analysis of international legal acts, national legislation of a number of countries and regulatory legal acts of the Russian Federation, we conclude that there is insufficient legal regulation of issues related to genetic research in Russia, and, supporting the opinion of a number of scientists, we propose to introduce a number of norms in the Criminal Code of the Russian Federation on criminal liability for socially dangerous behavior in the field of modern methods of biotechnology, genetic engineering, and human cloning.

Key words: gene; genetic research; genetic engineering; methods of genetic engineering; DNA; human cloning; criminal law regulation.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Belov O.A., Spiridonova Yu.N., Odintsov A.I. Genetic engineering: issues of criminal law regulation. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 556–560. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-556-560.

At present, we can confidently state the fact that the 21st century has become a century of high-tech industries, high technologies and rapid innovations. The leading positions in the scientific sphere of life today are occupied by the development of genetic research and the application of genetic engineering methods.

Genetic engineering, being an integral part of modern biomedicine, is a set of techniques, methods and technologies for obtaining recombinant RNA and DNA, isolating genes from an organism (cells), manipulating genes, introducing them into other organisms, and grow-

ing artificial organisms after removing selected genes from DNA [7]. The essence of genetic engineering lies in biologists' work to isolate certain sections of the DNA molecule, arrange them in new combinations and transfer them from one cell to another. As a result, it is possible to introduce changes to the genome that are unlikely to occur naturally.

Thus, genetic engineering serves to obtain the desired qualities of an altered or a genetically modified organism. In contrast to traditional breeding, in which the genotype is changed only indirectly, genetic engineering

helps interfere directly with the genetic apparatus of any organism, using the technique of molecular cloning [3].

Examples of applications of genetic engineering are the production of new genetically modified varieties of grain crops, the production of human insulin, etc. In addition, a number of vaccines have also been genetically engineered and are being tested to reveal their effectiveness against the human immunodeficiency virus (HIV) that causes AIDS. With the help of recombinant DNA, human growth hormone is also obtained in sufficient quantities – it is the only treatment for such a rare childhood disease as pituitary dwarfism.

Some methods of genetic engineering are already being applied to humans. For example, in the treatment of certain types of infertility in women, the eggs of a healthy woman are used, and as a result, the child inherits the genotype from one father and two mothers.

Genetic engineering technology was applied to humans for the first time to treat Ashanti De Silva, a four-year-old girl who suffered from a severe form of immunodeficiency. Her gene that contained instructions for the production of the adenosine deaminase (ADA) protein was damaged, and without the ADA protein, white blood cells die, leaving the body defenseless against viruses and bacteria. A working copy of the ADA gene was injected into Ashanti's blood cells using a modified virus. The cells were able to independently produce the necessary protein, and within six months the number of white cells in the girl's body increased to a normal level [2]. After that, the field of gene therapy received an impetus for further development.

Since the 1990s, hundreds of laboratories have been conducting research on the use of gene therapy for medical purposes. Today we know that gene therapy can be used to treat diabetes, anemia, and certain types of cancer. For humans, genetic engineering could be used both to treat inherited diseases and to improve the genome.

In the conditions of active development of medical and biological branches of knowledge and possible abuse of their achievements in practice, the problem of human cloning has become very acute [1, p. 82].

Human cloning is a promising technique that consists in creating an embryo and then growing people who have the genotype of an individual, now existing or previously existing, from the embryo.

Technically, at present, this is quite real: biologists have repeatedly performed this kind of action with cells. From an ethical point of view,

manipulations with human cells are highly questionable and frowned upon in most cultures. From the point of view of law, human cloning is prohibited in almost all civilized countries of the world [4].

At the same time, depending on the technology, there are two types: reproductive and therapeutic human cloning. The first is the artificial reproduction of a genetically accurate copy of any living creature in the laboratory. With a certain degree of convention, it can be represented as follows: an egg is taken from a female, the nucleus is pulled out of it with a microscopic pipette, then any cell containing the DNA of the cloned organism is inserted into the non-nuclear egg, this cell actually performs the function of a sperm during fertilization of the egg. From the moment the cell merges with the egg, the process of cell reproduction and embryo growth begins.

Thus, the result of reproductive cloning is the birth of a living being (for example, a human child).

Unlike reproductive cloning, therapeutic cloning involves the development of the embryo to the blast cyst stage (up to 14 days), then its growth is stopped. The embryo is used to produce stem cells for their further therapeutic use in medicine, that is, for the treatment and prevention of various diseases [4].

The potential for therapeutic cloning is huge, because stem cells can be used to grow cells from almost all tissues and organs of the human body. Growing individual human organs for their subsequent transplantation is a very promising direction in genetics. This, of course, will significantly reduce the number of criminal acts related to illegal transplantation of human tissues and organs.

Both the permission and the prohibition of cloning have supporters and opponents who give strong arguments to substantiate their opinion [4]. Insufficient regulation of this issue at the legislative level also adds fuel to the fire.

In the legal regulation of activities in the field of genetic engineering, the most important legal documents are international legal acts: the Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights, adopted by the UNESCO General Assembly in 1997, the Council of Europe Convention for the protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine, and the Convention on Human Rights and Biomedicine, adopted in 1996 by the member states of the Council of Europe.

In 1998, the Committee of Ministers of the Council of Europe approved the additional Pro-

to the Convention on Human Rights and Biomedicine, Article 1 of which states: "Any intervention to create a human being who is genetically identical to another human being, whether living or dead, is prohibited". The significance of this Protocol is that it for the first time legally defined the position of the international community on the issue of human cloning and gave impetus to the further development of the ban at various levels of legal regulation. However, this document does not establish a difference between reproductive and therapeutic cloning; in practice, this fact hinders the development of various areas of therapeutic cloning aimed at helping sick people.

Currently, the process of criminalizing human cloning is actively going on worldwide. The national legislation of most foreign countries criminalizes only reproductive cloning, but a number of countries explicitly prohibit any type of cloning. For example, in the UK, the relevant criminal provisions are contained in the Human Reproductive Cloning Act 2001, the sanction of which is 10 years of imprisonment. At the same time, therapeutic human cloning is allowed.

In the United States, the ban on cloning was first introduced in 1980. In 2003, the House of Representatives of the US Congress passed a law on the prohibition of human cloning, according to which cloning, aimed at both reproduction and medical research and treatment, is considered a crime, the commission of which is punishable by a 10-year prison sentence and a fine of 1 million US dollars.

In a number of European countries, such as France, Spain, Estonia, and Moldova, cloning as a crime is enshrined in criminal codes.

In countries such as Brazil, Germany, the UK, and Japan, criminal liability for cloning is established by special laws [5]. For example, the Federal Law of Germany on the protection of embryos of 1990 (The Embryo Protection Act) makes it a criminal act to create an embryo that is genetically identical to another embryo originating from a living or dead person.

In order to bring national legislation in line with the requirements of world practice, the new criminal law of Kazakhstan (adopted on July 3, 2014), in contrast to the previous criminal code, already provides for criminal liability for human cloning. Thus, Article 129 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan provides for criminal liability for the commission of human cloning or the use of a human embryo for commercial, military or industrial purposes, as well as the export of germ cells or a human embryo from the Republic of Kazakhstan for the same purposes. The sanction

of this article provides for criminal punishment in the form of imprisonment for a term of up to three years with or without deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities for a term of up to two years. Human cloning committed by a group of persons, or by a group of persons by prior agreement, or by an organized group, or repeatedly, is punishable by imprisonment for a term of four to seven years, with or without the right to hold certain positions or engage in certain activities for a term of up to three years.

Currently, a key role in the legal regulation of this sphere in the Russian Federation is played by Federal Law 86-FZ of July 5, 1996 "On state regulation in the field of genetic engineering". It regulates relations in the field of nature management, environmental protection, environmental safety and human health that arise during the implementation of genetic engineering activities.

It should be noted that this act has been repeatedly criticized by both the legal community and biologists and geneticists. In particular, the lack of elaboration of the terms used, the limited range of regulated relations, and at the same time going beyond them were pointed out. In addition, Russian biologists note the lack of scientific substantiation of the principles of safe use of genetically modified microorganisms, as well as the generally prohibitive nature of legislation in the field of genetic engineering [8, p. 146].

The current legislation provides for the possibility of liability for illegal tampering with human genes. Despite the fact that Russia did not join the Convention on Human Rights and Biomedicine, Russian legislators did not stay away from global trends, responding to the challenge of time by adopting Federal Law No. 54-FZ of May 20, 2002 "On the temporary ban on human cloning", which was extended indefinitely in 2010.

The preamble to this normative legal act states that the law introduces a temporary ban on human cloning, based on the principles of respect for human beings, recognition of the value of the individual, the need to protect human rights and freedoms, and taking into account the insufficiently studied biological and social consequences of human cloning. The prospect of using existing and developing technologies for cloning organisms makes it possible to extend the ban on human cloning or cancel it as scientific knowledge in this area is accumulated, and moral, social and ethical standards are determined when using the appropriate technologies.

Article 1 of the Federal Law "On the temporary ban on human cloning" contains the following words: "The creation of a human being who is genetically identical to another living or dead human being by transferring the nucleus of a human somatic cell to a nuclear-free female germ cell", therefore, the document refers only to reproductive, and not therapeutic cloning.

According to Article 4 of this law, persons guilty of violating it are prosecuted in accordance with the legislation of the Russian Federation. However, to date, criminal liability measures for human cloning have not been defined by law in Russia.

It is seriously puzzling that the adoption of the Federal Law "On the temporary ban on human cloning" was not accompanied by appropriate amendments to the Criminal Code of the Russian Federation.

In this situation, the ban on reproductive cloning announced by the legislator cannot be implemented effectively, because, according to the doctrine of inter-field relations developed in legal science, regulatory norms need to be promoted by protective norms for their smooth functioning. If the rules of conduct formulated in positive legislation are not guaranteed by state enforcement measures, they cannot be properly implemented, since the subject of regulation remains outside the scope of legal protection [1, p. 84].

Scientists have repeatedly expressed their opinion on the need to establish a criminal ban on human cloning activities. In particular, back in 2006, N.E. Krylova proposed to distinguish crimes committed in the field of biology and medicine from traditional crimes committed by medical professionals in connection with the performance of their professional functions. In her opinion, the objects of bioethical crimes should include, in addition to those already protected by criminal law, such benefits and interests that are currently not protected by Russian criminal law, namely the life and health of the human embryo, the genetic integrity of a person, human dignity in the broad sense of the word, which should be understood as the right to respectful treatment before birth, during life and after death, etc. In her dissertation, N.E. Krylova proposes to introduce criminal liability for human cloning, import or export of cloned human embryos, and interference with the human genotype that is not related to treatment [6].

In 2018, the State Duma of the Russian Federation commissioned a study on the legislative regulation of the use of assisted reproductive

technologies (including genome editing, cloning, and surrogacy) to the research team of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). The terms of reference draw attention to the fact that the laws on reproductive technologies require further elaboration. Scientists are invited to study foreign legal experience and opportunities for conflict-free development of a new generation of assisted reproductive technologies (ART), the prospects for regulating gene editing for the treatment (prevention) of hereditary (genetic) diseases.

The issue of establishing criminal liability and making amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation in this part remains open. The rapid development of the field of genetic research in recent years dictates the need to address it at the legislative level in the near future. In our opinion, we should not wait for the first case of illegal activities in the field of genetic research in general and human cloning in particular; it is important to reflect in the Criminal Code of the Russian Federation the norms on criminal liability for committing criminal acts of this kind today.

We consider it timely and necessary to adopt a federal law on introducing amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, in order to supplement its Section 7 "Crimes against the person" with the norms providing criminal responsibility for reproductive human cloning, use of human embryos for commercial, military or industrial purposes, and also for the export of a human embryo from the Russian Federation for the same purposes. Thus, we propose to supplement Section 7 as follows:

"Article 120.1. Reproductive human cloning.

1. Reproductive cloning of a human being, i.e. the creation of a living human being who is genetically identical to another living or dead human being, as well as the use of a human embryo for commercial, military or industrial purposes –

shall be punishable... (a medium-gravity crime).

2. Import to the territory of the Russian Federation or export from its territory of cloned human embryos for the same purposes –

shall be punishable... (a medium-gravity crime).

3. Acts provided for in Part 1 or Part 2 of this Article, if they are committed:

a) for personal gain;

b) by a group of persons, a group of persons by prior agreement, or by an organized group;

c) by a person using their official position – shall be punishable... (a grave crime)".

REFERENCES

1. Blinov A.G. Several ways of criminal lawful act against human cloning. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no. 1 (47), pp. 82–86. (In Russ.).
2. Genetic engineering. *Website of the Russian Transhumanist Movement*. Available at: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/38/135/> (accessed October 12, 2020). (In Russ.).
3. Genetic engineering or Delete the brain: which is more dangerous? *Grazhdanskie sily.ru: setevoei zdanie = Civil Forces.ru: Online Edition*. Available at: <http://gr-sily.ru/nauka/gennaya-inzheneriya-ili-delete-golovnogo-mozga-cto-opasnee-25770.html> (accessed October 12, 2020). (In Russ.).
4. Guryleva M.E., Khamitova G.M. Human cloning ethical and legal issues. *Kazanskii meditsinskii zhurnal = Kazan Medical Journal*, 2019, vol. 100, no. 6, pp. 992–1000. DOI: 10.17816/KMJ2019-992. (In Russ.).
5. Kapinus O.S., Dodonov V.N. Responsibility for human cloning in modern criminal law. In: *Sovremennoe ugovnoe pravo v Rossii i za rubezhom: nekotorye problemy otvetstvennosti: sbornik statei* [Modern criminal law in Russia and abroad: some problems of responsibility: a collection of papers]. Moscow: Bukvoed, 2008. Pp. 147–159. (In Russ.).
6. Krylova N.E. *Ugovnoe pravo i bioetika (ugolovno-pravovyye problemy primeneniya sovremennykh biomeditsinskikh tehnologii): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Criminal law and bioethics (criminal law problems of application of modern biomedical technologies): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2006. 56 p.
7. Panchin A. Defeating God. *Populyarnaya mekhanika = Popular Mechanics*, 2017, no. 3, pp. 32–35. Available at: <http://www.popmech.ru/magazine/2017/173-issue> (accessed October 12, 2020). (In Russ.).
8. Shilyuk T.O. The main activities of the federal executive authorities in the field of genetic engineering. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2019, no. 6 (58), pp. 145–150. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

OLEG A. BELOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4184-4379>, e-mail: belov_oleg@mail.ru

YULIYA N. SPIRIDONOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Intelligence-Gathering Activities at the Legal Faculty of Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4466-125X>, e-mail: upkiord@yandex.ru

ALEKSANDR I. ODINTSOV – Candidate of Sciences (Law), head of higher academic courses, Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9234-8973>, e-mail: odintsovai@rambler.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-560-565

UDC 343.1

Execution of a Sentence – an Independent Stage of Criminal Proceedings

VYACHESLAV B. SHABANOV

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

LYUDMILA YU. BUDANOVA

Pskov Branch of the Academy of FSIN Russia, Pskov, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

VLADIMIR.P. KRAMARENKO

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9662-0874>, e-mail: vkram39@mail.ru

Abstract. The article investigates how the notion “execution of a sentence” was formed and analyzes the content of the stage of execution of a sentence as an independent part of criminal procedure, examines legal issues of criminal proceedings within the stage of execution of a sentence, and puts forward some ways to improve it. The fact

that court activities aimed at considering and resolving issues related to the execution of a sentence are defined as part of criminal procedure rather than as an independent stage is a subject for debate, because this activity may or may not take place. But we agree with those scholars who believe that the stage such as the presentation of a sentence for execution always emerges during sentencing, and the analogy with the stage of launching criminal investigation allows us to conclude that, that further criminal proceedings may occur several times or may not occur at all and thus form an independent stage of criminal procedure. We studied the opinions and statements of practitioners and scholars in the field of criminal procedure concerning the role and importance of criminal proceedings aimed at the execution of a sentence as an independent stage of criminal procedure, institution of criminal procedural law, a separate phase of criminal procedure and the theoretical arguments as to the essential nature and meaning of the execution of a sentence in criminal procedure. We conclude that criminal proceedings aimed at presenting the sentence for execution, consideration and resolution by the court of the issues related to its execution form the content of an independent stage of criminal procedure, which has all the necessary and characteristic features.

Key words: execution of a sentence; stage of criminal procedure; subjects of execution of a sentence; criminal justice; criminal proceedings.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Shabanov V.B., Budanova L.Yu., Kramarenko V.P. Execution of a sentence – an independent stage of criminal proceedings. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 560–565. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-560-565.

The key purposes of criminal procedure both in the Russian Federation and in the Republic of Belarus include protection of the rights and legitimate interests of persons and organizations who have been victims of crime, and protection of an individual from unlawful and unjustified charges, convictions, and restrictions on their rights and freedoms [15, p. 130].

The sentence execution stage completes the activities of all participants in criminal procedure. We believe this stage is the final product of justice, which guarantees the restoration of violated rights and legitimate interests of individuals and organizations, as well as the implementation of the criminal policy of the state as a whole and the application of fair punishment to the guilty individual.

I.D. Perlov, dwelling upon the sentence, pointed out that it is passed in order to be executed; otherwise it loses its purpose. Moreover, if it will not be executed or executed ineffectively, then all activities aimed to solve the crime and expose the perpetrators, all the preliminary investigation and judicial review of criminal cases will be nullified [7, p. 54].

According to M.S. Strogovich, the entry of a sentence into legal force means that the sentence receives the validity of a law and is as binding as the law itself. The researcher also concludes that the execution of a sentence is the last stage of criminal procedure [11, p. 325].

Let us have a quick look into the history of formation of the institution of execution of a sentence as an independent stage of criminal procedure. For example, I.Ya. Foinitskii, defining the importance of implementing the principles of the administration of justice, in his writ-

ings back in 1914 argued that the execution of a sentence is not only the implementation of the content of the latter, but also an act of judicial and punitive power, and is necessary in order to implement the principle of individualization of punishment. According to his viewpoint, the execution of a sentence as a stage requires certain elasticity and flexibility, and yet has to be based on the law and carried out under judicial control. The need for justice in the punitive activities of the state and the possibility to alter the sentence in the course of its execution led to the emergence of institutions such as judicial set-off in the punishment, conditional or unconditional release from punishment, respite of the sentence, and probation. I.Ya. Foinitskii argues that if the execution of a sentence did not have a proper impact on the convicted individual, then the court, on the basis of the law, has the right to replace the punishment with a more severe one – thus, the state's criminal policy will be implemented in full [13, p. 568–570].

A different position is presented in the works of V.K. Sluchevskii and N.N. Rozin: they believe that activities related to the execution of a sentence should be considered outside criminal procedure, because from the moment the sentence enters into legal force, the court's activity ends [10, p. 588–604, 646–656] and the work of institutions and bodies for the execution of the sentence begins [9, p. 518–520].

Current penal legislation of Russia and Belarus sees its main task in the protection of rights and freedoms and legitimate interests of convicts (Part 2 of Article 1 of Russia's Penal Enforcement Code, Part 1 of Article 2 of Belarus' Penal Enforcement Code). However, we

note that convicts can implement some of their rights and legitimate interests only through penal institutions and bodies. For example, the implementation of the right of a convicted person to replace part of the unserved sentence with a more lenient one occurs only on the recommendation of a body or institution of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN Russia), and such a recommendation is considered during the court session. V.L. Popov notes that such a procedure helps adjust punishments in order to achieve their main goal – to reform a convicted individual [8, p. 22–23].

It follows that the bodies executing criminal sanctions actually assess the ability to achieve the goals of the punishment imposed on the convict by the court in the course of their execution of the sentence and independently initiate the activity of the court aimed at reviewing and resolving questions about changing the order and conditions of serving it.

According to the study of scientists' opinions on the origin of criminal proceedings at the stage of execution of a sentence and its formation in an independent stage of criminal procedure, we can say that the criminal procedure status of institutions and bodies that execute sentences and enter into criminal procedure relations with the court regarding the execution of a sentence has not yet received effective legal regulation. This circumstance, in our opinion, is primarily due to the fact that there is an ongoing debate as to whether criminal proceedings in the execution of a sentence should be recognized as a stage of criminal procedure.

Our research shows that the first attempts at serious scientific substantiation of the essence of the stage of execution of a sentence and its place in the criminal justice system were made in the 1960s. This was due to the active reform of law enforcement legislation, which focused on the humanization of criminal procedure norms. This circumstance predetermined the formation of a traditional viewpoint concerning the execution of a sentence as a stage of criminal procedure. The emergence of this point of view, expressed by I.D. Perlov and E.F. Kutsova was logical, and it demonstrated perfectly the importance that should be attached to the act of execution of a court decision in a criminal case.

The stage of execution of a sentence, according to E.F. Kutsova, is the final stage of criminal procedure, because it consists of the activities of the court aimed at direct execution of the sentence, as well as due to the fact that only the court and no one else has the right to resolve all appeals of correctional bodies and institutions that are related to the execution of a sentence [4, p. 3–6].

Supporting the opinion that the execution of a sentence is an independent stage, I.D. Perlov provides the following arguments: first, this stage addresses its own independent tasks that differ significantly from the tasks of other stages; second, the composition of its actors is represented by a strictly defined circle of participants in criminal proceedings bound by specific criminal procedure relations typical of this very stage and taking place in special procedural forms; third, when making decisions, the court issues a legal act in the form of a ruling on issues that arise during the execution of the sentence and that are considered at the court session. In addition, I.D. Perlov argues that the execution of a sentence as an independent stage is a broader concept. One of the arguments in favor of such independence is that the execution of a sentence covers not only the procedural activity of the court, prosecutors, correctional institutions and non-governmental organizations, but also administrative and other activities of correctional institutions, the activities of non-governmental organizations on reformation and rehabilitation of persons serving sentences for the crimes they committed; that is, the execution of a sentence is comprehensive in terms of legal regulation. Finally, according to I.D. Perlov, it is necessary to consider criminal procedure issues resolved at the stage of execution of a sentence in an organic combination with substantive law, which is also evidence of the independence of the latter [7, p. 3–6].

According to M.S. Strogovich, the execution of a sentence that has entered into legal force is the last stage of criminal procedure, in which its decisions are implemented. By this judicial act, the court that issued it not only confirms that the sentence has entered into legal force and is subject to execution, but also gives an order to relevant administrative bodies (correctional institution, etc.) on its actual execution [11, p. 424].

V.V. Nikolyuk in his works also touches upon the complexity of legal regulation, which is typical of the stage of execution of a sentence. We share his viewpoint, according to which this is due to the fact that along with the criminal procedure law, the issues regarding the execution of a sentence are governed by the relevant provisions of the Criminal Code of the Russian Federation (RF CC) and the Criminal Enforcement Code of the Russian Federation (RF CEC). Therefore, the independence of the institution of execution of the sentence as the final stage of criminal procedure, in his opinion, is characterized by the following indicators:

- 1) specific tasks that consist in presenting the sentence for execution and resolving all issues that arise in this case;

2) a certain circle of participants in criminal proceedings defined by law, including bodies that execute punishments, between which specific criminal procedure relations are formed;

3) features of the procedural order, such as holding a fast-track court session, limited opportunities for appeal, etc.;

4) procedural decisions of the judge inherent in this stage of criminal procedure.

V.V. Nikolyuk believes that the activity of administrative bodies aimed at direct execution of sentences is included in the content of the stage of execution of the sentence [6, p. 3–5].

In the interpretation of T.S. Dvoryankina, author of Chapter 29 of the textbook on criminal procedure edited by P.A. Lupinskaya, the independence of the stage under consideration, in addition to the features defined by V.V. Nikolyuk, is emphasized by the following points:

1) implementation of many tasks and principles of criminal procedure (adversarial nature of the process, the language of criminal procedure, respect of honor and dignity, protection of the rights and freedoms of man and citizen, free evaluation of the evidence, the right to appeal against procedural actions and decisions, inevitability of punishment);

2) the existence of its own circumstance in proof: it is not uniform and depends on the nature of the resolved issues, the range of which is quite varied; it occurs after the sentence comes into legal force upon its actual execution and, therefore, is determined by the norms of criminal, criminal-executive and criminal procedural law;

3) the execution of a sentence, unlike other stages of criminal procedure, where the initial and final moments and the sequence of procedural actions are clearly defined, is not a continuous stage [12, p. 869–871].

We agree with the opinion stated above, and we note that in some cases, for example, when the court directly executes a sentence, the initial and final moments of the execution stage have clearly defined boundaries associated with the proclamation of the sentence, which entails the immediate release of the defendant from custody.

Recognizing the independence of the stage of execution of a sentence, V.V. Vandyshv highlights a number of additional features, namely: besides the implementation of sentences, court decisions and rulings are also executed here; there is a possibility of multiple occurrence of criminal proceedings during the execution of a sentence; the court is exempt from performing control functions in relation to the previous stages of criminal procedure, etc. The author sees the significance of the stage in the implementation of the principle of inevitability

of responsibility and punishment, ensuring the protection of the rights and legitimate interests of participants in criminal procedure, including those acquitted and convicted and their close relatives, providing educational and preventive influence on both participants in criminal procedure and other citizens [1].

A number of researchers, for example N.S. Manova, refer the execution of a sentence to the judicial stages of criminal procedure, noting that the subject of activity here is the court, but they do not include the activities of direct executors of court decisions in the content of the stage [5, p. 174].

We find it difficult to agree with this opinion on the grounds that, for example, at the initiative of the bodies executing the sentence, convicts, supervising prosecutors, and other subjects, the court considers and resolves a number of issues related to the execution of the sentence, therefore, the executors of court decisions participate in the court session and enter into criminal procedural legal relations.

The article cannot ignore the fact that after the introduction of the new criminal enforcement law, there was a rethinking of the provisions concerning the institution of execution of a sentence as a stage of criminal procedure. Changes in legislation and law enforcement practice have provided the ground for authors to avoid using the procedural category “stage” and applying it to the institution itself.

O.V. Volkolup, for example, wrote that “the execution of a sentence cannot be a stage of criminal procedure”, and immediately, pointing to the activities of subjects to resolve issues arising during the execution of a sentence, suggested that it should be considered criminal-procedural. According to the researcher, in the framework of criminal procedure law there should be an institution of sentence enforcement that is used when the sentence execution is accompanied by a change in certain conditions of serving the court-appointed punishment, not associated with changes in the system of the established factual circumstances of the criminal case. In addition, in the opinion of O.V. Volkolup, if a situation arises when the initiation of a criminal case is denied, the appeal of the decision is carried out outside of any stage of criminal procedure [2, p. 208].

In the works of E.N. Gaponov, the idea prevails that judicial activity in the execution of a sentence has features that are expressed in the originality and relative independence from the bulk of criminal procedure, the subject of which is a criminal case. Judicial proceedings carried out in the framework of execution of a sentence are separate from criminal proceed-

ings and cannot be considered a stage of criminal procedure. The opinion expressed by the researcher on the fact that with the development of criminal, criminal procedure and criminal enforcement legislation in domestic law, there emerges a platform for the formation of relatively independent legal procedure for the execution of a sentence [3, p. 13], can become an occasion for theoretical discussions and requires verification by practice.

We can draw a number of conclusions on the basis of our study of the statements of practitioners and academics in the field of criminal procedure concerning the role and importance of criminal procedure for the execution of a sentence as an independent stage of criminal procedure, institution of criminal procedure law, a separate phase of criminal proceedings and the provisions based on theoretical arguments as to the essential nature or meaning of the execution of a sentence in criminal procedure.

In particular, we believe that criminal proceedings aimed at presenting a sentence for execution, consideration and resolution of issues related to its execution by the court, is the content of an independent stage of criminal procedure, which has all the necessary and characteristic features that define it as such.

First, the stage of execution of a sentence, like any independent stage of criminal procedure, has its own goals and special range of permissible tasks that derive from the general purpose of criminal procedure and consist in protecting the rights and legitimate interests of individuals and organizations that are victims of crimes, and in protecting the convicted individual from the limitation of their rights and freedoms; the tasks are based on the activities performed at this stage, the content of which is the presentation of the sentence for execution, the consideration and resolution by the court of issues related to the execution of a sentence, as well as the court's implementation of control over the legality, timeliness and accuracy of the execution of the court-imposed sentence by the bodies and institutions authorized by the current legislation.

Second, the beginning of the stage is due to the entry into force of the sentence, ruling or resolution, followed by the mandatory stage of presenting the sentence for execution.

Further, the activities are implemented that go beyond criminal procedure and are regulated by penal enforcement legislation; such activities include actual execution of the sentence.

The stage of consideration and resolution by the court of issues related to the execution of a

sentence takes place if it is necessary for the court to resolve issues provided for in Article 397 of RF CPC.

The stage of execution of a sentence is ended when the institution or body entrusted with the execution of punishment notifies the court that found the defendant guilty about the execution of the sentence.

In some cases, the beginning of the execution stage is the moment when the court announces the sentence, entailing the immediate release of the defendant from custody.

Third, at the stage of execution of a sentence, there is a special subject of proof – the circumstances to be established for each issue regulated by Article 397 of RF CPC.

Fourth, the circle of participants in criminal proceedings is typical only of this stage and is outlined by law: the court, the prosecutor, the defendant, the lawyer, the victim, representatives of the bodies executing punishments, the civil plaintiff, and the civil defendant. Let us note that at this stage not all subjects are granted the status of a participant in criminal procedure, although they enter into criminal procedural legal relations.

Fifth, at the stage of execution of a sentence, the activities of subjects entering into criminal procedural legal relations that are inherent only to this stage are carried out. The essence of these activities consists not only in presenting the court sentence for execution, but also in carrying out court sessions on issues related to the execution of the sentence, in accordance with Article 399 of RF CPC regulating a special procedure of court session on consideration and resolution of issues which have been the subject of judicial investigation. The stage of execution of a sentence consists of two phases: presentation of the sentence for execution, which is mandatory for each sentence, decision or ruling of the court, and the phase of consideration and resolution by the court of the issues provided for in Article 397 of RF CPC.

Sixth, the completion of the stage of execution of the sentence is accompanied by a mandatory turnover of the following procedural documents: notification of the penal institution or body on sending the copy of the court sentence, the decision of the court on issues related to the execution of the sentence, notification of the court that found the defendant guilty about the execution of the sentence by the penal institution or body, presentation of the penal institution and body on issues related to the execution of the sentence, the motion of the convict [14, p. 88].

Recognizing the execution of a sentence as an independent stage of criminal procedure, we

understand that not all issues related to it are currently resolved to the extent that satisfies science and practice. We believe it is still necessary to conduct painstaking studies of the regulation of the procedure and terms of the court session on issues related to the execution of sentences; the criminal procedure status of subjects participating in the consideration and resolution by the court of issues arising during the execution of a sentence, including the consolidation of the criminal procedure status of penal institutions and bodies represented by their authorized staff, and the procedural form of documents that are being compiled at this stage [16, p. 387].

The legislative consolidation of the powers of penal institutions and bodies at the stage of execution of the sentence will make it possible to balance the rights and obligations of these subjects relative to other participants. To date,

in accordance with the criminal procedure law, they cannot be referred to any of the existing categories of participants, and therefore it seems appropriate to supplement the latter. We note that in addition to institutions and bodies that execute sentences, none of the existing categories of participants in criminal procedure can be defined as a subject of criminal procedure known as an applicant. In order to achieve criminal procedure goals it is necessary to introduce a new category of “participants who make independent (own) claims”. These subjects do not always act on the side of the prosecution or the defense and, unlike other participants, pursue their own goals in criminal procedure. Thus, we propose to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with Chapter 8.1 “Participants in criminal procedure who make independent (own) claims”.

REFERENCES

1. Vandysh V.V. *Ugolovnyi protsess. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Criminal procedure. The General part and the Special part]. Moscow: Volters Kluver, 2010. 720 p.
2. Volkolup O.V. *Sistema ugolovnogo sudoproizvodstva i problemy ee sovershenstvovaniya: monografiya* [Criminal justice system and problems of its improvement: monograph]. Saint Petersburg: Yurid. tsentr press, 2003. 265 p.
3. Gaponov E.N. *Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya sudoproizvodstva pri ispolnenii prigovora: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Improvement of legal regulation of legal procedure in the execution of the sentence: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2009. 27 p.
4. Kutsova E.F. *Ispolnenie prigovora: lektsii* [Execution of a sentence: lectures]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1960. 66 p.
5. Manova N.S. *Ugolovnyi protsess: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Criminal procedure: textbook for universities]. Moscow: Yurait, 2019. 221 p.
6. Nikolyuk V.V. *Ispolnenie prigovora: lektsiya* [Execution of a sentence: lecture]. Omsk: Yuridicheskii institut MVD Rossii, 1988. 35 p.
7. Perlov N.I. *Ispolnenie prigovora v sovetskom ugolovnom protsesse: uchebnoe posobie* [Execution of a sentence in the Soviet criminal process: textbook]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1963. 227 p.
8. Popov V.L. The sentence as a separate stage of criminal justice. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia*, 2017, no. 4 (50), pp. 22–24. (In Russ.).
9. Rozin N.N. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: posobie k lektsiyam* [Criminal proceedings: a guide to lectures]. Saint Petersburg: Pravo, 1914. 548 p.
10. Sluchevskii V. *Uchebnik russkogo ugolovnogo protsessa. Sudoustroistvo – sudoproizvodstvo* [Textbook of Russian criminal procedure. Judicial system – legal proceedings]. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1913. 684 p.
11. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. V 2 tomakh. Tom 2. Poryadok proizvodstva po ugolovnym delam po sovetskomu ugolovno-protsessual'nomu pravu* [A course in the Soviet criminal procedure. In 2 volumes. Volume 2. Procedure for criminal cases in the Soviet criminal procedure law]. Moscow: Nauka, 1970. 616 p.
12. Lupinskaya P.A. (Ed.). *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik* [Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook]. Moscow: NORMA: INFRA M, 2011. 1088 p.
13. Foinitskii I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. V 2 tomakh* [A course in criminal proceedings. In 2 volumes]. Volume 2. Saint Petersburg: Al'fa, 1996. 607 p.
14. Shabanov V.B., Budanova L.Yu., Aleksandrova O.P. The concept and meaning of criminal procedure activities of bodies executing punishments at the stage of execution of the sentence. *Vestnik Samarskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2019, no. 4, pp. 86–91. (In Russian).
15. Shcherbakov A.V., Mikhailova O.E., Uskacheva I.B., Bogdanov M.N., Shatov S.A. Foreign experience in ensuring the security of the penitentiary system and the possibility of its use in domestic practice. *Janus.net*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 122–136.
16. Shcherbakov A.V., Smirnova I.N., Budanova L.Y., Shabanov V.B. International legal acts in the field of security and their implementation in the penal system of Russia. *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*, 2020, vol. 12, no. 2 (Special Issue), pp. 387–390.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VYACHESLAV B. SHABANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminalistics at the Legal Faculty, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5796-3727>, e-mail: lawcrim@bsu.by

LYUDMILA YU. BUDANOVA – Candidate of Sciences (Law), senior lecturer at the Department of Organizing the Regime and Intelligence-Gathering Activities in the Penal System, Pskov Branch of the Academy of FSIN Russia, Pskov, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1106-9188>, e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

VLADIMIR. P. KRAMARENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics at the Law Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9662-0874>, e-mail: vkram39@mail.ru

Theoretical Aspects of Interaction between Special Forces Units of the Federal Penitentiary Service of Russia, the National Guard of Russia, and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Field of Law Enforcement

■ **SERGEI V. PONIKAROV**

Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1450-6825>, e-mail: minrs@yandex.ru

Abstract. The paper investigates a novel issue related to the cooperation between special forces units of the penal system and other (special) similar units, namely, the police and the National Guard (including the Special Purpose Mobile Unit and the Special Rapid Response Unit). We note that earlier these units were part of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The paper presents the results of a study of organizational and legal interaction of the special forces of the penal system with other bodies in the field of law enforcement. We argue that the cooperation between these units has the greatest potential in conducting special operations to prevent emergencies related to hostage-taking, mass riots, and escapes of convicts. We highlight major organizational criteria for interaction between the divisions under consideration. We put forward our own definition of the essence of organizing the interaction between special forces units of the penal system and special units of other agencies in emergency situations taking place in correctional institutions. We describe characteristic features of this interaction. The integration of these features allowed us to formulate a scientific definition of the interaction under consideration in a broad sense. The article analyzes specific features of cooperation between special forces units of the penal system and other bodies; these features involve the establishment of interpersonal contacts between the heads of these units. We emphasize the scientific and organizational principles of interaction, such as balance, mobility, and preparedness. We propose tactical interaction, which consists of an action plan, preliminary training, management decisions and practical actions of the personnel. The paper also presents the results of an empirical study on the integration of special forces units.

Key words: interaction; organization and tactics; institutions and bodies of FSIN Russia; law enforcement; special forces of the penal system; other special bodies.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor’s activity, human rights and law enforcement activities.

For citation: Ponikarov S.V. Theoretical aspects of interaction between special forces units of the Federal Penitentiary Service of Russia, the National Guard of Russia, and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of law enforcement. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 566–569. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-566-569.

Certain issues regarding the cooperation between law enforcement agencies are considered in scientific literature [9, p. 15]. However, the issues of interaction of special forces units of the penal system with other similar bodies in the field of law enforcement were not subjected to a comprehensive analysis. This is due to the fact that legally the units of the National Guard of Russia (Rosgvardiya) were created not so long ago. In addition, special units such as the Special Purpose Mobile Unit (OMON) and the Special Rapid Response Unit (SOBR) were transferred from the Ministry of Internal Affairs of Russia (MVD).

According to the analysis of the activities of the special forces of the penal system we con-

clude that cooperation with other similar bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and Rosgvardiya (OMON, SOBR) is necessary.

Despite the fact that the issue of cooperation takes a central place in the theory and practice of management [1, p. 98; 8], there have been no in-depth research on the cooperation between special forces units of the penal system and similar bodies of Rosgvardiya and the MVD of Russia.

There are many definitions of the term “cooperation”. The differences in the interpretations usually concern only individual aspects of the term and do not affect its essence; they are reduced to the understanding of cooperation as a joint activity of various law enforcement

bodies that has coordinated goals (objectives), time and place and as the ability of these bodies to use the means they have at hand for the benefit of all the participants.

The Explanatory Dictionary of the Russian language defines cooperation as a mutual connection between certain phenomena, as mutual support [6, p. 78]. In the scientific literature, this category is considered in a narrow and broad sense. Cooperation in a narrow sense is a joint or coordinated activity of two or more subjects to achieve one or more common goals at a definite point in time and space [10, p. 16–18], in a broad sense, it is a universal system of interdependence of phenomena and processes, such a state of interacting subjects that is characterized by their continuous impact on each other and mutual influence. In addition, in abroad sense, cooperation acts as a philosophical category that reflects the processes of influence of objects on each other, their mutual conditionality and the generation of one object by another. The essence of cooperation consists in joint activities aimed at addressing common tasks (goals) of specific bodies and officials who occupy an equal position [7, p. 106].

Cooperation is a complex, dynamic and continuous process. Coordination of actions implies the activity of all actors, each of which, realizing its role in this process and showing reasonable initiative, performs the necessary actions in a timely manner.

Professor V.D. Malkov considered cooperation as one of the management functions. In his opinion, from the point of view of structural and logical analysis, it includes subjects, interaction goals, and the mechanism for implementing functions [3, p. 122–123].

We should emphasize that mutual actions are possible under certain conditions. First, at least two actors should participate in the interaction (for example, the special forces of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN Russia) and the units of Rosgvardiya). This means that each of the participants must be clearly aware that they are performing their assigned functions together with another actor. Second, there should be common goals and objectives for all participants in the cooperation.

Based on the legal content and significance, the system of normative legal acts regulating the law enforcement activities of special forces units of the penal system is presented as follows:

- 1) international legal acts signed and ratified by the Russian Federation –
 - Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners adopted in 1955 [4, p. 290–311];
 - Code of Conduct for Law Enforcement Officials adopted in 1979 [4, p. 319–325];

- International Convention against the Taking of Hostages, 1979;

- Basic Principles on the Use of Force and Firearms by Law Enforcement Officials adopted in 1990 [5, p. 212–220];

- 2) Federal laws of the Russian Federation:

- Federal Law dated July 19, 2018 No. 197-FZ “On the service in the penal system of the Russian Federation and on amendments to the Law of the Russian Federation “On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty”;

- Federal Law dated July 21, 1993 No. 5473-1 “On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty”.

General issues of interaction between special forces departments of the Russian penal system and similar law enforcement units are contained in a number of regulatory legal acts at various levels, in particular in Federal Law No. 226-FZ of July 3, 2016 “On the troops of the national guard of the Russian Federation” and Presidential Decree No. 510 of September 30, 2016 “On the federal service of the national guard troops of the Russian Federation”.

For example, in accordance with Item 30 of Article 9 of the Federal Law “On the troops of the national guard of the Russian Federation”, the national guard troops are empowered to prevent mass riots in localities and, if necessary, in correctional institutions.

According to Item 4 of the Decree of the President of the Russian Federation of April 5, 2016 No. 157 “Questions of the federal service of the national guard troops of the Russian Federation” the structure of this service includes the following units:

- 1) special rapid response units of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (SOBR);

- 2) special purpose mobile units of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (OMON).

Consequently, special units SOBR and OMON are given the authority to stop mass riots in Russian penitentiary institutions.

Moreover, the special forces of the penal system assist other special bodies, such as Rosgvardiya and the MVD of Russia, in carrying out special measures:

- ensuring public safety and public law and order in case of an emergency;
- ensuring state of emergency regimes;
- seizure of firearms from the population (for example, when providing assistance);
- locking down the location of a special operation conducted by other special units (for example, OMON, SOBR);

– disarmament of illegal armed groups, and their elimination in the case of their armed resistance, etc.

In turn, other special divisions of Rosgvardiya and the MVD of Russia, within the framework of cooperation, are also able to assist special forces departments of the penal system in the following types of law enforcement activities:

- suppression of mass riots in correctional institutions and pre-trial detention centers;
- ensuring the safe functioning of institutions and bodies of the penal system;
- suppression of flights of unmanned aerial objects performed over the territory of penal institutions;
- providing intelligence-gathering measures;
- law enforcement;
- seizure of weapons and narcotic drugs;
- apprehending armed criminals.

Cooperation between special forces departments of the penal system and other divisions of the MVD of Russia and Rosgvardiya in emergency situations in correctional institutions includes the following organizational features:

- 1) ensuring the unity of the strategic course;
- 2) addressing the issues concerning integrated use of forces and resources of special forces departments;
- 3) ensuring the tactical unity of action of the forces and means involved;
- 4) ensuring an open build-up of sufficient forces and resources.

The criteria for organizational cooperation are as follows:

- a) ensuring the unity of understanding of the plan of the head of the operational staff by all officers;
- b) ensuring that special units have a solid knowledge of the tasks and methods of joint action;
- c) systematic exchange of information about the operational environment; joint development of the most important documents on the organization of official activities;
- d) coordination of planned activities for the implementation of orders and other documents;
- e) establishment and development of a unified system of interaction signals.

The principles of organization of cooperation will be implemented if there is a holistic planning and consistency in the actions of special forces departments. Among the principles, we can distinguish balance, mobility, and preparedness. The balance of actions ensures an appropriate distribution of the main forces, a unified strategy and line of conduct. Mobility helps optimally use the components of collective actions, vary the reserves, and rationally spend the means and resources of special

forces departments. Preparedness helps effectively use forces and means in any situation in a correctional institution.

Moreover, the principles of cooperation reflect the patterns of joint activities of the special forces of the penal system and other special units of other departments. It is necessary to take into account the maximum capacity to manage special units.

Thus, the essence of the organization of cooperation between special forces departments of the penal system and other special divisions in emergency situations in correctional institutions consists of a set of agreed principles, rights and obligations aimed at ensuring the safety of objects of the penal system.

Practice shows that cooperation consists of the following mandatory elements that reflect the strategic aspect:

- coordination of forces and means;
- coordination of procedures for the notification and exchange of information;
- definition of measures for combat, moral and psychological, logistical, technical and transport support;
- clarification of joint actions and the procedure for providing mutual assistance.

The tactics of interaction between the special forces of the penal system and units and formations of the national guard troops in special conditions should be considered as a large number of methodological recommendations for the implementation of joint actions when performing special tasks in emergency situations.

We believe that tactical cooperation consists of an action plan, advance preparation of management decisions, and practical actions of personnel. The content of the tactics of cooperation between the special forces of the penal system and the formations of the national guard troops should also include a direct service-contact component, which involves the establishment of interpersonal relationships between the heads and staff of special forces. Cooperation is most effective when there are direct contacts between the commanders of detachments, heads of the Office of the MVD of Russia, Rosgvardiya, and FSIN Russia.

Other issues related to the organization of cooperation include information and analytical work, organization of control and accounting, and conducting regime events. These issues are secondary, but their solution largely depends on the implementation of the tasks at hand.

Another important point is the issue concerning the integration of special forces units into a single structure [2].

In the framework of the study a survey was conducted, in which 224 special forces officers

of the penal system, law enforcement units of the MVD of Russia and Rosgvardiya of the Central Federal District were interviewed.

The majority of respondents (67%) object to such a merger, this is due to the narrow specialization and activity of the divisions under consideration. One third of respondents (33%), on the contrary, believe that the integration will help address service and combat issues related to law enforcement more effectively.

For example, the main purpose of the special forces of a penal institution is to ensure safe functioning of the penal system; the main purpose of national guard troops is to ensure state security (protection of important state objects, facilities, special cargo), the purpose of security units of the MVD of Russia (for example, "Grom") is to ensure public order in the city, district and other settlements.

We believe that the question about the integration of special forces is logical as this will make it possible to level off the forces of the penal system, OMON, SOBR and, the national guard troops in the socio-legal and financial aspect. For example, personnel of the national guard are paid by an order of magnitude more than personnel of OMON, although they belong to the same department – the federal service of the national guard. This is due to the fact that personnel of OMON have special (non-military) police ranks, that is, they do not have the status of a national guard service member who has a higher salary.

In our opinion, the reason for the unwillingness to unite special forces lies in the specifics of the functions performed, as well as the special interests inherent in each of the units. Special forces of penal institutions regularly assist the units of the MVD of Russia in apprehending criminals, ensuring the security of intelligence-gathering activities, and protecting public order (for example, during the election to the State Duma or the election of the Governor) and, doing this, they perform functions that are not part of their routine. The involvement of police units to solve problems that arise in correctional institutions is extremely rare.

Thus, it is premature to combine special forces departments of the penal system with police units and national guard troops. We believe that the special forces of the penal system should be given greater independence in places of permanent deployment, focusing on interaction with other special units from other departments.

In conclusion, let us formulate a scientific definition of the cooperation between special units of FSIN Russia and other structures: it is a law enforcement activity based on normative legal acts, interrelated and coherent in space and time, the activity of special forces of the penal system and similar bodies of Rosgvardiya and the MVD of Russia is aimed at achieving a common goal and addressing common tasks in the sphere of safety of objects of the penal system of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Afanas'ev V.G. *Nauchnoe upravlenie obshchestvom* [Scientific management of society]. Moscow: Politizdat, 1973. 391 p.
2. Grishin D.A. Administrative and legal regulation of the activities of special forces units of the Federal Penitentiary Service: current state, problems and prospects. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2011, no. 4, pp. 19–21. (In Russ.).
3. Malkov V.D. *Planirovanie v upravlenii organami vnutrennikh del (teoreticheskie i organizatsionno-metodicheskie problemy): dissertatsiya na soiskanie uchenogo zvaniya doktora yuridicheskikh nauk* [Planning in the management of internal affairs bodies (theoretical, organizational and methodological aspects): Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1979. 453 p.
4. *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka: sbornik dokumentov* [International protection of human rights and freedoms: a collection of documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1990. 672 p.
5. *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka: sbornik dokumentov* [International human rights instruments: a collection of documents]. Moscow: NORMA-INFRA-M, 2002. 911 p.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 2009. 944 p.
7. Chaika Yu.Ya. (Ed.). *Organizatsiya upravleniya v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: uchebnik v z tomakh. Tom 1. Obshchaya chast'* [Organization of management in the penal system: textbook in two volumes. Volume 1. General part]. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii, 2002. 532 p.
8. Ponikarov S.V. Classification of normative acts regulating the law enforcement activities of special units of institutions and agencies performing functions in the field of criminal penalties. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 552–557. (In Russ.).
9. Starostin S.A. *Upravlenie organami vnutrennikh del pri chrezvychaynykh situatsiyakh (pravovye i organizatsionnye aspekty): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenogo zvaniya doktora yuridicheskikh nauk* [Management of internal affairs bodies in emergency situations (legal and organizational aspects): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2000. 469 p.
10. Tomin V.T. *Problemy optimizatsii isfery funktsionirovaniya organov vnutrennikh del: uchebnoe posobie* [Problems of optimization of the sphere of functioning of internal affairs bodies: textbook]. Gorky: GVSh MVD SSSR, 1978. 112 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

SERGEI V. PONIKAROV – post-graduate at the Department for Scientific and Pedagogical Personnel Training, Academy of FSIN Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1450-6825>, e-mail: minrs@yandex.ru

On the Need to Develop Professional Competences in Criminal Procedure and Criminalistics in Corrections Officers of the Federal Penitentiary Service of Russia

■ **ALEKSANDR S. SHATALOV**

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

ALEKSANDR V. AKCHURIN

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

Abstract. The paper substantiates the idea that while performing law enforcement functions correctional institutions face the risks of illegal behavior on the part of those individuals who do not want to embark on the path of reformation. The most effective response to the facts of criminal acts committed by convicts is associated with the implementation of the principle of the inevitability of criminal punishment for such behavior. The speed of such a response is of paramount importance and depends on corrections officers themselves. The response can be effective only if officers of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN Russia) use the full range of procedural and criminalistic tools at their disposal. Based on the analysis of the criminal procedure status of institutions, bodies and officials of FSIN Russia and the content of their functional responsibilities, we make an attempt to find out whether corrections officers need criminalistic knowledge. We identify the main areas in which corrections officers demand criminalistic knowledge. These include: law enforcement (for direct use in the implementation of criminal procedure powers, as well as for indirect use in the implementation of their main activities aimed at the execution of criminal penalties), education (for training personnel for penal institutions and bodies), and research (for further elaboration on the issues related to the investigation of prison offences).

Key words: correctional institutions; criminalistics; convicts; criminal process; prison-related crimes; investigation of crimes; Federal Penitentiary Service of Russia.

12.00.12 – Criminalistics; intelligence-gathering activities; forensic expertise.

For citation: Shatalov A.S., Akchurin A.V. On the need to develop professional competences in criminal procedure and criminalistics in corrections officers of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 570–576. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-570-576.

The state imposes compulsory measures on the subjects of legal relations who violate current legislation; from this viewpoint the penal system virtually closes the circuit of law enforcement agencies by exerting final impact on such individuals for the purpose of their reformation and recognition of the need to observe the norms established by the state. However, the implementation of correctional measures in relation to a particular individual does not mean the latter will immediately change their attitude toward society, state, and law. Quite often, while serving their criminal sentences, convicts do not seek to give up their routine filled up with illegal activities. Statistics of the Fed-

eral Penitentiary Service of Russia (FSIN Russia) annually report about a thousand crimes committed by convicts in correctional facilities (in 2017 – 875 prison-related crimes were registered; in 2018 – 914; in 2019 – 1,015) [10]. Disciplinary measures applied to prison offenders do not usually have a long-term proper effect. On the contrary, convicts who are subject to disciplinary measures use them to gain certain authority in penal institutions.

The greatest effect on the illegal activities of convicts is exerted by the inevitability of criminal punishment for the committed criminal acts; 97.8% of the surveyed convicts noted that gaining freedom was the most significant motive for

them to change their behavior¹. Therefore, they are hit quite hard by any increase in the term of their imprisonment. In personal conversations, corrections officers of FSIN Russia point out that this factor may be important in the implementation of measures to overcome the illegal activities of persons held in institutions that ensure their isolation from society².

However, in practice the potential of this seemingly effective measure cannot always be implemented by corrections officers of FSIN Russia. The problem of the current situation is multifaceted and controversial, but its essence, in our opinion, consists in the lack of awareness of the need to develop certain competencies in corrections officers that would allow them to act competently in a situation when convicts engage in illegal activity, in order to hold the latter criminally responsible [13].

The work of penal institutions and authorities is not only very specific, but also multidimensional. In addition to the enforcement of court sentences that have entered into force, it aims to reform convicted persons and prevent them from committing new crimes. All its employees are required to maintain the level of qualification necessary for the proper performance of their official duties. They also engage in professional training and (or) obtain additional professional education (Article 12 of Federal Law 197-FZ "On the service in the penal system of the Russian Federation and on introducing amendments in the RF Law "On institutions and bodies executing custodial penalties" of July 19, 2018). It is well-known that in some cases their activity goes beyond the scope of penal legislation. Quite often it is carried out in accordance with the requirements of the criminal procedure law and takes into account practical recommendations of domestic criminalistics, thus transforming into a purely cognitive, i.e. procedural and criminalistic activity in its essence. It is based on universal theoretical and methodological provisions that are typical of this activity as such, i.e. regardless of the territories and subjects that engage in it. However, this activity of the institutions and authorities of the penal system has its specific features that are reflected neither in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter – RF

CPC), nor in the departmental normative legal acts. Nevertheless, these features are described in detail in the specialized literature, since they have been actively studied and are being studied in the framework of ongoing research; authors analyze them from the scientific standpoint, and they are certainly taken into account in the relevant practical recommendations.

In this regard, it is appropriate to recall that such problems as detection, exposure and investigation of crimes committed by convicts in correctional institutions while serving their sentences were considered in detail in the works of V.K. Kolomeits (1969), N.I. Kulagin (1977), A.P. Khalyavin (1978), M.A. Petukhovskii (1979), V.A. Kovalev (1982), V.V. Nikol'yuk (1990), N.G. Shurukhnov (1992), S.D. Averkin (2011), S.P. Brylyakov (2013), O.A. Malysheva (2014), A.A. Krymov (2016), V.I. Kachalov (2018), and others. Various aspects of criminal procedure and purely criminalistic activities of authorities and institutions of the penal system are considered in the research works of Ya.I. Gilinskii (1967), A.I. Vasil'ev (1970), I.E. Karasev (1973), V.N. Bibilo (1979), A.I. Minenok (1985), E.V. Reitenbakh (1995), O.V. Voronin (2004), K.A. Sinkin (2004), I.V. Pastukhov (2005), O.P. Aleksandrova (2006), A.V. Grishchenko (2006), A.M. Lyutynskii (2006), S.A. Birmamitova (2007), V.A. Gnatenko (2007), A.V. Strakhov (2007), E.R. Pudakov (2008), A.A. Kamardina (2012), S.L. Mirolyubov (2012), O.V. Guzhva (2013), A.A. Nuzhdin (2014), Yu. A. Tyabina (2016), A.Yu. Antipov (2017), L.L. Santashova (2017), and some others. These very researchers deserve credit for theoretical substantiation and scientific interpretation of the fact that the functioning of penal institutions and bodies includes, among other things, criminal procedure and criminalistics. Moreover, almost all of them in their works unanimously note that employees of penal institutions and bodies clearly do not apply enough effort to use criminalistic knowledge and implement criminal procedure powers; thus, it negatively affects the functioning of the Russian penal system as a whole. Often, its officials turn out to be insufficiently prepared for the practical implementation of both purely procedural and diverse criminalistic activities. The most tangible related consequence is that prison offenders manage to avoid criminal liability for their new illegal actions. All this clearly shows that the need for an effective mechanism to manage criminal procedure and criminalistic activities of Russian penal institutions and bodies not only remains a pressing issue, but has also become one of the major present-day tasks that require a speedy solution. We consider it quite obvious that this problem can be solved only if officials of FSIN

¹ The survey was conducted in correctional institutions of the Republic of Tatarstan, Krasnoyarsk Krai, the Moscow, Tver and Ryazan oblasts in 2018–2020. A total of 126 convicts were interviewed.

² The interviews were conducted with participation of the employees of correctional institutions of FSIN Russia who had graduated from the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia in 2017–2019. Staff of correctional institutions participated in a total of 31 interviews.

Russia acquire relevant professional competencies. Let us try and substantiate this idea.

It is well known that criminal procedure and criminalistic knowledge are in demand, first of all, in the work of law enforcement officers. Educational literature on criminology often clarifies this position with reference to specific law enforcement agencies designed to identify, disclose, investigate and prevent crimes [12, p. 13]. However, penal institutions and bodies are almost never mentioned in this context, despite the fact that they are part of the pool of Russian law enforcement agencies. Despite the fact that so far there is no legally established list of such agencies, their purpose, functions, system, structure and tasks are well known to every lawyer, since they are considered within the framework of the academic discipline "Law enforcement agencies", which is taught in all higher educational institutions for legal studies [7, p. 22]. Moreover, specially authorized officials of Russian penal institutions carry out intelligence-gathering activities, in the framework of which they detect, investigate and suppress illegal intentions of suspects, defendants and convicts held in pre-trial detention centers and correctional facilities. Basically, the purpose of penal institutions is to implement current Russian penal legislation (hereinafter – RPL), which sees their major tasks not only in enforcing punishment as such, but also in the prevention of new crimes and prison-related offences. However, it is not yet possible to recognize unconditionally the fact that penal institutions have a full-fledged function of preliminary investigation. This is due to the fact that certain provisions of the RF CPC regulating criminal procedure activities of institutions, bodies and officials of the Federal Penitentiary Service of Russia are inconsistent and lack specificity.

Thus, according to Paragraph 1 of Part 1 of Article 40 and Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the RF CPC, penal institutions and bodies have the procedural status of agencies of inquiry, which should assume the presence of definite powers to receive, register and verify reports of crimes in accordance with Article 144 of the RF CPC, to make a final procedural decision in accordance with Article 145 of the RF CPC (on initiation of criminal proceedings, on refusal to initiate criminal proceedings, on sending materials for investigation in accordance with the jurisdiction), to perform urgent investigative actions in accordance with Article 157 of the RF CPC, etc. However, law enforcement practice in this area is still very controversial, because the Federal Penitentiary Service of Russia lacks its own investigative jurisdiction, and the Instruction of the General Prosecutor of the Russian Federation of October

25, 2013 No. 456/69 "On strengthening prosecutor's supervision of procedural activities of penal institutions and bodies" (hereinafter – the instruction) actually acknowledges the fact that the institutions and bodies of FSIN Russia are not full-fledged bodies of inquiry. Granted, it partly recognizes the established practice of receiving, reviewing and resolving reports of crimes by institutions and bodies of FSIN Russia. At the same time, the instruction, to put it mildly, does not approve of their making any procedural decisions, except, perhaps, for the transfer of materials of preliminary investigation according to investigative jurisdiction, within the time limit established by law. As for urgent investigative actions, which in accordance with Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the RF CPC can be conducted by prison governors after the decision on the initiation of criminal proceedings has been adopted, prosecutors should first establish the exceptional circumstances that made the prison governor initiate criminal proceedings to conduct urgent investigative actions. As a result, the prosecutor's office, despite RF CPC instructions, does not consider prison governors as a full-fledged inquiry body, but allows them to initiate criminal proceedings for urgent investigative actions. The situation is aggravated by the fact that local bodies of inquiry and preliminary investigation usually do not initiate criminal proceedings in relation to the crime committed or being prepared for commission on the territory of a correctional facility until they receive an official notification about it and pre-investigation review materials collected on the relevant occasion and transferred to them under investigative jurisdiction from a specific correctional institution.

Having studied criminal cases of prison-related offences we see that in addition to reports, explanations and various kinds of background information collected at the stage of checking the report of the crime, case files contain inspection records of the crime scene, examinations, and reports of viewing security camera footage. Case files also contain orders to conduct forensic examinations, though quite rarely. Thus, corrections officers, when reviewing reports of crimes committed or being prepared by convicts, regularly carry out various verification actions, but at the same time the main supervisory authority of the country does not perceive them as independent and fully capable inquiry bodies. One cannot and should not put up with this practice, and even more so recognize it as being in line with the letter of the law, in particular, because such an attitude, at least, raises doubts as to whether corrections officers should acquire the knowledge, skills and abilities they need at the initial stage of crimi-

nal proceedings. Moreover, in their daily work, they almost constantly have to apply the knowledge that has been generated by the science of criminology for two centuries already. Suffice it to mention the daily personality identification of convicts serving their sentences (during general checks, checks at checkpoints, etc.), description of their appearance and prominent physical characteristics in suspect profiles, fingerprinting and placing these persons on various criminalistic records, implementation of identification photography, audio and video recordings and analysis of their materials.

It is also necessary to note the importance of detecting and using smell traces in the activities of security officers in general, and dog handlers of correctional institutions, in particular. They engage in training and daily use of working dogs for inspection of vehicles that leave the territory of correctional institutions, for patrolling internal restricted areas of protected facilities, for searching for and detention of convicted escapees, for searching for and detection of narcotic drugs, explosives, firearms and ammunition, and for the implementation of intelligence-gathering activities, security and preventive measures. It has long been noticed that a dog handler with a working dog exerts an important psychological impact on offenders through his/her appearance and behavior, forcing them to abandon their criminal intentions [8]. Many correctional institutions are creating banks of smell traces of convicts who fall under preventive registration measures. For example, UFSIN Russia for the Republic of Mordovia and UFSIN Russia for the Kaluga Oblast have accumulated positive experience in discovering cell phones in the territory of correctional institutions by smell [2]. Now it is actively implemented in the work of canine units of correctional institutions of other territorial bodies [1; 5; 6].

The importance of working dogs for each correctional institution is also confirmed by the fact that when investigating prison-related crimes, the investigator or inquirer may well need the help of a dog handler from the correctional institution in the course of investigative actions [9]. Moreover, the results of intelligence-gathering activities and regime measures available to penal institutions and bodies are usually crucial for an objective and comprehensive investigation of prison offenses. This is quite natural, since the circumstance in proof in a prison-related crime has a number of features arising out of the subjective side and the subject of the crime, as well as the types of harm caused by such crimes. Its most important component is the establishment of circumstances that characterize the consequences of a criminal act, since all crimes under such a combination of circumstances neces-

sarily become habitual. Knowledge and understanding of the specifics of the subject and limits of evidence allows the inquirer, investigator, and then the court to investigate and resolve specific criminal cases correctly, without infringing on the rights and legitimate interests of convicts, to combat crime consistently and purposefully in their environment with the help of legal means, and to conduct effective preventive work. In this case, the following circumstances have their own specific features and are subject to establishment and proof: place of the crime (determines the time and nature of the new actions of the convict); method of committing illegal actions, and other circumstances that affect the environment of the crime; identity of the victim; identity of the suspect; circumstances that contributed to the commission of the crime.

According to the current legislation, the results of intelligence-gathering activities and regime measures of penal institutions and bodies cannot be regarded as evidence in criminal cases, but they can contribute to the formation of a high-quality evidence base and the correct organization of the proof process itself, thus ensuring the effectiveness of procedural and, first of all, investigative actions. Taking into account these circumstances, we believe that the materials of criminal cases on prison-related offences, in addition to the relevant resolutions and protocols of investigative actions, should include documents drawn up by corrections officers and containing the information that would promote a full, objective and comprehensive investigation.

In order for such documents to acquire evidentiary value, the correctional officers who compose them must have a clear understanding of when, how and what actions they need to take in cases of prison offenses, how to interact with the bodies of inquiry and preliminary investigation, what factors negatively affecting the investigation of prison crimes may occur in a particular investigative situation, how they can neutralize their consequences, and so on. Despite the obvious points of contact between the practice of execution of sentences and pre-trial proceedings on criminal cases and the recommendations of criminalistic science, many correctional officers do not seek to acquire much-needed professional competencies in the field of criminal procedure and criminalistics, believing that they are important only for those representatives of Russian law enforcement agencies who directly carry out preliminary investigation or inquiry in the framework of their main official duties. The transition of departmental educational institutions to a two-level training system and new federal state educational standards did not correct this situation, but rather aggravated it, since starting in

2011, the amount of academic time allocated for studying these subjects at the higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia was significantly reduced. Moreover, if the course in Criminal Process lost a relatively small number of academic hours, then the course in Criminology was reduced by almost a half.

Another negative factor is that currently the territorial investigation and inquiry bodies do not have any specialization in the investigation of prison-related crimes. It is important to note that in the Soviet period of Russian history, the situation in this regard was completely different, since then there was a corps of investigators of forest correctional labor institutions (ULITU) and investigators under prosecutor's offices for monitoring the observance of laws in correctional labor institutions (ITU) [14, p. 114]. Long gone are the days when the penal system was part of the Ministry of Internal Affairs, which showed at least some interest in investigation of prison crimes. Accordingly, investigators and inquirers of internal affairs agencies, whose jurisdiction under the current legislation includes most types of prison-related offences, no longer see the need to specialize in their investigation, since they do not engage in it regularly, but once in a while.

It is gratifying to note that against the background of departmental disunity, scientific interest in the problems of investigation of prison crimes has not only remained, but is gradually increasing. It is evidenced by the considerable number of defended dissertations and published scientific papers on this topic that have emerged over the past two decades. Some of their authors conclude that it is necessary to allocate and further develop a special area of criminalistic knowledge. V.V. Nikolaychenko, for example, was the first to raise the question concerning the feasibility of forming a "private criminalistic theory of punitive crime, which will be the basis for the development and application of means and methods of investigation and prevention of crimes committed by persons with a criminal record". He sees its task in "highlighting" the criminally significant consequences of the application of criminal punishment [4, p. 23]. About a decade after him, V.S. Ishigeev and I.P. Parfinenko, participating in an international research-to-practice conference, started a discussion on the independent nature of the doctrine of penitentiary criminology. In their works, they highlighted distinctive features of prison offences and described the approximate content of criminalistic teaching they propose [3, p. 358]. Examples like these can be continued.

At the same time, we have to acknowledge the presence of certain negative facts that occur with regard to further scientific elaboration of in-

vestigation of prison-related crimes. According to the monitoring of dissertations defended on such issues, we can say that since 2000 the academic community have seen new research findings on this topic being produced almost every year; however, recently, the extent of scientific elaboration of such problems has decreased dramatically. Over the past five years, virtually no dissertations have been defended on the investigation of prison-related crimes.

It is important to note that of all types of educational organizations and academic institutions that have the potential to carry out research on the investigation of prison offences, it is the universities of the Federal Penitentiary Service of Russia that conduct the bulk of such research. In this regard, we should note the contribution of professors N.G. Shurukhnov and A.A. Krymov, who are now at the helm of scientific schools that once originated in the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia ("Investigation and prevention of prison-related crimes", "Criminal procedure activities of the bodies and institutions of the penal system"); the scholars also initiate and conduct active work on the introduction of procedural and criminalistic competencies in the professional activities of employees of FSIN Russia. A large number of dissertations addressing specific criminal procedure and criminalistic problems that emerge in the activities of penal institutions have been prepared and defended under the scientific guidance of the scholars [11].

We should note that in recent years there have been many positive changes in the procedure and conditions for the execution of criminal penalties. However, a number of important tasks in this area still need to be addressed. One of them is the formation of new and multiplication of existing professional competencies in employees of institutions and bodies of FSIN Russia.

The main conclusions that we came to while studying the problem of formation of criminal procedure and criminalistic professional competencies of corrections officers of the Federal Penitentiary Service of Russia are as follows.

1. The need for these competencies is due to objective necessity to implement the goals and objectives of correctional institutions.

2. The low interest in the formation of the criminal procedure and criminalistic competences in corrections officers of FSIN Russia and the lack of demand for such competencies on the part of employees of the penal system is connected on the one hand with the fact that FSIN Russia has no subdivisions that would exercise preliminary investigation functions, on the other hand – with the lack of departmental interest of other law enforcement agencies (except the Federal Peni-

tentiary Service of Russia) toward specialization of the investigation of prison-related crimes.

3. An analysis and understanding of the system of professional training of employees for correctional institutions of FSIN Russia, as well as a review of law enforcement practice, allows us to come to the conclusion that there is no universal unified way to form criminal procedure and criminalistic competencies in employees of the penal system. Addressing this issue requires a comprehensive approach under which it is not enough only to adjust departmental education in higher education institutions of FSIN Russia by increasing the number of class hours allocated to the disciplines “Criminal procedure”, “Criminalistics”, and adjusting the course schedules to add instructions on how officers should act with regard to the commission of a prison-related crime and its investigation. In

personal conversations, officers of FSIN Russia express the following suggestions:

- the need to introduce special courses within the framework of basic departmental education, which provide for the study of specific issues of officers’ activities related to the commission of a prison-related crime and its investigation;
- the development of specialized advanced training courses for corrections officers;
- expanding the scientific understanding of the problems of criminal procedure and criminalistics that arise in the practice of functioning of correctional institutions, and using the obtained knowledge to work out the most concise, but intuitive and visual algorithms for the actions of correctional officers at the preliminary stage of investigation of prison-related crimes, as well as sample documents necessary for documenting the illegal activities of convicts.

REFERENCES

1. Characteristics of persons held in correctional colonies for adults. *FSIN Russia: official website*. Available at: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20K/> (accessed October 28, 2020). (In Russ.).
2. Shurukhnov N.G. *Kriminalistika: ucheb. posobie* [Criminalistics: textbook]. Moscow: Yurist, 2005. 639 p.
3. Stoiko N.G. *Pravookhranitel'nye organy: uchebnik* [Law enforcement agencies: textbook]. Moscow: Yurait, 2019. 518 p.
4. Tevosyan A.T. On the introduction of the term “canine detachment” in the activities of the canine unit of the penal system. In: *III Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie” (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii): sbornik tezisev vystuplenii i dokladov uchastnikov (g. Ryazan', 21–23 noyab. 2017 g.): v 8 t. T. 7: Materialy kruglykh stolov “Osushchestvlenie operativno-rozysknoi deyatelnosti v uchrezhdeniyakh UIS na sovremennom etape”, “Nauka i praktika v obespechenii rezhima v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh”, “Kinologicheskoe obespechenie deyatelnosti FSIN Rossii: teoreticheskie osnovy i prakticheskii opyt”* [Third international penitentiary forum “Crime, punishment, reformation” (commemorating the 20th anniversary of the entry into force of the Criminal Executive Code of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, November 21–23, 2017): in 8 volumes. Volume 7: Proceedings of round tables “Implementation of intelligence-gathering activities in penal institutions at the present stage”, “Science and practice in ensuring the regime in penal institutions”, “Cynological support of the Federal Penitentiary Service of Russia: theoretical foundations and practical experience”]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2017. Pp. 425–428. (In Russ.).
5. In the Department of the Federal Penitentiary Service of Mordovia dog handlers have been training working dogs for the search of cellular phones. *Official website of UFSIN Russia in the Republic of Mordovia*. Available at: <http://info-rm.com/2012/10/31/v-ufsin-mordovii-kinologi-proshli.html> (accessed September 11, 2020). (In Russ.).
6. *Colleagues from Chuvashia adopt best practices of UFSIN Mordovia*. Available at: http://www.13.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=54871 (accessed September 11, 2020). (In Russ.).
7. In UFSIN Pskov there is a dog trained to search for mobile phones. *Official website of UFSIN Russia in the Pskov Oblast*. Available at: http://60.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=114533 (accessed August 24, 2020). (In Russ.).
8. Five mobile phones were found by a working dog in a correctional facility in Primorye. *Website of the news of Primorsky Krai*. Available at: <http://primpress.ru/article/24258> (accessed September 11, 2020). (In Russ.).
9. Fomin Yu.S. Problems of investigating the penitentiary crimes in present-day conditions. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki=Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2012, no. 4, pp. 204–209. (In Russ.).
10. Shurukhnov N.G. *Rassledovanie i preduprezhdenie prestuplenii, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Investigation and prevention of prison-related crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 1991. 475 p.
11. Shurukhnov N.G. Classification of forensic techniques of crime investigation, its theoretical and practical value. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 252–256. (In Russ.).
12. Nikolaichenko V.V. *Penitentsiarnye i postpenitentsiarnye prestupleniya: kriminalisticheskaya teoriya i praktika: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Prison-related crimes and re-offending after release: criminalistic theory and practice: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2006. 453 p.
13. Shurukhnov N.G., Meretskii N.E., Ishigeev V.S. Some causes and conditions of manifest excesses of authority by penitentiary employees: unlawful acts against inmates. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 772–781. (In Russ.).
14. Ishigeev V.S., Parfinenko I.P. Revisiting the issue concerning the creation of the doctrine of penal criminalistics. In: *Deyatelnost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sb. materialov XXII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 2 t.* [Activities of law enforcement agencies in modern conditions: proceedings of the 22nd international scientific-practical conference. In 2 volumes]. Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD Rossii, 2017. Volume 1. Pp. 358–361. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ALEKSANDR S. SHATALOV – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9696-416X>, e-mail: asshatalov@rambler.ru

ALEKSANDR V. AKCHURIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>, e-mail: 79206310258@yandex.ru

State Service in the Law Enforcement Sphere and Its Major Features¹

ROMAN V. NAGORNYKH

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikhvipe@mail.ru

Abstract. The article investigates the main features of state service in the law enforcement sphere and the place of state service in administrative and legal regulation mechanism. The goals of the work are as follows: to consider state service in the law enforcement sphere as a single legal category, to reveal its essence and characteristic features as a social system, to provide a scientific classification of its constituent elements and disclose their administrative and legal content. We highlight the following main functional features of those state bodies the service in which can be called law enforcement activity: state and power-based nature of activity, exercising executive and administrative powers, special functional and target purpose, application of special measures of legal influence based on the use of persuasion and coercion methods, and a special legal status. We conclude that practical solution to the question of classifying state service in a particular state body as law enforcement activity may be found through legislative definition of the concept of law enforcement activity of the state, law enforcement functions of state authorities, and the system of state authorities exercising law enforcement functions.

Key words: state service; administrative and legal regulation; law enforcement activity; law enforcement functions; legal enforcement.

12.00.14. – Administrative law; administrative process.

For citation: Nagornyx R.V. State service in the law enforcement sphere and its major features. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 576–580. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-576-580.

Consideration of state service in the law enforcement sphere as a single legal category allows us to reveal its essence and typical features as a social system, to classify its constituent elements from the scientific perspective and to reveal their administrative and legal content. This task can be addressed most effectively by using an integrative approach that identifies and discloses general features of state service in law enforcement and helps understand specific features of its elements and their groups united into separate subsystems, and also helps determine its non-etative features [7], which is of fundamental importance from the point of view of formation of a new model of state service in law enforcement.

In this regard, studying state service as a social and legal system within the law enforcement sphere involves the following aspects:

– studying its functional environment, identifying its interrelations with other social systems

(state service system, law enforcement system, state and society, functional environment);

– studying its internal structure and content, components and relationships between them, and their legal regulation;

– identifying major social and humanistic principles of the service and their positivization in current legislation.

On this basis we can give a general description of state service system in the law enforcement sphere as a single social and legal phenomenon [9].

The essence and content of state service in the law enforcement sphere and its social purpose are determined primarily by the external environment of its functioning, which encompasses specific social relations associated with the protection of the interests of individuals, society and the state from various kinds administrative, criminal, natural and man-made threats. At the same time, in the structure of legal order,

¹ The paper is based on the materials of the author's Doctor of Sciences (Law) dissertation "Administrative and legal regulation of the state service of the Russian Federation in the law enforcement sphere", it is published for the first time.

that is, in the structure of public relations regulated by law and protected by the state, we can distinguish a group of public relations that have a special social significance and are protected by special legal measures. We are talking about public relations that are protected by the legislation on administrative offenses and criminal legislation. In our opinion, consideration of certain types of public relations as objects of administrative and criminal protection is a fundamental criterion for understanding the content and structure of law enforcement activity and the state law enforcement service as well.

In general, the external functional environment of law enforcement activity can be defined as a set of various social relations regulated by law and protected by special legal measures and means based on legal methods of persuasion and coercion.

The functional environment of law enforcement activity is made up of special groups of public relations that have the highest social value and require special governmental protection; legal protection of these public relations is provided for in special parts of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (RF CAO) and the Criminal Code of the Russian Federation (RF CC). These public relations have specific objects, which are protected within the framework of law enforcement activity in its narrow sense.

Having analyzed Article 1.2 of RF CAO and Article 2 of RF CC that define the objectives of the legislation on administrative offences and the criminal law, we selected a list of objects of legal protection that are a priority for the state and society:

- person (individual and citizen), their rights and freedoms;
- citizens' health;
- sanitary and epidemiological well-being of the population;
- public morals;
- environment;
- established procedure for the exercise of state power;
- public order and public safety;
- property;
- economic interests of natural persons and legal entities, society and the state;
- constitutional system of the Russian Federation;
- peace and security of mankind.

The very necessity to protect these objects implies the use of a wide range of legal prevention measures, measures to promote legal proceedings, bringing to justice, and legal recovery, which, in turn, determine the content

of law enforcement activities of the state and their main functions in this field. In accordance with current legislation, these measures serve as specific means for protecting the objects we mentioned above and cannot be used to protect other objects of legal relations. In this regard, the main function of law enforcement activities of the state can be seen in combating crime and administrative offenses, the general aggregate object of which is, in fact, the subject of law enforcement in its narrow sense.

The main law enforcement function of the state can have various sub-types. Thus, according to K.F. Gutsenko and M.A. Kovalev, these sub-types include constitutional control, justice, prosecutor's supervision, detection, investigation and prevention of offenses (crimes), organizational support for the activities of courts, ensuring state and public security, providing legal assistance [3, p. 8]. A viewpoint of V.P. Bozh'ev is in many ways similar: he believes that the law enforcement functions (activities) of the state include constitutional control, administration of justice, prosecutor's supervision, intelligence-gathering activities, investigation of crimes, provision of state security, execution of court decisions, security activity, prevention of crimes and other offenses, provision of professional legal assistance [8, p. 21].

Both viewpoints certainly deserve attention, but they require clarification. In our opinion, the functions that are directly related to the law enforcement activities of state bodies in a broad sense can be as follows: administration of justice, prosecutor's supervision, combating crime (or countering crime), protection of property, protection of public order, ensuring personal, public and state security, execution of decisions on bringing to legal responsibility the judicial and other bodies in the framework of proceedings on criminal cases and administrative offences.

In our opinion, the functions of constitutional control and legal assistance are not directly included in the subject matter of law enforcement in its narrow sense, but are inherent in law enforcement in a broad nation-wide meaning. At the same time, the functions of the administration of justice and prosecutor's supervision have their own specifics due to the presence of special constitutional and legal regulation and the operation of special legislation; thus, they should also be considered outside of law enforcement activity in its narrow sense.

In general, law enforcement activity in the narrow sense should include fight against crime, prevention of offenses, detection and investigation of crimes; protection of public order,

ensuring personal and public safety, enforcement of decisions of judicial and supervisory authorities. These law enforcement functions are performed by specialized law enforcement agencies of the executive power, which, in turn, also form the corresponding sectoral law enforcement subsystem.

We should note that at present the system of law enforcement agencies of the state (law enforcement system) in the organizational and legal aspect is established most clearly, and its functional and target identification in the system of public administration does not cause noticeable discrepancies. Many researchers, when speaking about the law enforcement system of the state in a narrow sense, mean first of all the judicial authorities, prosecutor's offices and directly law enforcement agencies of the executive power. At the same time, legislative uncertainty of the basic concepts related to law enforcement, its goals, tasks, functions, system, etc. remains a rather long-standing issue. In this regard, we agree with V.M. Isaenko, who substantiates the need for adopting a relevant federal law "On law enforcement activity" [5, p. 163].

In our opinion, the most accurate classification of state bodies included in the system of law enforcement agencies of the state is given by V.V. Chernikov. He points out that among their constituent elements, along with bodies that have a special constitutional and legal status (the court, the prosecutor's office, and currently the Investigative Committee of the Russian Federation (hereinafter – RF IC)), one should distinguish law enforcement agencies of the executive power, i.e. the system of executive authorities that carry out law enforcement activity in its narrow sense [10, p. 5].

Thus, understanding the system as a set of elements and relationships that are naturally connected to each other in a single whole, which has special integrative properties that individual elements and relationships do not possess, we can give the following definition of the law enforcement system of the state. The law enforcement system of the state is a set of state bodies that are duly vested with powers in the field of justice, prosecutor's and investigative activities, and with executive and administrative powers in the field of protecting the rights and interests of citizens from illegal encroachments, fighting crime, protecting public order, ensuring personal and public safety, executing decisions on bringing to legal responsibility through the use of legal measures of persuasion and coercion, as well as other social functions within the framework of administrative, intelligence-gathering, criminal-procedural and

criminal-executive activities. A special place in the structure of the law enforcement system of the state belongs to law enforcement agencies of the executive power, which specialize in the implementation of law enforcement activity in its narrow sense.

Law enforcement activity determines not only the content and structure of the law enforcement system of the state, but also the content of the state's law enforcement service. In this regard, based on the analysis of law enforcement functions of the state, we can determine the types of state service in the law enforcement sphere. The initial postulate for such a classification can be the assumption that the system of state law enforcement service is derived from the state's law enforcement activities.

We should point out that currently law enforcement functions are assigned to various state bodies that have different legal status and are not always clearly identified as belonging to a particular branch of government. This problem is particularly evident in relation to the prosecutor's office and investigative bodies (regarding RF IC bodies) that have a special legal status.

In our opinion, as for the definition of the legal status of the prosecutor's office, one should agree with the point of view of A.M. Tarasov, according to which "the prosecutor's office, carrying out public prosecutor's supervision and being a separate and independent state regulatory authority that supervises law enforcement activity, is an independent state authority that is not part of any of the branches of government listed in Article 10 of the Constitution of the Russian Federation" [9, p. 34–38].

Special studies that analyze how the legal status of prosecutor's offices in different countries is determined provide examples which show that they belong to different branches of government [4]. Prosecutor's offices in present-day Russia belong to law enforcement agencies, and the essence of their work brings them close to law enforcement authorities, judging by the range of tasks they address and certain executive and administrative functions they fulfill. However, these bodies have a special constitutional and legal status, which is due to the functions of prosecutor's offices that ensure the rule of law, unity and strengthening of justice, protection of human and civil rights and protected interests of society and government [2, p. 7]. In this regard, at present, the prosecutor's office has developed a special type of state service, which is based on the order of service inherent in the state service. However, this circumstance, due to law enforcement

specifics, does not exclude the possibility of classifying service in the prosecutor's office as a type of law enforcement service. Here we should pay attention to the fact that criminal investigation as a special law enforcement function of the prosecutor's office, which has until recently been fulfilled by prosecutor's offices, is now transferred to the RF IC [6].

We shall not analyze in detail the status of the prosecutor's office and prospects for the future development of this agency, since these issues form an independent field of modern scientific research. Instead, let us pay attention to the ambiguity and multiplicity of possible ways of their practical resolution. The development of the prosecutor's office in Russia as an independent control and supervisory authority and the body that supports the prosecution in court and protects the rights and freedoms of citizens from unlawful encroachments should include gradual abandonment of its non-core functions, primarily in the sphere of executive-administrative activity and their gradual transfer to the jurisdiction of the law enforcement agencies of the executive power, such as the Ministry of Justice or the Ministry of Internal Affairs of Russia. While implementing this process, it is quite logical to establish a special federal state authority carrying out powers in the field of criminal justice: such an authority is the Investigative Committee of the Russian Federation, the state service in the IC has its own specifics, which allows us to determine it as state service in the law enforcement sphere.

In this regard, we should dwell on state service in the bodies of the RF IC, which today is essentially identical to the service in the prosecutor's office. At the same time, the bodies of the RF IC perform law enforcement functions in the field of criminal investigation, which are currently carried out by other federal executive authorities (the Ministry of Internal Affairs, the Federal Security Service (FSB) of Russia). In this regard, we consider it advisable to talk about the prospect of identifying RF IC bodies as part of executive authorities. In this case, the service in RF IC bodies should also be classified as a type of state service in the law enforcement sphere of executive authorities. In our opinion, this understanding of the problem makes it possible to solve the most important state task – to establish a unified system of state service in the law enforcement sphere of executive authorities as a special subsystem of state service in the law enforcement sphere.

Thus, classifying RF IC bodies (with subsequent consolidation of all investigative bodies of Russia within this federal state body) as part

of executive authorities will make it possible, on the one hand, to resolve the issue of the final formation of a single federal body that performs criminal investigation functions, and on the other hand, to determine the status of state service in the preliminary investigation bodies as a federal state service in the law enforcement sphere of executive authorities.

According to the analysis of the current state of the law enforcement system we identify the following main functional features of state bodies, the service in which can be defined as law enforcement activity:

- state and power-based nature of activity. In the case we are considering, we are talking about state bodies that have powers in the field of law enforcement. These are primarily state bodies that specialize in the implementation of law enforcement function, which is the main focus of their work;

- endowment with executive and administrative powers. In our opinion, among the state bodies that carry out law enforcement activities, a special place belongs to executive authorities. They form the bulk of law enforcement agencies of the state and perform the most significant amount of law enforcement functions. We should note that along with law enforcement bodies of executive authorities there are other bodies that perform state law enforcement functions: bodies of constitutional control, prosecutor's supervision, and justice [1, p. 30], which have a special legal (in some cases, constitutional and legal) status and in which, in our opinion, special types of state service should be provided for;

- special functional and target purpose. Law enforcement agencies, the state service in which is related to the service in the law enforcement sphere, have a special functional purpose. First of all, they perform functions in the field of fighting crime, protecting public order, and ensuring personal and public safety;

- application of special measures of legal influence based on the use of persuasion and coercion methods [11, p. 29; 13]. In fact, this feature is the most important one in revealing the content of law enforcement activities, and it allows us to distinguish law enforcement agencies in the general array of state bodies. In the scientific literature, such legal measures of persuasion and coercion include prevention of offenses, preclusion of offenses, procedural support of proceedings in cases over different offenses, bringing perpetrators to various types of legal responsibility for committed offenses, and restoration of a violated right. In our opinion, the most important feature, according to which a particular state body can be clas-

sified as a law enforcement body is its being equipped with armament and, accordingly, the empowerment of its employees to apply physical coercion measures to offenders, namely, physical force, special means and weapons;

– special legal status. All bodies with law enforcement functions have a special legal status. First of all, this is reflected in the normative consolidation of the competence to apply legal measures of persuasion and coercion in various areas of law enforcement activity, including administrative, administrative-jurisdictional, intelligence-gathering, criminal procedural, executive (criminal-executive and administrative-executive – executive activity in the field of execution of the decisions of courts and other bodies of administrative jurisdiction on the cases of administrative offenses). The specifics of the legal status of law enforcement agencies determine the administrative and legal status of civil servants, their rights, duties, and responsibilities.

The legal status of state bodies entrusted with law enforcement functions is enacted in the current administrative legislation. At the

same time, along with general acts that directly regulate the administrative and legal status of these bodies, their activities are also regulated by a wide range of legislative acts and bylaws in certain types of law enforcement activities, primarily in the areas of administrative, intelligence-gathering, criminal procedural and executive (criminal-executive, administrative-executive) activities.

Thus, the presence of these system-wide (functional-target) features in the work of state bodies is the basis for classifying them as law enforcement agencies and, accordingly, classifying the service in them as a corresponding type of state service in the law enforcement sphere, since such state service proceeds from the competence of law enforcement agencies.

Moreover, a practical solution to the question of classifying state service in a particular state body as law enforcement service can be found through legislative definition of the concept of law enforcement activity of the state, law enforcement functions of state authorities and the system of state authorities exercising law enforcement functions.

REFERENCES

1. Bratko A.G. *Pravookhranitel'naya sistema (voprosy teorii): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Law enforcement system (theoretical issues): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 1992. 41 p.
2. Veliev I.V. *Prokuratura v sisteme organov publichnoi vlasti: opyt sravnitel'nogo issledovaniya po materialam Azerbaidzhanskoi Respubliki, Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Kazakhstan: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [The prosecutor's office in the system of public authorities: the experience of a comparative study based on the materials of the Republic of Azerbaijan, the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2006. 34 p.
3. Gutsenko K.F., Kovalev M.A. *Pravookhranitel'nye organy* [Law enforcement agencies]. Moscow: Zertsalo-M, 2010. 496 p.
4. Dodonov V.N., Krutskikh V.E. *Prokuratura v Rossii i za rubezhom: sravnitel'noe issledovanie* [The prosecutor's office in Russia and abroad: a comparative study]. Moscow, 2001. 192 p.
5. Isaenko V.M. Organization of law enforcement. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 9 (58), pp. 162–166. (In Russ.).
6. Federal Law of December 28, 2010 No. 403-FZ "On the Investigative Committee of the Russian Federation". In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2011. No. 1. Art. 15. (In Russ.).
7. Oboturova N.S. The problem of human rights in the context of the ideas of humanism and transhumanism. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, pp. 155–161. (In Russ.).
8. Bozh'ev V.P., Gavrilov B.Ya. (Eds.). *Pravookhranitel'nye organy Rossii: uchebnik dlya vuzov* [Law enforcement agencies of Russia: textbook for universities]. Sixth edition, revised and supplemented. Moscow: Izdatel'stvo Yurait, 2019. 296 p.
9. Stelina J. Theoretical concepts of the law of civil servants. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 21–30. DOI 10.24147/2542-1514.2019.3(2).21-30. (In Russ.).
10. Tarasov A.M. Law enforcement activity: its concept and essence. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2002, no. 4, pp. 34–38. (In Russ.).
11. Chernikov V.V. *Sudebnye, pravookhranitel'nye i kontrol'nye organy Rossii* [Judicial, law enforcement and control agencies of Russia]. Moscow: Prospekt, 2002. 686 p.
12. Chislov A.I. *Professional'naya pravookhranitel'naya deyatel'nost' (teoretiko-pravovoe issledovanie): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Professional law enforcement (theoretical and legal research): Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Saint Petersburg, 2000. 48 p.
13. Bocharova N. Administrative justice: comparative and Russian context. *BRICS Law Journal*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 143–151. DOI 10.21684/2412-2343-2016-3-3-143-151.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4765-8550>, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

PSYCHOLOGY

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-581-588

UDC 159.9

Regulation Features in Individuals with Personality Disorders and Accentuated Personality Traits Who Committed Aggressive and Violent Crimes

ELENA S. SHEKHOVTSOVA

Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology under the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3379-3521>, e-mail: shiha.l@mail.ru

VERA G. BULYGINA

Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology under the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

Abstract. The paper investigates individual psychological features of self-regulation in people with personality disorders and accentuated personality traits. Our goal is to specify the data on regulation disorders taking into account the nature of committed offences so as to substantiate the validity of expert conclusions, promote individualization in punishment, and build models for secondary psychological prevention. We survey 134 men including 94 individuals with personality disorders, 20 individuals with accentuated personality traits and 20 individuals without mental disorders. We use a set of methodological tools to assess the extent of self-control deficiency); the set includes J. Kagan's Matching Familiar Figures Test, situation analysis, a new questionnaire for tolerance toward uncertainty, J. Stroop's Color and Word Test, behavioral self-regulation style. We carry out statistical processing of the data with the help of descriptive statistics method, frequency analysis, an independent samples t-test, the Mann-Whitney U-test, and the Kruskal-Wallis test to compare three independent samples. We have found out that regulation disorders in people with personality disorders who committed violent crimes are associated with the ability to predict the consequences adequately and find socially acceptable ways to resolve problem situations. We show that when an individual has to deal with information shortage, contradictory information, perceptual interference or increased emotional intensity of the situation the probability of disorders in their conscious regulation of behavior increases significantly. Accordingly, to address the tasks of penal science and practice, we consider it expedient to use the indicators identified in the course of our present research, because they can be not only predictors of behavioral dysregulation and aggressive responses, but also targets for psychological therapy.

Key words: self-regulation; personality disorders; accentuated personality traits; situation analysis; type of offence.

19.00.06 – Legal psychology (psychological sciences).

For citation: Shekhovtsova E.S., Bulygina V.G. Regulation features in individuals with personality disorders and accentuated personality traits who committed aggressive and violent crimes. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 581–588. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-581-588.

Assessing the extent of behavioral dysregulation in persons with borderline forms of mental disorders is a topical issue in legal psychol-

ogy and penitentiary science. This is due to the necessity to evaluate self-regulation disorders in the framework of forensic psychiatric exami-

nations and psychological assessments. Moreover, it is relevant in individualization of punishment and prevention of recidivism.

The importance of expert opinion on regulation disorders in persons who committed an offence is reflected in the Criminal Code of the Russian Federation. Thus, the extent of self-control deficiency can influence the exemption of an individual from criminal liability (Part 3 of Article 20 of the RF Criminal Code, Article 21 of the RF Criminal Code) or be taken into account by the court when imposing a sentence (Article 22 of the RF Criminal Code). We should point out that these articles from the RF Criminal Code contain strict criteria such as the observance of the medical factor (presence or absence of a mental disorder); and Part 3 of Article 20 of the RF Criminal Code contains, among other things, the age factor. Thus, if adult defendants have borderline forms of mental disorders, we say they have full or "limited" sanity; the possibility of applying Article 22 of the RF Criminal Code is discussed in relation to individuals with borderline forms of mental disorder such as personality disorders if such individuals have pronounced motivational, analytical, foreseeing, and volition disorders, infantilism, etc. [2; 4; 6].

When addressing applied tasks of penitentiary science, the combination of borderline forms of mental disorders and limited sanity assumes major importance, because this very category of offenders is in the focus of attention of criminal psychiatrists due to the possibility of imposing forced medical treatment on such offenders.

According to Federal Penitentiary Service (FSIN) statistics for the years 2015–2018, correctional facilities held about 20% of individuals with those mental disorders that do not preclude legal sanity. According to B.A. Spasennikov, 36% of prison inmates have antisocial personality disorder, 24% – emotionally unstable personality disorder, 10% – paranoid personality disorder [9]. The proportion of individuals with personality disorders is 15.8% among those who were ordered to undergo forensic psychiatric examination [5].

Despite the prevalence of this category of individuals in the penal system, the issues concerning comprehensive medical, psychological and social rehabilitation of convicts have not been given due attention so far.

According to FSIN data, in 2007–2019 the number of those convicted of more than a third offence increased by 5.4%. The task of defining psychological features that are predictors of committing violent crimes is relevant from the scientific and practical perspective due to the increase in the number of repeat offences and pro-

portion of violent crimes among individuals with personality disorders [2] and also due to the need for differentiated measures aimed to correct the behavior of convicts so as to prevent recidivism.

According to foreign researchers, there is a direct link between personality disorders and criminal behavior [12]. They also point out a high risk of committing aggressive and violent crimes by this category of individuals due to their specific personality orientation [11]. Russian psychiatrists and psychologists emphasize that personality disorder is a prerequisite for criminal behavior and pay special attention to motivation for a criminal act, the ratio between intact and broken links in the self-regulation chain, emotional, volition and motivational disorders. They highlight the spontaneity in developing an intention to commit a crime in a concrete situation [3; 7], the extent of influence of contextual factors on criminal aggression [8].

Thus, specific features of self-regulation system and situational analysis are major psychological variables that reflect the specifics of activity and the ability to regulate one's behavior consciously. Moreover, these variables can serve as targets for the work to prevent recidivism.

If a defendant possesses accentuated personality traits, then the question about their ability to understand the nature and public danger of their actions and control them has a definite answer, because accentuation of personality traits is not included in the list of mental diseases, i.e. the medical criterion of legally significant concepts is not met. However, personality accentuation is consistent with the concept of "locus minoris resistentiae" ("place of least resistance"), there exists a connection with an increased risk of maladjustment in certain situations due to sensitivity to some stress factors and simultaneous resistance to others.

Accentuation is an extreme variant of the norm, but it is not a criminogenic factor; nevertheless, it bears a risk of social maladjustment. Thus, accentuation has a significant impact on the socio-psychological adaptation of an individual, particularities of interpersonal relationships, ability to resolve conflict situations, behavior in frustration situations, risk of aggression and decrease in control over one's behavior. There are no fewer than 42% of individuals with various types of accentuated personality traits among convicts [10], the majority of them show pronounced hyperthymic and emotive traits [1; 10]. In the sample of individuals with criminal history most of those with accentuated personality traits were convicted of murder (56.8%) and voluntary infliction of grievous bodily harm that entailed death (53%).

Thus, current state of the problem actualizes the need for substantiation of the data on regulation disorders taking into account the nature of committed offences so as to enhance the validity of expert conclusions, promote individualization in punishment, and build models for secondary psychological prevention.

The survey covered 134 men convicted of unlawful acts, including 94 individuals with personality disorders (PD), 20 individuals without mental disorders (MD) and 20 individuals with accentuated personality traits (APT). A control group

was comprised of 20 surveyed individuals who were found mentally sane (MS). The expert commissions at Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology under the RF Ministry of Health found MS individuals and those with APT able to recognize actual nature and public danger of their actions and be in control of them. Regulation disorders that impede the ability to recognize and control one's actions were found in 21.3% of the surveyed. Table 1 shows the distribution of the surveyed according to the nature of offences they committed.

Table 1 – Distribution of the surveyed according to their nosologic classification, extent of behavioral dysregulation and the nature of delicts

Diagnosis	Decision of the expert commission	Nature of the delict	
		Aggressive and violent	Non-aggressive
PD	Sanity	48.1%	30.6%
	Limited sanity	11.5%	9.8%
	Total	59.6%	40.4%
APT	Sanity	55.0%	45.0%
MS	Sanity	65.0%	35.0%

The group of individuals who committed aggressive and violent crimes includes the surveyed who committed offences provided for in the following articles of the RF Criminal Code: Article 105 (murder), Article 111 (intentional infliction of grievous bodily harm), Article 119 (threat of murder or infliction of grievous bodily harm), Article 206 (hostage-taking). This group also includes acquisitive offences relating to the use of or the threat to use violence, namely, robbery (Article 161), assault with intent to rob (Article 162).

The group of persons who committed non-violent offenses includes the surveyed individuals who committed offences provided for in the following articles of the RF Criminal Code: Article 158 (theft), Article 159 (fraud), Article 228 (illegal acquisition, production, storage, and sale of narcotic substances), Article 128.1 (slander), Article 272 (illegal access to computer information), Article 222 (illegal acquisition, transfer, sale, storage, transportation or bearing of firearms, its basic parts, ammunition), Article 322 (illegal crossing of the state border of the Russian Federation).

To achieve our goal, namely, to allocate variables that are important for determining the ability to control one's actions, we developed the following methodological complex.

We used J. Kagan's Matching Familiar Figures Test (Kagan J., 1966) to assess reflexivity/impulsivity in a situation of intellectual control. The test helps determine the extent of analysis of the situation and the time needed to make a decision, which is an important indicator in case a criminal situation emerges.

Besides, we used a semi-projective technique called "Situation analysis" (V.G. Bulygina, E.S. Shekhovtsova, A.A. Dubinskii, 2018). It is designed to assess analytical and forecasting opportunities depending on the situational environment (excess/lack of informational and emotional components for the analysis, level of uncertainty, degree of inconsistency of information); this can be the basis for allocating situations the regulation of which can be potentially dangerous.

"A new questionnaire for tolerance toward uncertainty" (T.V. Kornilova, 2009) was used to assess the ability to function in conditions of insufficient information. The questionnaire reveals the intensity of manifestation of tolerance/intolerance toward uncertainty, in interpersonal relationships as well.

We used J. Stroop's Color and Word Test (J.R. Stroop) to assess the ability to adjust one's behavior under the influence of interfering factors. The technique was used to assess general rigidity/flexibility of cognitive control; this trait performs a major role in the activity of an individual and influences their regulation abilities.

We determined the structure of self-regulation and the degree of awareness of its links with the use of a questionnaire "Behavioral self-regulation style" (V.I. Morosyanova, 1998). We assessed components such as planning, modeling, programming, assessment of results, flexibility, independence.

Statistical processing of the data was carried out with the use of descriptive statistics method and frequency analysis, an independent samples t-

test, the Mann – Whitney U-test, and the Kruskal – Wallis test to compare three independent samples.

At the first stage of our research we conducted comparative analysis of regulation features in the groups of individuals with personality disorders and accentuated personality traits, who had committed violent offences (fig. 1).

We found out that persons with PDs and APTs who had committed violent offences are less tolerant toward uncertainty (TU), while intolerance toward uncertainty (ITU), in interpersonal association as well, is more pronounced in persons with PDs ($p < 0.05$). Thus, we can conclude that people with PDs in situations of increased uncertainty tend to use their routine behavior strategies, and their behavior in interpersonal relationships is characterized by instability and desire for control.

In cognitively complex conditions, all the examined individuals who committed aggressive and violent offenses show an insufficient degree of analysis of the situation; this leads to a predominance of erroneous responses ($p < 0.001$). At the same time, we note that individuals with PDs and APTs spend significantly less time analyzing the situation, which may indicate the predominance of impulsive behavior in a cognitively complex environment.

Cognitive control in individuals with PDs and APTs who committed aggressive and violent

offenses is characterized by pronounced rigidity ($p < 0.05$), i.e. such individuals show a low degree of automation of verbal and sensory-perceptual functions, and, consequently, experience difficulties in switching between them. Accordingly, in contrast to other nosological groups of persons who committed aggressive and violent offenses, individuals with PDs and APTs have difficulties in adjusting their behavior, creating new behavioral strategies in a situation that objectively requires their revision.

Individuals with personality disorders are characterized by insufficient development of the regulatory system in general ($p < 0.001$), as well as its components such as planning ($p < 0.001$), modeling ($p < 0.001$), programming ($p < 0.001$) and evaluation of results ($p < 0.001$). Accordingly, we can say that individuals with PDs have a high risk of regulation disorders associated with insufficiency in goal setting, low feasibility of the plans they make, difficulties in thinking through the sequence of actions, inadequate assessment of significant internal conditions and external circumstances, their actions and results. Regulating and managing their behavior in individuals with APTs is developed sufficiently, i. e. they are able to think through the ways of their actions and behavior to achieve their goals.

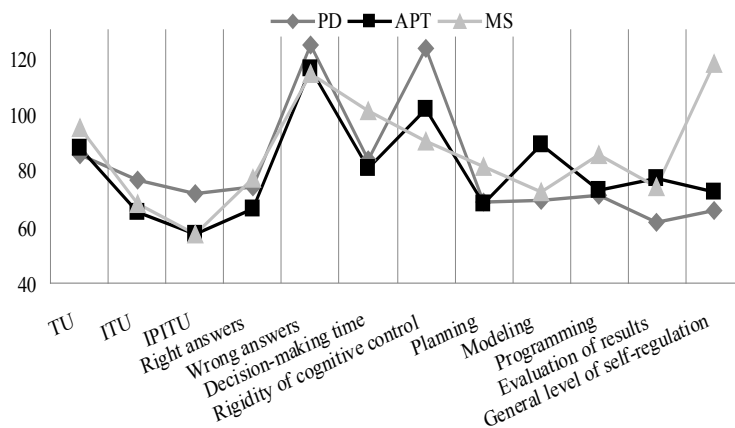

Figure 1 – Self-regulation indicators in the groups of surveyed individuals with PDs, APTs, and MS individuals who committed aggressive and violent offenses

The following features of situational analysis are specific for individuals with PDs and APTs who have committed aggressive and violent offenses. In a situation of information shortage, individuals with PDs show poorly developed analytical ability, which is expressed in an insufficiently comprehensive and detailed perception of the situation. In the presence of perceptual interference and in the case of contradictory information, situational analysis in individuals with personality disorders is characterized by a low level of adequacy of interpretation of the situa-

tion; moreover, in these conditions and with an increased emotional intensity of the situation, such individuals show an insufficiently developed ability to recognize the emotional states of other people (tab. 2).

In conditions of information deficit, individuals with APTs show more developed analytical and forecasting abilities (compared to the group of individuals with PDs; however, their forecasting ability is developed insufficiently in comparison with both the group of individuals with PDs and the group of MS individuals (tab. 2)

Table 2 – Significant differences in the variables of the situational analysis of examined individuals with PDs, APTs and mentally sane (MS) individuals who committed violent offenses (information shortage)

Variable	PD	APT	MS	P
	Average rank			
Completeness of description of the situation	31.15	41.96	49.96	0.004
Extent of detailed elaboration in the description of the situation	30.90	42.38	50.42	0.002
Number of alternatives for further development of the situation	33.15	31.50	34.27	0.010
Presence of perceptual interference				
Adequacy of interpretation of the situation	33.39	42.00	42.00	0.027
Recognizing the emotions of participants in the situation	33.20	36.04	48.65	0.035
Controversial situation				
Adequacy of interpretation of the situation	33.69	41.50	41.50	0.040
Recognizing the emotions of participants in the situation	32.01	42.12	46.77	0.024
Emotional intensity				
Recognizing the emotions of participants in the situation	32.07	41.04	47.65	0.020

If information in the situation is sufficient, then individuals with PDs show an insufficiently developed ability to recognize the emotional component of a situation, in contradictory situ-

ations as well. Individuals with APTs show an insufficient level of development of forecasting ability, in the presence of perceptual interference as well (tab. 3).

Table 3 – Significant differences in the variables of the situational analysis for surveyed individuals with PDs, APTs and mentally sane (MS) individuals who committed violent offenses (information sufficiency)

Variable	PD	APT	MS	P
	Average rank			
Recognizing the emotions of participants	32.39	41.50	46.04	0.042
Presence of perceptual interference				
Number of alternatives for further development of the situation	36.39	27.69	45.69	0.036
Controversial situation				
Number of alternatives for further development of the situation	34.11	33.65	47.81	0.017
Recognizing the emotions of participants in the situation	31.72	42.65	47.27	0.015

At the next stage, we performed a comparative analysis (Student’s t-test) of regulation features for each group of individuals with PDs and APTs. Comparison groups included surveyed individuals of the same nosological group who committed non-aggressive offenses. The main task of this stage was to identify specific regulation features within a single nosological group.

Thus, we found that individuals with PDs have a less developed propensity to plan their ac-

tivity ($p < 0.05$) and change their behavior in a changing environment ($p < 0.05$) (fig. 2). Thus, we can say that persons with PDs who have committed aggressive and violent offenses have a tendency to set goals judging by the situation; moreover, they are unable to respond adequately to the situation and regulate their behavior in a dynamic and rapidly changing environment.

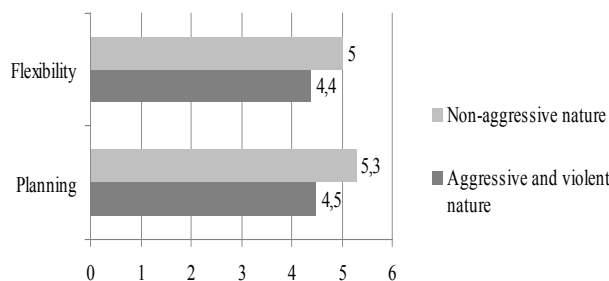

Figure 2 – Graph of average values of self-regulation indicators in groups of surveyed individuals with PDs, depending on the nature of offence

In a situation of information shortage, forecasting abilities in individuals with PDs who committed aggressive and violent offences are more pronounced, which is ex-

pressed in the presence of a variety of adequate alternatives ($p < 0.01$) when making a forecast of how the situation will develop (fig. 3).

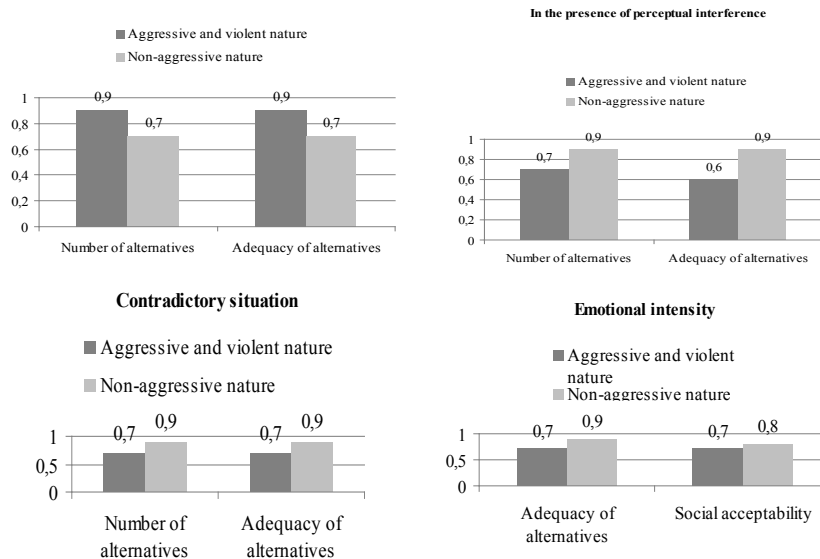

Figure 3 – Graphs of average values of situational analysis indicators in conditions of information shortage for individuals with PDs, depending on the nature of offense

At the same time, when the situation becomes more complex in terms of information or emotions, individuals with PDs in this group are less likely to predict the consequences correctly ($p < 0.001$). Also, in an emotionally intense situation, persons who committed aggressive and violent offenses put forward alternatives that lack social orientation ($p < 0.05$).

Thus, in individuals with PDs who committed aggressive and violent offenses, the risks of behavioral dysregulation associated with the ability to predict the consequences of the situation adequately and offer socially acceptable alternatives to resolve the problem situation under information shortage increase when the en-

vironment becomes more complex, when the situation contains contradictory information, perceptual interference, or if the emotional intensity of the situation is excessive.

In conditions of information sufficiency, individuals with PDs who committed aggressive and violent crimes put forward alternatives that are less acceptable from the social perspective ($p < 0.05$), this happens in the presence of perceptual interference ($p < 0.01$) and in an emotionally intense situation as well ($p < 0.05$). Also, in cognitively complex and emotionally intense situations, such individuals fail to produce sufficiently adequate alternatives ($p < 0.05$) (fig. 4).

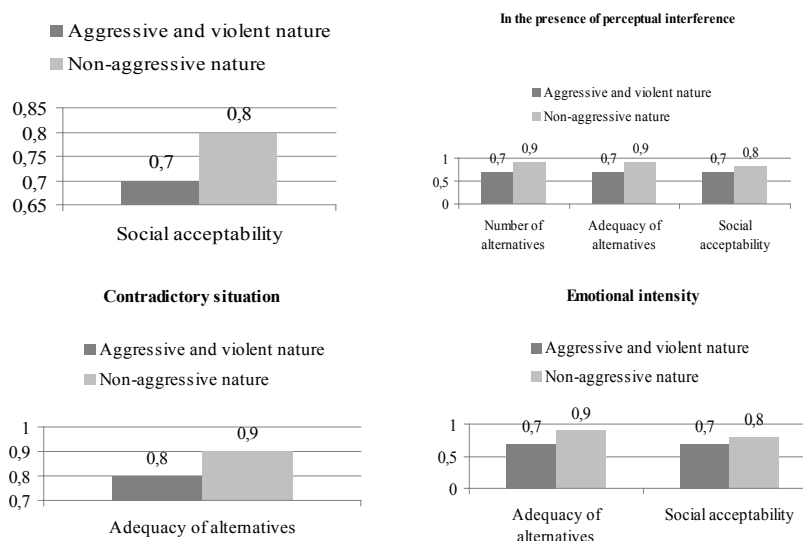

Figure 4 – Graphs of average values of situational analysis indicators in conditions of information sufficiency for individuals with PDs, depending on the nature of offense

Thus, in a situation in which the amount of information is sufficient, regulatory disorders in individuals with PDs who have committed aggressive and violent offenses are manifested in difficulties in making an adequate forecast of the situation, assessing the consequences of choosing a particular behavior strategy, and taking into account social norms when making a decision.

We found that individuals with APTs significantly differ only in the situational analysis parameter. Thus, when information is insufficient in the context of contradictory information or emotional intensity, individuals convicted of aggressive and violent offenses are less likely to analyze the emotional component of the situation ($p < 0.05$) (fig. 5).

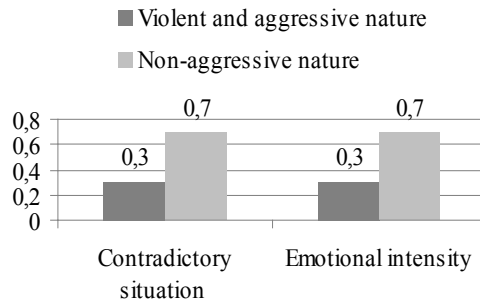

Figure 5 – Graph of average values of the ability to take into account the emotional context of the situation in conditions of information deficit in individuals with APTs, depending on the nature of offense

Under information redundancy, individuals with PDs accused of committing aggressive and violent offenses also experience difficulties forecasting the situation adequately ($p < 0.05$); they produce a small number of socially

acceptable alternatives ($p < 0.05$), including under information ($p < 0.05$) or emotional intensity ($p < 0.05$). At the same time, they put forward a greater number of aggressive alternatives ($p < 0.01$) (fig. 6).

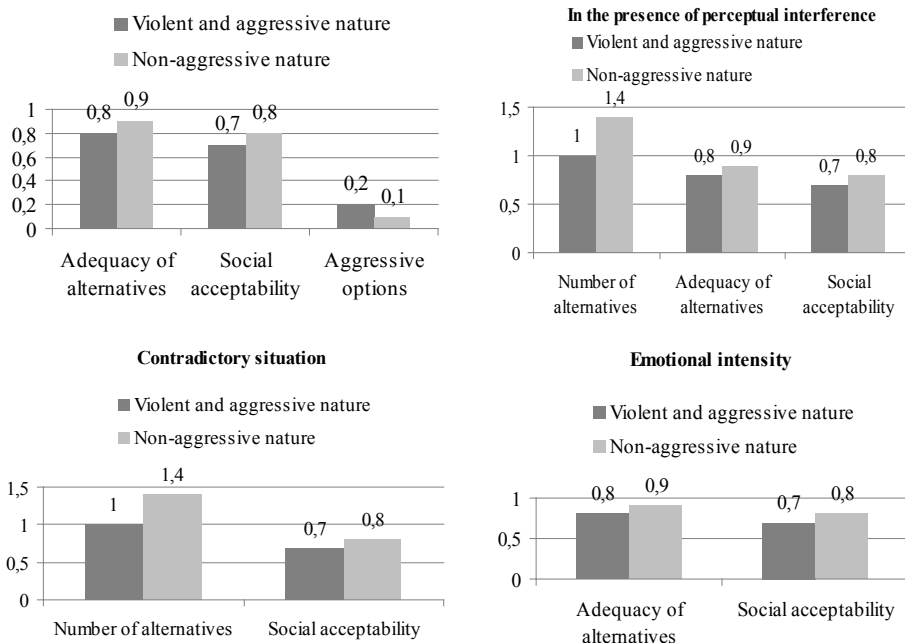

Figure 6 – Graphs of average values of indicators of situational analysis in conditions of information redundancy in individuals with PDs, depending on the nature of offense

Thus, in conditions of information redundancy, individuals with PDs who have committed aggressive and violent offences, not only have difficulties in providing an adequate forecast of future development of the situation; they also

have higher risks of responding in aggressive forms with a low rate of social orientation of their forecast.

The research we conducted with the help of modeling decision-making situations has al-

lowed us to identify features specific to individuals with personality disorders who committed aggressive and violent offenses. We have found that behavioral dysregulation is associated with the ability to predict the consequences adequately and offer socially acceptable alternatives to resolve a problem situation. In situations of information deficit, contradictory information, in the presence of perceptual interference or increased emotional intensity of the situa-

tion, the probability of violation of conscious regulation of behavior increases significantly.

Thus, we consider it relevant to draw on the indicators revealed in the framework of the present research, since they can be of use in addressing certain tasks of penitentiary science and practice. The indicators can be predictors of behavioral dysregulation and aggressive response and also serve as targets for psychological treatment.

REFERENCES

1. Alekseeva T.V. Characterological features of the personality of convicts. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii = Bulletin of Online Medical Conferences*, 2014, vol. 4, no. 3, p. 136. (In Russ.).
2. Gorinov V.V. Personality disorders: modern classifications, diagnostics and features of expert assessment. In: Vandyshev V.V. (Ed.) *Sudebnaya psikiatriya. Aktual'nye problemy* [Forensic psychiatry. Topical issues]. Moscow: FGBU "NMITs PN im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii, 2018. Issue 15. Pp. 50–63. (In Russ.).
3. Kudryavtsev I.A., Lapshina E.N. Psychological mechanisms and effects of character pathology influence on self-regulation of socially dangerous actions. *Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2008, no. 3, pp. 29–35. (In Russ.).
4. Lapshina E.N. *Osobennosti samoregulyatsii lits, priznannykh ogranichenno vmenyaemyi: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Features of self-regulation of individuals found partially sane: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Moscow: FGU "GNTsSSP im. V.P. Serbskogo", 2006. 265 p.
5. Makushkin E.V., Mokhon'ko A.R., Mugantseva L.A. Forensic psychiatric expert service of the Russian Federation in 2018 (based on the materials of the industry statistical reporting of the Ministry of Health of Russia). *Psikhicheskoe zdorov'e = Mental Health*, 2019, no. 7, pp. 3–15. (In Russ.).
6. Savina O.F., Makushkin E.V., Morozova M.V. The algorithm of forensic expert study of the dysregulation of activity in criminal situation in persons with mental disorders. *Rossiiskii psikiatricheskii zhurnal = Russian Journal of Psychiatry*, 2018, no. 1, pp. 31–42. (In Russ.).
7. Safuanov F.S. *Psikhologiya kriminal'noi agressii* [Psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.
8. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Tsar'kov A.E. Clinical and psychological drivers of criminal aggression. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017, vol. 7, no. 4, pp. 44–58. doi10.17759/psylaw.2017070405. (In Russ.).
9. Spasennikov B.A. Clinical criminologic analysis of personality disorders of the convicted. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2014, no. 2, pp. 33–40. (In Russ.).
10. Steshich E.S. Character accentuations and criminal behavior (according to the study of prisoners convicted of intentional killing or reckless killing). *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2018, no. 1 (72), pp. 29–35. (In Russ.).
11. Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy: assessment and forensic implications. *Canadian Journal of Psychiatry*, 2009, vol. 54, pp. 791–802.
12. Skeem J.L., Cooke D.J. Is criminal behavior a central component of psychopathy? Conceptual directions for resolving the debate. *Psychological Assessment*, 2010, vol. 22 (2), pp. 433–445.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ELENA S. SHEKHOVTSOVA – Researcher at the Department of Psychogenic Diseases and Personality Disorders, Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology under the Ministry of Health of the Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3379-3521>, e-mail: shiha.l@mail.ru

VERA G. BULYGINA – Doctor of Sciences (Psychology), Head of the Laboratory for Mental Hygiene and Psychophylaxis, Serbsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology under the Ministry of Health of the Russian Federation; Professor at the Department of Clinical and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1251>, e-mail: ver210@yandex.ru

PEDAGOGY

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-589-591

UDC 378

Motivational and Value-Based Orientation of Pre-Conscription Youth toward Military Service

LYUDMILA V. KOVTUNENKO

Scientific Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkolv@mail.ru

EGOR V. PARAMONOV

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center "Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy", Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7819-0321>, e-mail: egor_paramampam@mail.ru

Abstract. Due to the collapse of the Soviet system of military professional orientation it has become necessary to review the work with pre-conscription youth oriented toward military service; the work, includes, among other things, expanding a network of cadet educational organizations. The main goals in forming the military-professional orientation of pre-conscription youth are achieved by providing resources for the educational process, service and extracurricular activities. Motivational and value-based attitude toward military service is developed throughout the entire educational period; this contributes to the formation of cadets' readiness to become career military officers and choose military service as a priority type of professional activity. Having analyzed psychological and pedagogical literature, we came to the conclusion that the system of military orientation of pre-conscription youth currently implemented in cadet corps, will contribute to the effective development of young people's orientation toward military service.

Key words: military service; motivational and value-based orientation; pre-conscription youth; cadets; cadet corps.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences).

For citation: Kovtunenka L.V., Paramonov E.V. Motivational and value-based orientation of pre-conscription youth toward military service. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 589–591. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-589-591.

The orientation toward military service among young people of pre-conscription age is formed and developed while they are preparing for military service. The main components of the formation and development of young people's orientation toward military service are as follows: motivation, high moral qualities of an individual, goals, interests, attitudes toward military service, and good physical fitness.

Today, the attitude toward military service prevailing in society in the late 1990s and early

2000s has changed dramatically. Russia's recovery from the crisis, the Russian Armed Forces reform, the rise of patriotism in society – all this indicates a recovery in the citizens' consciousness and, as a result, a change in their attitude toward the army and military service.

If earlier it was material benefit that dominated young people's motivation for enrolling in military universities, then today the social activity of youth is based on a conscious choice of military profession, the choice determined by

patriotic ideas, civic stand and the desire to belong to the part of society that our country has been proud of throughout its entire history.

Following the ideas of A.F. Ioanidi we understand the orientation of pre-conscription youth toward military service as “a complex, integrative personal formation, the predominant components of which are motives, interests, value orientations, ideals and beliefs, manifested in a positive attitude and an active desire to fulfill one’s civil and military duty” [1, p. 54].

The formation and development of the military-professional orientation of an individual is reflected in the works of I.A. Alyokhin, A.V. Barabanshchikov, V.P. Davydov, M.I. Dyachenko, L.A. Kandybovich, V.M. Korovin, N.F. Fedenko, and others. The topics of relevant modern research are as follows: development of military-professional orientation of youth at the stage of choosing a military profession (I.B. Nagaev, P.A. Prozorov, 2007), development of team-based communication in the training group of cadets in the process of professional development of the future officer (A.A. Vorob’ev, 2009), development of military-professional orientation of cadets at a military university (A.F. Ioanidi, 2013), orientation toward military-professional activity (V.A. Gubin, A.L. Zagoryuev, 2013), motivational and value-based orientation of students toward professional activity (I.V. Klimenko, 2013), spiritual and moral education of cadets of military institutes according to the Russian army traditions (V.A. Sidorchuk, 2008), pedagogical system of youth training for military service (Yu.V. Trubin, 2015), formation of an active stand as a defender of the fatherland in cadets of military universities (V.S. Makarenko, 2018), etc.

However, dynamically changing social relations bring to the fore the research on the formation and development of motivational and value-based orientation of pre-conscription youth toward military service.

Considering professional orientation as one of the significant factors in the formation and development of professionally important qualities of the future defender of the Motherland, we believe that it contributes to the comprehensive development of the citizen’s personality.

The measures taken at the state level and aimed at popularization of military service seek to promote the military-professional orientation of pre-conscription youth, but they are non-recurrent, often unsystematic, and require that the quality of the work carried out be improved considerably.

In practice, the development of children and young people’s orientation toward military

service should begin in school, then in cadet schools and Suvorov general education organizations, and then with cadets and students of military organizations of higher education.

Let us consider the formation of a military-professional orientation on the example of cadet corps.

Cadet corps historically occupied a top priority place in the training of future officers. Cadet corps represented the primary level in the special military training of future officers and at the same time provided them with top-notch civilian education, allowing them to continue education in the most prestigious universities.

Cadet education is state education that includes components of the basics of military and civil service; it is provided to Russian citizens in the order of development of general secondary education of the state military or civil service, during training and education in cadet educational institutions from childhood [3].

Along with the formation and development of “citizenship, patriotism, devotion to duty, and other spiritual, moral and socially significant values in cadets, an important task was to instill in them the qualities, knowledge, skills and abilities required for military service” [2, p. 79].

Intellectual, cultural, moral, and physical education and development of students in cadet schools were viewed as priority areas of teachers’ work there. Currently, educational process, service and extracurricular activities represent the main potential of the military-professional orientation of cadets. “The resource of educational activities is found in the content of academic disciplines, subject matter of research and educational work, organizational forms, methods and means of work, which are selected so as to address the issues related to military-professional orientation of cadets” [1, p. 24].

The formation of professional competence in the framework of cadet education raises interest in military service and increases the desire to expand knowledge and skills related to military service. Service activities related to studying in a cadet school and the basics of military service that cadets learn (daily duty, unity of command, strict subordination, order of conduct, etc.) contribute to the conscious formation of their motivation and strengthen their plans to serve in the military.

Scientific work expands the boundaries of educational programs and, depending on the interests and preferences of cadets, helps them extend their knowledge of military history and master various areas related to professional military activities. Participation of cadets

in academic competitions and skills contests, business games, seminars and conferences on military topics, their involvement in scientific activities – all this develops their thinking and helps them form their own sphere of professionally oriented research interests [4, p. 1052].

Traditionally, the priority areas in the education of cadets included civic consciousness, patriotism, loyalty to military duty, high responsibility, and discipline. Today, these major spiritual, moral, and social values are being nurtured and developed in cadets.

An important role in the formation and development of motivational and value orientation toward military service belongs to patriotic educational events such as “The glory of those days will last forever”, “The day to commemorate the heroes of the Fatherland”, “Memory watch”, “We

will be worthy of the memory of our heroes”, “Forever in the ranks”, “Contemporary heroes”, etc.

The orientation of cadets toward military service is largely determined by the social environment, professional community, psychological and pedagogical conditions of the cadet corps environment, and the organization of all subjects of the educational process in the context of military-professional orientation. But the success of the development of orientation toward military service depends on the subjectivity of the cadets themselves, their value orientations, life plans, goals, and needs.

A high level of moral values in the future will guarantee not only the successful acquisition of professional competencies, the desire for improvement of one’s professional skills, but also conscientious serving in the military.

REFERENCES

1. Ioanidi A.F. et al. *Razvitie voenno-professional'noi napravlenosti kursantov voennogo vuza: monografiya* [Development of military-professional orientation of military university cadets: monograph]. Omsk: *Omskoe knizhnoe izdatel'stvo*, 2013. 215 p.
2. Kovtunen L.V., Paramonov E.V. Military-professional training of pre-conscript youth in cadet educational organizations. *Perspektivy nauki = Prospects of Science*, 2019, no. 5 (116), pp. 178–181. (In Russ.).
3. *Ob utverzhdenii Poryadka organizatsii i osushchestvleniya obrazovatel'noi deyatel'nosti v federal'nykh gosudarstvennykh obshcheobrazovatel'nykh organizatsiyakh so spetsial'nymi naimenovaniyami “prezidentskoe kadetskoe uchilishche”, “suvorovskoe voennoe uchilishche”, “nakhimovskoe voenno-morskoe uchilishche”, “kadetskii (morskoi kadetskii) voennyi korpus” i v professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh so spetsial'nym naimenovaniem “voenno-muzykal'noe uchilishche”, nakhodyashchikhsya v vedenii Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii, i priema v ukazannye obrazovatel'nye organizatsii: prikaz Ministra oborony Rossiiskoi Federatsii ot 21 iyulya 2014 g. № 515* [On approving the procedure for organizing and implementing educational activities in federal state educational organizations with special names “presidential cadet school”, “Suvorov military school”, “Nakhimov naval school”, “cadet (sea cadet) military corps” and in professional educational organizations with the special name “military music school”, which are under the jurisdiction of the Ministry of Defense of the Russian Federation, and admission to the specified educational organizations: Order 515 of the Minister of Defense of the Russian Federation dated July 21, 2014]. Available at: <http://rg.ru/2014/10/01/minoborony-dok.html> (accessed March 31, 2020).
4. Sergeeva M.G., Vilkova A.V., Litvishkov V.M., Kovtunen L.V., Lukashenko D.V., Klimova E.M. Technology and innovation in the development of cognitive activity. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 2019, vol. 8, no. 12, pp. 1050–1055.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

LYUDMILA V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, senior researcher at the Scientific Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-4536>, e-mail: kovtunenkov@mail.ru

EGOR V. PARAMONOV – instructor-engineer for field training, Russian Air Force Military Educational and Scientific Center “Zhukovsky – Gagarin Air Force Academy”, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7819-0321>, e-mail: egor_paramampam@mail.ru

A Program for the Development of Moral and Psychological Stability in Security Division Officers of Correctional Institutions

TAT'YANA V. VIKTOROVA

Interdistrict Office of the Federal Tax Service of Russia No. 3 in the Komi Republic, Ukhta, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-7693>, e-mail: viktoria_psi@mail.ru

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

Abstract. Addressing the issue concerning the development of moral and psychological stability in employees of security division of the Federal Penitentiary Service of Russia is of major importance to the functioning of correctional institutions. We regard the development of moral and psychological stability as a process of consistent development of personal traits, including self-evaluation of professional and psychological readiness to act in emergency situations, a sense of confidence in the legality of the use of fire arms, the knowledge and skills required to respond adequately and adjust one's emotional state when performing one's duty; all these traits should help officers deal successfully with negative factors arising in the course of their service and use firearms lawfully. The topic of the paper is relevant, since there has been an increase in the number of violations related to officers' non-compliance with the law. We have revealed that the level of moral and psychological stability in the majority of security division representatives (52.6%) is low: their sphere of emotional and volitional qualities is not developed; they do not have enough moral requirements and assessments, etc. In this regard, we have worked out a comprehensive target program, the goal of which is to form moral and psychological stability in security officers of correctional facilities in situations requiring the use of firearms. The program was implemented on the basis of correctional institutions in the Komi Republic Department of the Federal Penitentiary Service of Russia. The program is based on the principles of activity, research orientation and objectification (awareness) of officers' behavior and includes 56 academic hours (lectures, group classes). In the course of its implementation, various psychological and pedagogical techniques were used to encourage high-quality performance of professional duties. The positive outcome of the program is observed in the fact that officers who use firearms in their work become fully equipped with relevant knowledge, skills and abilities. The skills they acquire are the basis for maintaining personal emotional balance and developing necessary professional qualities.

Key words: corrections officers; activity of a security division; moral and psychological stability; formation of emotional stability; training techniques; program for the formation of moral and psychological qualities in an individual.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Viktorova T.V., Zautorova E.V. A program for the development of moral and psychological stability in security division officers of correctional institutions. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4, pp. 592–595. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-4-592-595.

Addressing the issue concerning the development of moral and psychological stability in officers of security divisions of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN Russia) is important for the effective functioning of correctional institutions and ensuring officers' readiness to act lawfully and without hesitation

when preventing escapes and other illegal acts of convicts, including officers' readiness to use deadly force [7; 8; 11].

The formation of moral and psychological stability in officers authorized to carry firearms is the process of purposeful development of personal characteristics, including self-evalu-

ation of professional and psychological readiness to act in emergency situations, a sense of confidence in the legality of the use of weapons, a sense of confidence in the legality of the use of firearms, the knowledge and skills required to respond adequately and adjust one's emotional state when performing one's duty; all these traits should help officers manage negative factors arising in the course of their service and use firearms lawfully [3; 4; 6; 9].

According to the Prosecutor General's office of the Russian Federation, in 2016–2018, 260 violations were detected related to non-compliance with the requirements of the law regarding both the grounds and the procedure for using physical force and special means. The investigative authorities initiated 144 criminal cases against penal officers. In 112 cases, the actions of officers were classified as abuse of authority. In 2016, 25 criminal cases of this category were initiated, in 2017 – 23, and in 2018 their number increased almost three-fold – up to 64 cases. Sixty-seven officers were prosecuted, while 38 persons were convicted, the majority of them were convicted in 2018 [5].

These statistics data bring to the fore an issue regarding the development of moral and psychological stability of officers authorized to carry firearms. In the course of the study, it was proposed to list the five most important qualities of a security division officer. The answers were distributed in descending order as follows: emotional stability, self-discipline, confidence, ability to remain calm in difficult work situations, remain true to duty and honor, high morale. The data obtained confirm that moral and psychological qualities are important for security division officers of correctional facilities.

At the same time, it was revealed that most of the officers (52.6%) have a low level of moral and psychological stability (the study was conducted on the basis of penal colony IK-19, penal colony IK-29, pre-trial detention center SIZO-2 of the Komi Republic Department of FSIN Russia. Seventy-nine security division officers participated in the pedagogical experiment). Thus, the study revealed that respondents have a poorly developed sphere of emotional and volitional qualities: the presence of moral assessments is not pronounced in them, as well as requirements that are aimed at internal stability and independence from an external environment; the readiness of security division officers to make decisions in a situation of subjective uncertainty is absent as well. The ability to transform the situation and the ability to predict the consequences of choice in the implementation of independent decisions are observed sporadically.

In this regard, a comprehensive and targeted program was designed. It is aimed at developing the moral and psychological stability in officers who serve in the security division of a correctional facility and who are authorized to carry firearms. The program was tested in several correctional institutions of the Komi Republic Department of FSIN Russia (IK-19, IK-29, SIZO-2).

The main objectives of the program are as follows:

1. Create a psychological and pedagogical environment enabling self-actualization of internal resources and improvement of relevant personal and professional qualities in officers.

2. Form the moral and psychological readiness of security division officers to act lawfully and without hesitation when preventing escapes and other illegal acts committed by convicts, including officers' readiness to use deadly force.

3. Increase officers' moral and psychological stability through psychological and pedagogical correction of emotional-volitional, operational-reflexive and cognitive-activity components.

4. Provide psychological and pedagogical support to officers, expand their social and psychological experience.

The program is based on the following principles:

- activity (intensity of attention, memory and will of students in order to understand and digest the knowledge). The officer is the subject of training [1] (activity increased gradually during the participation of security division representatives in cognitive activities);

- research orientation (in the course of training, officers discover new knowledge and unlock their personal potential, abilities and features);

- objectification (awareness) of one's behavior (participants shifted from impulsive to objectified behavior patterns with the help of feedback) [10].

The program is designed for 56 hours: 19 hours are lectures, the rest are group classes (9 hours are seminars and 28 – practical classes). Lectures are aimed at acquiring theoretical knowledge about the moral and psychological stability of an individual, techniques to regulate psycho emotional states, resources and reserves of the mental organization of an individual, techniques to reduce the level of anxiety and develop optimal mental states, types of rational attitudes toward the perception of life events, methods for developing the external locus of control, motivation for success, under-

standing the importance of knowledge of laws, regulations and regulatory documents.

Group classes, in particular practical ones, are focused on the development of such skills and abilities of security division officers as flexibility and concentration in complex situations arising in the course of their service; development of strong-willed and emotional resistance toward continuous pressure; stress resistance to negative work factors; confidence in decision-making in the aspect of using firearms and the legal grounds for their use; attention control in situations of long-term observation; application of methods of operational self-regulation. Seminar sessions were aimed at analyzing situations of moral choice in various situations, one's own psycho emotional states and choosing the right ways to cope with them; making independent decisions and assuming personal responsibility for the outcome; forming a positive attitude toward the service with an awareness of the importance of professional tasks that are directly related to the use of firearms.

The course "Theoretical foundations of moral and psychological stability" includes discussions of professional choice and risks in the profession of a security division officer (topics "Professional choice in one's life. Risks in the profession of a security division officer", "Essence of the notion 'moral stability' and its place in the holistic structure of the personality", "Foundations of legal literacy of security division officers" "Moral and psychological support for guard duty. Maintaining the moral and psychological stability of security division officers under special conditions of service: when preventing an escape, during mass riots", etc.).

The course "Practical bases of moral and psychological stability" includes three units:

- the unit that forms cognitive skills (topics "Normative documents, laws and instructions on the use of firearms in a correctional facility", "Legal bases of security", etc.);

- the unit that forms volitional and emotional qualities (topics "How to act in a difficult situation", "Showing determination when performing official duty", "Risk and you", "Stress – what is it?", "Professional observation", "Ready to use weapons to shoot to kill", etc.);

- the unit that forms important professional qualities of a security division officer. It involves discussing issues regarding the stability of the set of one's own views and attitudes, moral requirements and assessments that make an officer relatively independent of external circumstances; understanding one's ability to effectively solve official tasks in various, including special, conditions of service (topics "Respon-

sibility and duty", "Self-assessment of personal qualities", etc.).

Group classes have the following structure: 1) introduction to the topic (warm-up exercises aimed at creating an atmosphere of trust, emotional relaxation and cohesion in the educational team); 2) main part (implementation of the program content); 3) final part (discussion of the results of the class, group reflection).

Various psychological and pedagogical techniques were used during classes. For example, the method of moral choice was used, where students, avoiding direct influence, were invited to join in the discussion of situations that seemed to be far from their official duties. Being theoretical, these situations in the thoughts and feelings of security department officers shape possible behavior in situations of real responsibility and decision-making [2].

Specially selected exercises aimed at disclosing personal potential, revealing personality resources and learning how to manage various situations were used during the classes. For example, the exercise "Concentration and readiness to act", the purpose of which is to develop the accuracy of actions in conditions of uncertainty (conditions of uncertainty and surprise are created, the speed of decision-making and actions is trained).

Certain achievements in the formation of moral and psychological stability were made by involving officers authorized to carry firearms in the work on the use of self-supporting statements (affirmations), namely: "I am a professional, I do my job", "I am in control of myself, my thoughts, emotions and actions – I am in control of the situation!", "If I do not know what to do in a particular situation, I ask a more experienced officer for advice", "In a critical situation, first think, then act!", "I am confident, calm, attentive and demanding according to the instruction, I act reasonably, based on the current situation". Mini-lectures, discussions, video information sketches, simulation techniques etc. were widely used in class.

The positive outcome of the program is that security division officers become equipped with knowledge, skills and abilities that meet relevant requirements to the professional qualities of such officers; they develop mental balance in cases when the use of firearms is necessary; besides, they implement systematic control of their moral and psychological state, etc. The presented program can be used when planning lectures and practical classes with security division officers of a correctional institution in the framework of service training and in the system of professional development of penal system staff.

Thus, moral and psychological resistance to various kinds of complex and dangerous situations arising in the framework of one's professional activity is considered as one of the leading components in the effectiveness of professional activity of security division officers at correctional institutions of FSIN Russia. The confident behavior of officers when performing official duties is formed through consistent and systematic psychological and pedagogical training, education in the foundations of legal knowledge and implementation

of complex measures in other fields. The use of a specially developed comprehensive and targeted program aimed at developing the moral and psychological stability insecurity division officers at correctional institutions will contribute to the development of the necessary professional qualities in persons authorized to carry firearms. The acquired knowledge, skills and abilities will become the basis for maintaining the emotional balance of an individual and forming the necessary professional qualities.

REFERENCES

1. Barabanshchikov A.V., Glotochkin N.D., Shelyag V.V. *Problemy psikhologii voinskogo kollektiva* [Problems of psychology of the military team]. Moscow: Voenizdat, 1973. 301 p.
2. Zautorova E.V. *Situatsii moral'nogo vybora v npravstvennom razvitii osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: metodicheskie rekomendatsii dlya sotrudnikov ispravitel'nykh uchrezhdenii* [Situations of moral choice in the moral development of convicted youth: methodological recommendations for corrections officers]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2013. 105 p.
3. Kalenchuk L.V., Karayani A.G., Loginov I.P. *Tekhnologii moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Technologies of moral and psychological support: topical issues of theory and practice]. Moscow: VU, 1997. 88 p.
4. Kolodkin L.M. The legality mode and the rationality principle in the penal sphere and the ways to ensure them. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2012, no. 2 (18), pp. 44–47. (In Russ.).
5. *Materialy kollegii o sostoyanii zakonnosti v sfere ispolneniya zakonodatel'stva, napravlennoye na presechenie nezakonnykh metodov vozdeistviya v otnoshenii osuzhdennykh i sodержashchikhsya pod strazhei lits. General'naya prokuratura Rossiiskoi Federatsii, Glavnoe upravlenie pravovoi statistiki i informatsionnykh tekhnologii* [Materials of the Board on the state of legality in the implementation of legislation aimed at suppressing illegal methods of influence against convicted and detained persons. General Prosecutor's office of the Russian Federation, Main Department of Legal Statistics and Information Technologies]. Available at: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1599844/> (accessed September 7, 2020).
6. Slepov V.Ya. *Moral'no-psikhologicheskoe vospitanie budushchikh ofitserov-podvodnikov: uchebnoe posobie* [Moral and psychological education of future submarine officers: textbook]. Leningrad: Vysshie voenno-morskoe uchilishche podvodnogo plavaniya im. Leninskogo komsomola, 1968. 113 p.
7. Stolyarenko A.M. *Ekstremal'naya psikhopedagogika: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Extreme psychopedagogy: textbook for university students]. Moscow: Yuniti, 2002. 607 p.
8. Trubochkin V.P. Psychological conditions for mobilization of police officers to perform their duty. In: *Psikhologo-pedagogicheskie problemy sovershenstvovaniya upravleniya i operativno-sluzhebnoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Psychological and pedagogical issues related to improving management and official activity of internal affairs bodies]. Moscow, 1986. Pp. 22–28 (In Russ.).
9. Ushatkov A.I., Kovalev O.G., Semenov V.A. *Psikhologicheskaya podgotovka sotrudnikov penitentsiarnykh uchrezhdenii k deistviyam v ekstremal'nykh usloviyakh: uchebno-metodicheskoe posobie* [Psychological training of penitentiary staff to act in extreme conditions: study guide]. Ryazan, 1997. 97 p.
10. Fedorova E.M. *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy v protsesse professional'noi podgotovki: uchebnoe posobie* [Spiritual and moral education of employees of the penal system in the process of professional training: textbook]. Moscow: NII FSIN Rossii, 2007. 119 p.
11. Khal'zov V.I. *Pedagogicheskie osnovy vospitaniya voennosluzhashchikh vnutrennikh voisk uchebnoe posobie* [Pedagogical bases of education of military personnel of internal troops]. Leningrad: VPU, 1988. 65 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

TAT'YANA V. VIKTOROVA – leading specialist and expert at the Personnel and Security Department, Interdistrict Office of the Federal Tax Service of Russia No. 3 in the Komi Republic, Ukhta, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-7693>, e-mail: viktoria_psi@mail.ru

EL'VIRA V. ZAUTOROVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

SCIENTIFIC REVIEWS

Review by the official opponent on the Doctor of Sciences (Law) dissertation of Sergei A. Bochkarev “Theoretical and methodological study of criminal law as a system of scientific knowledge”, specialties 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state; 12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law¹

■ **YURII V. GOLIK** – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7449-2659>, e-mail: akskrf@yandex.ru

Criminal law is a unique treasure trove of knowledge. At the same time, it is itself a system of scientific knowledge. It is gratifying to note that S.A. Bochkarev already mentioned this in the title of his research. The key problem is the answer to the seemingly simple question: “What is knowledge?” And how does scientific knowledge differ (or should differ) from routine or everyday knowledge? Are there any such differences at all? For example, a person knows that the sun rises in the East, but they do not know why it rises there and not in the West. They have no idea about the structure of the Universe or the rotation of the planets around the Sun. Does this somehow diminish their basic knowledge that the sun rises in the East? And there are a lot of such questions. In general, our whole life consists of these questions.

As far as criminal law is concerned, this field is no exception. A person commits a crime and should be punished for it. But what is a crime? And what is the punishment? Why was it considered a crime to tread on the shadow of the Pharaoh in Ancient Egypt? And today there is no such crime, and there are no pharaohs themselves. And thefts were committed under the pharaohs and are being committed now. Thefts outlived pharaohs. Will they be committed in the future? Who knows?

¹ At the meeting of the Dissertation Council D 002.002.07 on June 25, 2020 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences it was decided to confer the degree of Doctor of Sciences (Law) on Sergei A. Bochkarev, following the results of his defending the dissertation entitled “Theoretical and methodological study of criminal law as a system of scientific knowledge”.

Previously, people were quite often executed for crimes. Moreover, they were often executed in a very sophisticated way. Experts count more than two hundred types of death penalty. Today, such things happen less and less often, but the agenda is personality modification as a criminal punishment. Is it better or worse? Who knows?

Such questions have been accumulating for millennia and will continue to accumulate. It is like the process of learning itself: it has a beginning, but it has no end.

It would seem that nothing has changed. Pharaohs were replaced by other types of rulers, and theft has partially remained unchanged, and has partially transformed into other forms of theft. And the shadow of the pharaohs (presidents, monarchs, and other leaders) has not gone away.

But according to the historical process, as the most objective criterion, it can be judged that changes were actually occurring latently and eventually they have occurred. First and foremost they concerned knowledge. The knowledge of what the “shadow” is and what its sanctity is, and how this sanctity differs from the no less sacred right of property, has been formed. The understanding came through the modification and accumulation of this knowledge.

As the candidate convincingly demonstrated (p. 290), first came an individual and in many ways advanced understanding at the level of individual thinkers that, unlike property, “shadow” has no ontological value, and the value attached to it has only “coming” and “going” properties. Only then, many centuries later, came the public understanding and recognition of these same provisions. In other words, there was a socialization of knowledge.

As a result of long-term and, as a rule, experienced knowledge of public life, its changes under the influence of various factors, the full amount of knowledge about the objects protected by law was achieved. Its formation, in turn, did not pass without a trace and did not remain in the minds of philosophers. It led to specific consequences for criminal law – to its transformation, to its humanization or dehumanization, to the expansion or narrowing of its sphere of competence and jurisdiction.

In this regard, we cannot but agree with the author of the dissertation when he convincingly describes knowledge in its two key and inextricably interrelated hypostases. The first one is an object of the evolution of social consciousness (p. 20), and therefore he applies a metaphysical approach to it, since without a high degree of abstraction inherent in this approach, the processes of a supra-historical order cannot be traced by any positive method. The second one is a result of concrete historical development (p. 23), when knowledge about the event of the case, a person’s guilt, danger and punishability of the act they committed is produced “here and now” by the participants in the proceedings.

All these parameters of criminal law and knowledge about it are usually either lowered or not raised in science. Why? The problem, according

to the author, lies in the type of scientific rationality that scientists have adopted (p. 21). Because of its inherent limitations, judgments about the dynamics of criminal law today are dominated by a localized view and situational logic. In the best traditions of positivism, experts, as a rule, explain changes in the system, structure and norms of criminal law specifically by historical events, the will and preferences of the current government (the ruling class). A very convenient approach, I must say, because it helps them to find answers to trivial and largely populist questions without delving into social matters: "Who is to blame?", "What to do and who should do it?" As a result, it turns out that the positivist approach is actively used mainly due to its clarity and convenience, and not because of its cognitive usefulness and integrity.

The course of epistemological processes hidden from the naked eye is practically not taken into account. No attention is paid to the fact that through socio-political institutions, which are usually referred to by positivists as a sufficient explanation of the changes taking place in society, knowledge is mainly objectified, recognized and given an official status due to social approval, wide dissemination and introduction into practical life.

What has already been said makes us consider the whole process comprehensively, and this sooner or later should lead the researcher to the system and all knowledge.

The doctoral candidate called his dissertation a theoretical and methodological study of criminal law. Of course, criminal law was studied long before it, and it is still being studied today. It is also studied as a system. However, until now, no one has taken the liberty of studying this problem as a system of scientific knowledge. This is fundamentally important, because it allows us to look at all criminal law as if from the outside, while being inside. The effect of cognition increases many times.

All this makes it possible to evaluate the work as relevant, having great theoretical and, strange as it sounds in this case, practical significance. It can serve as a solid basis for a number of further studies.

The work is very well structured. Given a wide range of issues, the author was able to select those that best highlight all the problematic aspects of the topic and scrupulously described them.

When writing the work, the author used a very large amount of literature, including foreign. He used normative material, judicial practice, and research by other authors. All this makes it possible to evaluate the conclusions and suggestions made by him as scientifically sound and reliable, which can be used in other scientific research.

The work contains quite a lot of "live" examples that not only illustrate the author's idea, but also allow us to get deeper into the essence of the problem, highlight some new aspects of the topic, and make the process of learning more capacious.

The structure of the work is very interesting. The author begins the research with the study of the genesis of criminal law knowledge (Chapter 1). I would

like to highlight the fact that he is talking about the genesis and criminal law knowledge. Then he goes on to describe the state of the subjects of criminal law knowledge (Chapter 2). This is a very important point: who and how creates criminal law knowledge. As a rule, we do not think about it at all in our daily life, and a close look allows us to highlight such unexpected layers and approaches that wit makes us think: "Who is at the helm of the process?". Then he begins to study the state of criminal law knowledge as an object of knowledge (Chapter 3). I would, however, swap these chapters, but this would require other changes (primarily within these chapters themselves). However, the author is free to choose his own path of knowledge; anyway, he is the author. In Chapter 4, the author gives his vision of the picture of the philosophical prerequisites for the formation of criminal law thought and its transformation into knowledge. It is fundamentally important to note that the author sees first the appearance of thought as such (how can we not remember: "In the beginning there was a word"), which can then, but not necessarily, be transformed into knowledge. This is a very promising research approach, in the field of criminal law as well. Chapter 5 "The potential of the philosophical approach in the knowledge of criminal law" concludes the dissertation. If you carefully read the author's descriptions, we will see a truly boundless ocean of possibilities for using philosophy in criminal law. And this is very good.

It should be noted here that the author's appeal to the philosophical experience was meaningful. He consistently and extensively justified throughout the first three chapters the need for its use by the modern science of criminal law, which mainly shares directly opposite views on philosophy. At the same time, S.A. Bochkarev made the transition to the philosophical foundations of criminal law not only to indicate the imperfection of the structure of scientific knowledge and to fill the existing shortage of the philosophical element in it.

The transition was purposefully made by the author in contrast to the traditional approach, with the help of which criminal law knowledge is now obtained in mainly an empirical and very time-consuming way, and therefore, we can say, in a socially unjustified way. It takes centuries, or even millennia, to realize and implement "simple" truths, as the author has proved on a rich historical material (p. 289–370). Let us recall what Protagoras said in the fifth century BC: he proposed to abandon retribution as an idea of punishment and use it only to reform the guilty; and the mass adaptation of these proposals and their gradual implantation in legislation as a norm of public life began only at the dawn of Modern Times.

The author proved and showed by examples that close cooperation between scientific and philosophical knowledge is an alternative, useful and authoritative way for science to replenish knowledge through understanding the ontological foundations of criminal law. It helps learn "here and now" what is the good protected by this right through going

deep into its nature and without applying the trial and error method to it, which requires significant time, resource, and socio-political costs for its implementation. The same way is not an alternative for checking the criminal law knowledge that science has obtained exclusively by empirical means, for distinguishing speculative values from the so-called true goods that really need criminal law protection.

The structure of the work chosen by the author and the methods of description he used allowed him to achieve his goals and objectives and fully reveal the content of the problem.

It should be noted that the work is defended in two specialties, and this deserves respect and approval. In general, the division of knowledge into specialties today is becoming more and more conditional. No wonder I. Wallerstein argued that such a division (in the areas of science) exists only in our head and has nothing to do with real life or real science.

The overall positive assessment of the work does not exclude the possibility of making some comments.

First. Some of the theses of the provisions submitted for defending raise questions. Thus, on page 20 (regulation No. 5), the author states: "The true and permanent source of criminal law knowledge is human consciousness". Is it always so? Consciousness can receive ready-made knowledge from outside. For example, a rule of law, provisions of criminal law theory, etc. In this case, will it – consciousness – also be a source of knowledge?

Second. On page 21, regulation No. 8, the author states that the logical-positivist and critical-rationalist traditions led "to the development of restrictions in the scientific knowledge of criminal reality, to the achievement of limits in the practical understanding of criminal law validity, as well as to the appearance of costs in social support of law". How could this lead to "the development of limitations in scientific knowledge"? What are these limitations in scientific knowledge? Are they possible in principle?

Third. In Chapter 1, the author pays much attention to the description of the process of formation of the science of criminal law in Russia. At the same time, he uses the materials of a discussion published

in the newspaper *Pravo* in 1915. Today, the newspaper itself and that discussion have been forgotten for a long time. A.N. Traynin wrote well about it in his time, and his work on this subject is practically forgotten. And for no good reason. The fact is that the discussion about the development of criminal legislation in Germany has actually caused a crisis in the science of criminal law in Germany. We had something similar in the 1950s, when scientists were trying to determine what guilt is in criminal law. There is a well-known phrase uttered by Poskrebyshev during the 19th Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks: "You can't understand guilt without wine", which ended the entire discussion. Instead of dealing with this complex issue, we stopped all search for the truth for many years. The question is, can we avoid the mistakes of the past in the search for truth, or will we repeat them with absurd persistence?

Fourth. On page 122, the author quotes a work from a decade ago, which states that Russian society is moving into the era of globalism. In our time, there are a lot of reasoned conclusions that the era of globalism is over. One of the latter is described by academician S.Yu. Glazyev in his report "On the deep causes of the growing chaos and measures to overcome the economic crisis". Globalism as such was also abandoned by its "parents" (Soros and others). Should we rely on long-standing conclusions today?

Fifth. I cannot agree with the author's support for the long-standing position of I.G. Mikhailovskii that criminal policy is not a science (p. 146). Much water has flown under the bridge since that time, everything has changed. The author contradicts himself to some extent, when later (p. 203) he places criminal policy and criminal law next to each other. Does it mean that criminal policy is a science after all?

These comments are of a private and clarifying nature, and can be challenged if desired. They do not compromise and cannot shake the overall positive impression of a work that meets all the requirements for this type of work, is an independent, complete scientific work and is quite reasonably submitted for defense.